

Утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26 апреля 2017г.

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

№2 (2017)

“

Комментарии старшего партнера Юридического бюро "Байбуз и Партнеры " Вадима Байбуза к к 2-му Обзору судебной практики Верховного Суда за 2017 год.

По уголовным делам

1. Правила назначения наказания, предусмотренные ч. 1 ст. 62 УК РФ, применяются в отношении женщин и в тех случаях, когда санкция статьи предусматривает пожизненное лишение свободы, поскольку этот вид наказания не может быть назначен женщинам в соответствии с требованиями ч. 2 ст. 57 УК РФ. При установлении ограничений на выезд за пределы территории соответствующего муниципального образования, указание конкретного муниципального образования в приговоре не требуется. Исходя из положений ч. 3 ст. 471 УИК РФ наименование муниципального образования определяется той уголовно-исправительной инспекцией, в которой осужденный должен будет встать на учет после отбывания лишения свободы.

По приговору суда С., судимая 10 февраля 2009 г. по п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ к 2 годам лишения свободы условно с испытательным сроком 3 года, осуждена по пп. «ж», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ к 14 годам лишения свободы с ограничением свободы на 2 года. В соответствии с ч. 5 ст. 74 УК РФ отменено условное осуждение и на основании ст. 70 УК РФ по совокупности приговоров путем частичного присоединения к назначенному наказанию неотбытой части наказания по приговору от 10 февраля 2009 г. окончательно назначено 15 лет лишения свободы с ограничением свободы на 2 года, с установлением на этот срок в соответствии с ч. 1 ст. 53 УК РФ следующих ограничений: не изменять место жительства и пребывания без согласия специализированного

государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы, не выезжать за пределы территории муниципального образования г. Новосибирска, являться в специализированный государственный орган, осуществляющий надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы, два раза в месяц для регистрации. Кассационным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации приговор в отношении С. оставлен без изменения. Президиум Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев уголовное дело по надзорной жалобе осужденной, изменил судебные решения в части назначенного С. наказания по следующим основаниям. Из содержания приговора следует, что суд первой инстанции смягчающим наказание осужденной С. признал явку с повинной. Обстоятельств, отягчающих наказание, судом не установлено. Согласно положениям ч. 1 ст. 62 УК РФ при наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ (к которым относится явка с повинной), и отсутствии отягчающих обстоятельств срок или размер наказания не могут превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса. В соответствии с ч. 2 ст. 57, ч. 2 ст. 59 УК РФ пожизненное лишение свободы и смертная казнь женщинам не назначаются. Следовательно, с учетом требований ст. 62 УК РФ С. по пп. «ж», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ не могло быть назначено наказание, превышающее 13 лет 4 месяцев лишения свободы. Однако ей за указанное преступление назначено 14 лет лишения свободы. Не была исправлена допущенная ошибка и при рассмотрении уголовного дела судом кассационной инстанции. Кроме того, при назначении в соответствии с ч. 1 ст. 53 УК РФ дополнительного наказания в виде ограничения свободы суд первой инстанции ошибочно указал на запрет С. выезжать за пределы территории муниципального образования – г. Новосибирска, поскольку исходя из положений ч. 3 ст. 471 УИК РФ наименование муниципального образования определяется той уголовно-исправительной инспекцией, в которой осужденная должна будет встать на учет после отбывания лишения свободы. С учетом изложенного Президиум Верховного Суда Российской Федерации изменил приговор и кассационное определение в отношении С. и смягчил ей наказание по пп. «ж», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ до 13 лет лишения свободы с ограничением свободы сроком на 2 года, установив в соответствии с ч. 1 ст. 53 УК РФ следующие ограничения: не изменять место жительства или пребывания, а также не выезжать за пределы территории соответствующего муниципального образования без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы, с возложением обязанности являться в специализированный государственный орган для регистрации два раза в месяц.

Постановление Президиума Верховного Суда
Российской Федерации № 6-П17

Максимальное наказание по п. п. "ж", "к" ч. 2 ст. 105 для женщин, с учетом невозможности назначения им пожизненного заключения составляет 20 лет лишения свободы. Поскольку суд обоснованно признал явку с повинной смягчающим обстоятельством, срок или размер наказания не мог превышать двух третей максимального срока, предусмотренного указанной статьей УК РФ. Таким образом, максимальный срок наказания для женщины по данной статье уголовного кодекса не должно превышать 13 лет 4 месяцев.

При назначении в соответствии с ч. 1 ст. 53 УК РФ дополнительного наказания в виде ограничения свободы суд не вправе указывать на запрет осужденной выезжать за пределы территории какого-либо конкретного муниципального образования. Вопрос о наименовании муниципального образования, в соответствии с ч. 3 ст. 47.1 УИК РФ, должен определяться той уголовно-исправительной инспекцией, в которой осужденная должна будет встать на учет после отбывания лишения свободы.

Согласно п. 1 ст. 50 УИК РФ наказание в виде ограничения свободы отбывается осужденным по месту его жительства. Поскольку речь идет о дополнительном наказании, может возникнуть обоснованный вопрос – что является местом жительства человека, который к началу его исполнения провел в колонии 14 лет? Конечно адрес регистрации. Но к тому времени этот адрес по различным причинам может измениться. Таким образом, законодатель установил, что, исходя из предписания, которое выдает осужденному исправительное учреждение по окончании отбытия срока лишения свободы, указанная в нем уголовно-исправительная инспекция по месту жительства осужденного обязана принять его и, в том числе, определить пределы территории муниципального образования которые осужденный не вправе нарушать. При этом уголовно-исправительная инспекция может дать согласие на изменение места жительства осужденного при наличии исключительных обстоятельств, в т.ч. изменение семейного положения, болезнь родственников, приобретение иного жилья и т.д.

2. Если установленное в санкции статьи дополнительное наказание в виде штрафа или ограничения свободы не является обязательным, то суд в описательно-мотивировочной части приговора должен привести основания их назначения.

По приговору суда, постановленному с участием присяжных заседателей, К. осужден по ч. 3 ст. 33, п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ (в редакции Федерального закона от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ) к 11 годам лишения свободы со штрафом в размере 500 000 руб. с ограничением свободы сроком на 1 год, по ч. 3 ст. 33, п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ (в редакции Федерального закона от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ) к 14 годам лишения свободы с ограничением свободы сроком на 1 год 6 месяцев, по ч. 2 ст. 222 УК РФ (в редакции Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ) к 3 годам лишения свободы. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний окончательно назначено 18 лет лишения свободы со штрафом в размере 500 000 руб., с ограничением свободы сроком на 2 года, запрещено изменять место жительства или пребывания без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы, в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, а также выезжать за пределы территории г. Подольска Московской области, на него возложена обязанность являться в специализированный государственный орган для регистрации четыре раза в месяц. Апелляционным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации приговор оставлен без изменения. Президиум Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев уголовное дело по надзорной жалобе осужденного, изменил судебные решения в части назначенного К. наказания по следующим основаниям. Суд первой инстанции, квалифицировав действия осужденного по ч. 3 ст. 33, п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ, помимо основного наказания в виде лишения свободы назначил ему дополнительные наказания в соответствии с санкцией этой нормы в виде штрафа в размере 500 000 руб. и ограничения свободы сроком на 1 год с установлением указанных в приговоре ограничений.

Однако, как следует из редакции данной статьи уголовного закона, назначение дополнительных наказаний в виде штрафа и ограничения свободы не является обязательным, их применение возможно по усмотрению суда. Между тем суд, назначив по ч. 3 ст. 33, п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ дополнительные наказания в виде штрафа и ограничения свободы, в описательно-мотивировочной части приговора данное решение не мотивировал. При таких обстоятельствах Президиум исключил из судебных решений дополнительные наказания в виде штрафа в размере 500 000 руб. и ограничения свободы, назначенные К. по ч. 3 ст. 33, п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ. Также из судебных решений исключено указание на запрет К. выезжать за пределы территории г. Подольска Московской области при назначении дополнительного наказания в виде ограничения свободы по ч. 3 ст. 33, п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ (в редакции Федерального закона от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ), поскольку исходя из положений ч. 3 ст. 471 УИК РФ наименование муниципального образования

определяется той уголовно-исправительной инспекцией, в которой осужденный должен будет встать на учет после отбывания лишения свободы.

Постановление Президиума Верховного Суда
Российской Федерации № 191-П16

“

При вынесении приговора суд первой инстанции, а за ним и апелляционный суд проигнорировали рекомендации Пленума Верховного Суда, данные в ПОСТАНОВЛЕНИЕ от 22 декабря 2015 г. N 58 О ПРАКТИКЕ НАЗНАЧЕНИЯ СУДАМИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

Согласно п. 59 которого, при назначении наказания по статьям уголовного закона, предусматривающим возможность применения дополнительных наказаний по усмотрению суда, в приговоре следует указать основания их применения с приведением соответствующих мотивов. Если суд придет к выводу об отсутствии оснований для назначения дополнительных наказаний, указав на это в описательно-мотивировочной части приговора, то в резолютивной его части не требуется указывать, что основное наказание назначается без того или иного вида дополнительного наказания (например, лишение свободы без штрафа, без ограничения свободы).

Таким образом, Президиум еще раз обратил внимание нижестоящих судов о необходимости следовать рекомендациям постановлений Пленума Верховного Суда.

Постановления Пленума ВС не возникают на пустом месте, их основной задачей является систематизирование и приведение судебной практики к единообразию применения.

Таким образом, внимание судов, еще до созыва Пленума, неоднократно обращалось Верховным Судом на необходимость мотивировки дополнительных наказаний. В частности, об этом говорилось в ОБЗОРЕ НАДЗОРНОЙ ПРАКТИКИ СУДЕБНОЙ КОЛЛЕГИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ЗА ПЕРВОЕ ПОЛУГОДИЕ
2012 ГОДА

3.1.1. При назначении дополнительного наказания суд обязан мотивировать свое решение.

Неуказание в приговоре оснований применения дополнительных наказаний, на мой взгляд, носит системный характер. Внимание судьи при постановлении приговора, как правило, сосредоточено на правильном назначении основного наказания, в то время как дополнительное наказание часто назначается произвольно, исходя из сложившейся практики данного суда.

3. *В соответствии с ч. 4 ст. 132 УПК РФ, если подозреваемый, обвиняемый заявил об отказе от защитника, но отказ не был удовлетворен и защитник участвовал в уголовном деле по назначению, то расходы на оплату труда адвоката возмещаются за счет средств федерального бюджета.*

Определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации адвокатам А. и В. выплачено вознаграждение за осуществление защиты осужденных М. и Ч. в суде апелляционной инстанции соответственно в размере 21 600 и 25 200 руб. из средств федерального бюджета. Процессуальные издержки в размере 21 600 и 25 200 руб. взысканы в доход федерального бюджета с осужденных. Осужденные в надзорных жалобах просили отменить указанные определения в части взыскания с них процессуальных издержек, поскольку от услуг адвокатов они отказались. Президиум Верховного Суда Российской Федерации исключил из определений указания о взыскании с осужденных процессуальных издержек, мотивировав свое решение следующим. Согласно ч. 4 ст. 132 УПК РФ, если подозреваемый, обвиняемый заявил об отказе от защитника, но отказ не был удовлетворен и защитник участвовал в уголовном деле по назначению, то расходы на оплату труда адвоката возмещаются за счет средств федерального бюджета. Из материалов уголовного дела следует, что осужденный М. отказался от услуг адвоката А. при рассмотрении дела в апелляционном порядке, указав на это в соответствующей расписке, подтвердив отказ в заседании суда апелляционной инстанции. Однако для осуществления защиты осужденного в суде апелляционной инстанции был назначен адвокат А., которому выплачено вознаграждение в размере 21 600 руб. за осуществление защиты осужденного. Указанная сумма взыскана с осужденного М. в доход федерального бюджета. Осужденный Ч. также отказался от услуг адвоката В. при рассмотрении дела в апелляционном порядке в письменном виде, подтвердив отказ в судебном заседании суда апелляционной инстанции. Несмотря на это, для осуществления защиты осужденного в суде апелляционной инстанции был назначен

адвокат В., которому выплачено вознаграждение в размере 25 200 руб. за осуществление защиты осужденного. Указанная сумма взыскана с осужденного Ч. в доход федерального бюджета. При таких обстоятельствах, когда осужденные М. и Ч. отказались от услуг защитников при рассмотрении уголовного дела в апелляционном порядке, однако их отказ не был удовлетворен и защитники участвовали при рассмотрении дела по назначению суда, на осужденных не может быть возложена обязанность по возмещению расходов, связанных с оплатой труда адвокатов.

Постановление Президиума Верховного Суда
Российской Федерации № 196-П16

“

Президиумом ВС РФ высказана справедливая правовая позиция по вопросу взыскания денежных средств для оплаты труда участвующих в процессе адвокатов. Смысл этой позиции заключается в том, что раз адвокат участвовал в суде апелляционной инстанции даже вопреки воле осужденного, его работа подлежит оплате. При этом, совершенно справедливо, что осужденный не должен возмещать расходы на навязанного ему судом адвоката, от которого он отказывался в порядке ч. 2 ст. 52 УПК РФ “Отказ от защитника”.

По гражданским делам

Разрешение споров, возникающих в связи с защитой права собственности и других вещных прав

4. Восстановление жилого помещения после пожара не является созданием нового объекта, на который необходимо признание права собственности.

К. обратился в суд к С. с иском о прекращении права общей долевой собственности на жилой дом, признании права собственности на оставшуюся после пожара часть жилого дома, об обязанности устранить нарушения противопожарных требований, допущенных при возведении жилого дома. В обоснование иска К. указал, что он и А. являлись собственниками жилого дома и земельного участка. В соответствии с договором реального раздела земельного участка и жилого дома и сложившимся порядком пользования часть дома находилась в пользовании А., а другая часть находилась в пользовании К. После пожара, уничтожившего жилой дом, А. продал свой участок. С.

снес сохранившуюся после пожара часть дома, находившуюся в пользовании А., и в настоящее время возводит на ее месте новый объект. К. отказано в государственной регистрации права на принадлежащую ему часть жилого дома, хотя она является объектом капитального строительства, он принимает меры к ее полному восстановлению. К. полагал, что при возведении жилого дома ответчиком нарушены градостроительные и противопожарные нормы. С учетом изложенного К. просил суд прекратить право общей долевой собственности на спорный жилой дом, признать за ним право собственности на сохранившуюся после пожара часть жилого дома, а также обязать С. устранить нарушения противопожарных требований, допущенные при возведении нового жилого дома. Решением суда искивые требования К. удовлетворены. Апелляционным определением данное решение суда отменено в части удовлетворения искивых требований К. о признании права собственности на часть жилого дома, об обязанности С. устранить нарушения противопожарных требований, в указанной части принято новое решение, которым в удовлетворении искивых требований К. отказано. Судом установлено, что на основании договора купли-продажи 1993 года К. и А. принадлежали на праве общей долевой собственности по ½ доли жилого дома. 18 сентября 2008 г. между К. и А. заключен договор реального раздела земельного участка с жилым домом, согласно которому часть жилого дома площадью 85,6 м² и земельный участок площадью 1167 м² принадлежат А., часть жилого дома площадью 166,8 м² и земельный участок площадью 1150,5 м² принадлежат К. На основании указанного договора К. выдано свидетельство о государственной регистрации права от 16 сентября 2013 г. на земельный участок площадью 1136 м², на часть жилого дома свидетельство не выдано. 16 декабря 2009 г. в жилом доме, принадлежащем К. и А., произошел пожар, в результате пожара сгорели внутренние помещения по всей площади, кровля по всей площади, мансарда по всей площади, выгорели потолочные и напольные перекрытия. Решением суда от 25 октября 2011 г. с А. в пользу К. в счет возмещения ущерба, причиненного пожаром, взыскана денежная сумма. По договору купли-продажи от 11 июня 2013 г. А. продал, а С. купил земельный участок площадью 1167 м².

Постановлением главы местной администрации от 22 августа 2014 г. земельному участку присвоен новый адрес. С. оставшаяся после пожара часть дома демонтирована. 3 сентября 2014 г. местной администрацией С. выдано разрешение на строительство жилого дома. Возведенное С. строение представляет собой жилой дом с мансардным этажом общей площадью 280,1 м². Сохранившаяся после пожара часть здания, расположенная на земельном участке К., не демонтирована, состоит из цокольного этажа. Разрешая спор, суд апелляционной инстанции согласился с выводом суда первой инстанции о том, что поскольку жилой дом, который принадлежал сторонам на праве общей долевой собственности, сгорел, на земельном участке ответчика часть оставшегося дома демонтирована, то право собственности на этот объект следует считать прекратившимся. При этом судебная коллегия указала, что в результате произведенного К. строительства жилого дома на земельном участке, правообладателем которого он является, фактически создан новый объект недвижимости, который в силу п. 1 ст. 222 ГК РФ является самовольной постройкой,

доказательств, что указанное строение возведено с соблюдением строительных норм и правил, норм пожарной безопасности, не угрожает жизни и здоровью граждан, материалы дела не содержат, в связи с чем пришла к выводу о том, что не имеется оснований для удовлетворения исковых требований К. о признании права собственности на часть жилого дома, не завершеного строительством, степенью готовности 30%. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила апелляционное определение, направив дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции. В соответствии с п. 1 ст. 6 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» (в редакции, действовавшей на момент возникновения спорных правоотношений) права на недвижимое имущество, возникшие до момента вступления в силу данного федерального закона, признаются юридически действительными при отсутствии их государственной регистрации, введенной этим федеральным законом. Государственная регистрация таких прав проводится по желанию их обладателей. Таким образом, право собственности К. на сохранившуюся после пожара часть жилого дома хоть и не было зарегистрировано, но являлось действительным, и в соответствии со ст. 209 ГК РФ истцу принадлежало право на восстановление имущества, пострадавшего при пожаре. Согласно п. 1 ст. 235 ГК РФ право собственности прекращается при отчуждении собственником своего имущества другим лицам, отказе собственника от права собственности, гибели или уничтожении имущества и при утрате права собственности на имущество в иных случаях, предусмотренных законом. По смыслу приведенной правовой нормы, основанием прекращения права собственности на вещь являются в том числе гибель или уничтожение имущества, влекущие полную и безвозвратную утрату такого имущества. При этом восстановление объекта не является созданием нового объекта, на который необходимо признание права собственности. Как установлено судом, в результате произошедшего пожара сохранилась часть жилого дома, находившегося в общей долевой собственности истца и ответчика. Однако в нарушение требований ст. 198 ГК РФ данному обстоятельству суд оценку не дал. Отказ собственника от права собственности является одним из оснований прекращения права собственности в соответствии с п. 1 ст. 235 ГК РФ. Гражданин или юридическое лицо может отказаться от права собственности на принадлежащее ему имущество, объявив об этом либо совершив другие действия, определенно свидетельствующие о его устранении от владения, пользования и распоряжения имуществом без намерения сохранить какие-либо права на это имущество (ст. 236 ГК РФ). Совершение собственником действий по устранению от владения, пользования и распоряжения имуществом без намерения сохранить какие-либо права на него влечет прекращение его права собственности на это имущество. Судом установлено, что ответчиком построен отдельный жилой дом на принадлежащем ему земельном участке, каких-либо действий в отношении оставшейся после пожара части жилого дома им не осуществлялось и каких-либо притязаний в отношении этого объекта не заявлялось, ответчик в возражениях на иск исходил из отсутствия у него права собственности на оставшийся после пожара объект. Однако судом не была дана правовая квалификация данных обстоятельств, не установлено,

отказывался ли С. от принадлежащего ему права собственности на сохранившийся после пожара жилой дом, было ли его право собственности прекращено в установленном законом порядке. Как разъяснено в п. 29 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 10, Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 22 от 29 апреля 2010 г. «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав», положения ст. 222 ГК РФ не распространяются на отношения, связанные с созданием самовольно возведенных объектов, не являющихся недвижимым имуществом, а также на перепланировку, переустройство (переоборудование) недвижимого имущества, в результате которых не создан новый объект недвижимости.

Лица, право собственности или законное владение которых нарушается сохранением таких объектов, могут обратиться в суд с иском об устранении нарушения права, не соединенного с лишением владения (ст. 304 ГК РФ). В случаях, когда самовольно возведенный объект, не являющийся новым объектом или недвижимым имуществом, создает угрозу жизни и здоровью граждан, заинтересованные лица вправе на основании п. 1 ст. 1065 ГК РФ обратиться в суд с иском о запрете деятельности по эксплуатации данного объекта. При таких обстоятельствах суду надлежало установить, является ли строение, о признании права собственности на которое ставил вопрос К., восстановленным имуществом либо вновь созданным, соответствует ли данный объект требованиям, предъявляемым к нему законом. Данное обстоятельство является существенным для правильного разрешения спора, поскольку при рассмотрении дела установлено, что на смежных земельных участках, принадлежащих истцу и ответчику, существуют два строения, расположение которых относительно друг друга не соответствует требованиям градостроительного законодательства и безопасности. В силу диспозитивности гражданского законодательства возведение нового строения и последующее возникновение прав на него не должны умалять уже существующие права третьих лиц, добросовестно их реализовавших. Таким образом, разрешение вопроса о том, является ли строение, находящееся на земельном участке К., существовавшим до строительства дома, принадлежащего С., либо вновь созданным по отношению к нему, необходимо для правильного определения правоотношений сторон и законного разрешения возникшего между ними спора, от чего суд уклонился. В случае возникновения вопросов, требующих наличия специальных знаний, суд на основании положений ст. 79 ГПК РФ мог назначить соответствующую экспертизу, чего также сделано не было.

Определение № 33-КГ16-12

Весьма интересное дело. Из исходных данных можно предположить, что сгорел практически весь дом, за исключением фундамента и цоколя. Нет сомнения, что без заключения эксперта суду будет невозможно принять справедливое решение. Однако и наличие заключения эксперта не может являться безусловным доказательством правоты одной из сторон спора.

Так, ВС указал, что нижестоящий суд должен был установить отказывался ли С. (Ответчик) от принадлежащего ему права собственности на сохранившийся после пожара жилой дом, было ли его право собственности прекращено в установленном законом порядке. Однако из определения следует, что С. снес, сохранившуюся после пожара часть дома, находившуюся в пользовании А., и в настоящее время возводит на ее месте новый объект.

Судом установлено, что между Истцом и А. был заключен договор реального раздела земельного участка и жилого дома, в результате чего между ними сложился порядок пользования частями дома. Между тем, заключение т.н. договора реального раздела, не создает юридических обязательств для третьих сторон, так как им регулировался только порядок пользования помещениями, но не затрагивались вопросы права собственности на них. Таким образом, поскольку право собственности на часть дома, находившуюся на земельном участке К. за последним не зарегистрировано в ЕГРП, она находилась в совместной собственности сторон. И в случае если С. не отказывался от принадлежащего ему права совместной собственности, он в настоящее время является сособственником К. на часть дома, оставшуюся после пожара. Это влияет на необходимость дать правовую квалификацию строению, сооруженному К. на останках дома (цокольном этаже). Если будет установлено, что С. является долевым собственником цоколя, встанет вопрос о законности возведения К. строения без согласования с С. Поскольку в исходном требовании истец просил суд прекратить право общей долевой собственности, ответчик обладает на часть дома, оставшуюся после пожара такими же правами, как и истец.

Разрешение споров, связанных с заключением обеспечительных сделок

5. *Если залогодатель является должником по двум или более обязательствам и не исполняет их, то за счет стоимости заложенного имущества погашаются прежде всего требования кредитора залогодержателя.*

Банк, С., П., О., В. обратились в суд с иском к Л.Л., Л. о признании наследниками, взыскании долгов наследодателя с наследников, взыскании задолженности по кредитным договорам и об обращении взыскания на заложенное имущество. В обоснование исковых требований банк указал, что между Л.В. и банком были заключены кредитные договоры. В обеспечение исполнения обязательств по кредитным договорам между банком и Л.В. заключены также договоры залога недвижимого имущества, согласно которым в залог банку переданы земельный участок и жилой дом. Кроме того, в обеспечение исполнения обязательств по кредитным договорам между банком и супругой заемщика Л. заключены договоры поручительства. В связи со смертью Л.В. (заемщика) банк просил суд признать наследниками умершего его отца Л.Л. и супругу Л., солидарно взыскать с наследников задолженность по кредитным договорам, обратиться взыскание на заложенное имущество (жилой дом и земельный участок) путем его продажи с публичных торгов, взыскать сумму оплаченной государственной пошлины. С., П., О. и В. – третье лицо, заявляющее самостоятельные требования относительно предмета спора, просили взыскать с ответчиков денежные средства по сделкам, заключенным с Л.В. и не исполненным им. Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, исковые требования удовлетворены частично. Наследником Л.В. признан его отец Л.Л. В пользу банка с Л.Л. взыскана задолженность по кредитному договору-1 в размере 1 242 005,41 руб. Также в пользу банка солидарно с Л.Л. и Л. взыскана задолженность по кредитному договору-2 в размере 1 242 465,92 руб. Обращено взыскание на заложенное имущество (земельный участок и жилой дом) путем его продажи с публичных торгов с начальной продажной стоимостью в 1 129 480 руб. для жилого дома и 2 246 954,40 руб. для земельного участка. С Л.Л. в пользу банка также взысканы расходы на уплату госпошлины в размере 14 311,81 руб., с Л. – в размере 10 311,18 руб. С Л.Л. также взысканы денежные суммы: в пользу О. – в размере 2 45 914,31 руб. и расходы на оплату государственной пошлины в размере 5659,14 руб.; в пользу П. – в размере 234 401,47 руб. и расходы на оплату государственной пошлины в размере 5544,02 руб.; в пользу С. – в размере 784 254,83 руб. и расходы на оплату государственной пошлины в размере 11 042,55 руб.; в пользу В. – в размере 856 094,94 руб. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации по кассационной жалобе представителя правления банка отменила указанные судебные постановления с направлением дела на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции по следующим основаниям. Как установлено судом, 18 августа 2006 г. между Л.В. и банком заключен кредитный договор, по условиям

которого Л.В. предоставлен кредит в размере 3 200 000 руб. сроком до 17 августа 2011 г.

Дополнительным соглашением к кредитному договору от 27 августа 2013 г. срок исполнения обязательств по возврату заемных денежных средств продлен до 23 июля 2016 г. 22 июля 2008 г. между Л.В. и банком заключен кредитный договор, по условиям которого Л.В. предоставлен кредит в размере 2 800 000 руб. сроком до 22 июля 2013 г. Дополнительным соглашением к кредитному договору от 27 августа 2013 г. срок исполнения обязательств по возврату заемных денежных средств продлен до 23 июля 2016 г. В обеспечение исполнения обязательств по заключенным кредитным договорам с заемщиком заключены договоры залога недвижимого имущества – земельного участка площадью 1444,30 кв. м и жилого дома общей площадью 76,60 кв. м, а с его супругой Л.И. – договоры поручительства. В связи с ненадлежащим исполнением обязательств по возврату заемных денежных средств у Л.В. перед банком образовалась задолженность в сумме 4 933 486,63 руб. 16 марта 2014 г. Л.В. умер. В наследственную массу после его смерти вошло указанное выше недвижимое имущество, а также 1/9 доли в праве общей долевой собственности на квартиру. С заявлением о принятии наследства обратился наследник первой очереди Л.Л. (отец наследодателя), которым было принято наследство умершего. Супруга Л.В. – Л. и его дочь с заявлением о принятии наследства не обращались. В ходе разбирательства по делу судом была назначена судебная экспертиза по оценке принадлежащего Л.В. имущества. Согласно заключению эксперта рыночная стоимость жилого дома составила 1 411 850 руб., земельного участка – 2 808 693 руб. Рыночная стоимость доли в праве общей долевой собственности на квартиру была определена исходя из ее кадастровой стоимости и составила 384 593,86 руб. Разрешая спор, суд исходил в том числе из того, что статус залогодателя не дает банку преимущества перед другими кредиторами наследодателя при определении размера денежных обязательств, удовлетворяемых за счет имущества наследника. Между тем согласно п. 1 ст. 334 ГК РФ (здесь и далее статьи Гражданского кодекса Российской Федерации приведены в редакции, действовавшей на момент возникновения спорных отношений) в силу залога кредитор по обеспеченному залогом обязательству (залогодержатель) имеет право в случае неисполнения должником этого обязательства получить удовлетворение из стоимости заложенного имущества преимущественно перед другими кредиторами лица, которому принадлежит это имущество (залогодателя), за изъятиями, установленными законом.

Залог земельных участков, предприятий, зданий, сооружений, квартир и другого недвижимого имущества (ипотека) регулируется законом об ипотеке. Общие правила о залоге, содержащиеся в Кодексе, применяются к ипотеке в случаях, когда Кодексом или законом об ипотеке не установлены иные правила (п. 2 ст. 334 ГК РФ). Аналогичная норма о преимущественном праве удовлетворения требований залогового кредитора перед остальными кредиторами содержится в Федеральном законе от 16 июля 1998 г. № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)», п. 1 ст. 1 которого предусмотрено, что по договору о залоге недвижимого имущества (договору об ипотеке) одна сторона – залогодержатель, являющийся кредитором по обязательству, обеспеченному ипотекой,

имеет право получить удовлетворение своих денежных требований к должнику по этому обязательству из стоимости заложенного недвижимого имущества другой стороны – залогодателя преимущественно перед другими кредиторами залогодателя, за изъятиями, установленными федеральным законом. Таким образом, если залогодатель является должником по двум или более обязательствам и не исполняет их, то за счет заложенного имущества удовлетворяются интересы прежде всего кредитора-залогодержателя. Каких-либо исключений из этого правила положения части третьей «Наследственное право» Гражданского кодекса Российской Федерации не содержат. Это судебными инстанциями учтено не было. Как следует из материалов дела, одним из кредиторов наследодателя Л.В. является банк, заключивший с ним кредитные договоры, обязательства по которым к моменту смерти заемщика не были исполнены в полном объеме. В обеспечение исполнения обязательств по кредитным договорам между заемщиком и банком были заключены договоры залога недвижимого имущества. Таким образом, банк, являясь залоговым кредитором, имел преимущественное право перед другими кредиторами на погашение всей имеющейся задолженности за счет залогового имущества – земельного участка и жилого дома. Согласно п. 3 ст. 334 ГК РФ, если иное не предусмотрено законом или договором, при недостаточности суммы, вырученной в результате обращения взыскания на заложенное имущество, для погашения требования залогодержатель вправе удовлетворить свое требование в непогашенной части за счет иного имущества должника, не пользуясь преимуществом, основанным на залоге. В связи с этим, а также учитывая, что стоимость залогового имущества являлась недостаточной для погашения задолженности наследодателя Л.В. перед банком в полном объеме, суду следовало определить долю банка для удовлетворения оставшейся части его требований за счет иного имущества наследодателя – 1/9 доли в праве общей долевой собственности на квартиру наравне с другими кредиторами. Указанные выше требования закона не были учтены судебными инстанциями при разрешении данного спора, что привело к нарушению прав и законных интересов заявителя. Определение № 46-КГ16-20

“

Для правильной квалификации отношений наследников должника и банка-кредитора суду первой инстанции следовало установить следующие юридически-значимые обстоятельства:

Является ли недвижимое имущество после вступления наследником в наследство объектом залога со стороны банка;

В случае признания банка надлежащим залогодержателем определить - имеется ли у него право преимущественного удовлетворения требований и в каком объеме.

Согласно ст. 352 ГК РФ залог, за исключением случаев удовлетворения требований залогодержателя и судебного признания его недействительности, а также ряда иных причин, может быть прекращен если заложенное имущество возмездно приобретено лицом, которое не знало и не должно было знать, что это имущество является предметом залога. Наследники не относятся к лицам которые приобрели имущество возмездно, а о наличии залога они должны были знать из выписки ЕГРП, так как в залог передавалось недвижимое имущество. Таким образом, право залога на имущество, перешедшее к наследнику залогодателя по наследству, у банка не прекращалось.

П. 1 ст. 334 ГК РФ устанавливает императивное правило об удовлетворении залоговых требований кредитора. Из нее следует, что требование кредитора-залогодержателя подлежит удовлетворению в преимущественном порядке.

Аналогичный режим распространяется на права кредитора в чьих интересах был наложен запрет на распоряжение имуществом (п. 5 ст. 334 ГК РФ)

Ограничение права кредитора на преимущественное удовлетворение своих требований из стоимости предмета залога может быть ограничено федеральным законом. Так, ст. 138 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» ограничения сумм, подлежащих выплате залоговому кредитору, составляют: 80 процентов от стоимости залога для залогодержателя, имеющего статус кредитной организации и 70 процентов для иных кредиторов-залогодержателей.

В данном случае какие-либо ограничения прав залогодержателя отсутствуют.

Кроме того, как усматривается из дела, вошедшего в Обзор, суд при очевидной недостаточности стоимости залогового имущества для удовлетворения требований банка, обязан был рассмотреть вопрос об определении доли банка для удовлетворения оставшейся части его требований за счет иного имущества наследодателя – 1/9 доли в праве общей долевой собственности на квартиру наравне с другими кредиторами, не пользуясь никакими преимуществами.

Разрешение споров, возникающих в связи с реализацией права требования страхового возмещения владельцами транспортных средств

6. По договору ОСАГО страховщик обязан выплатить страховое возмещение собственнику поврежденного автомобиля независимо от того, снял ли данное транспортное средство с регистрационного учета его прежний владелец.

Ч. обратился в суд с иском к страховой организации, в которой была застрахована гражданская ответственность владельца транспортного средства З., о взыскании страхового возмещения в размере 105 234 руб., компенсации морального вреда в размере 20 000 руб., штрафа, судебных расходов. В обоснование Ч. указал на причинение ущерба его автомобилю в результате дорожно-транспортного происшествия, произошедшего по вине З. Решением суда, оставленным без изменения апелляционным определением, исковые требования Ч. оставлены без удовлетворения. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные постановления в кассационном порядке, указав следующее. В соответствии с п. 1 ст. 1064 ГК РФ вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред. Законом обязанность возмещения вреда может быть возложена на лицо, не являющееся причинителем вреда. Согласно п. 1 ст. 931 ГК РФ по договору страхования риска ответственности по обязательствам, возникающим вследствие причинения вреда жизни, здоровью или имуществу других лиц, может быть застрахован риск ответственности самого страхователя или иного лица, на которое такая ответственность может быть возложена. В силу ст. 1 Федерального закона от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» (далее – Закон об ОСАГО) договор обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств – это договор страхования, по которому страховщик обязуется за обусловленную договором плату (страховую премию) при наступлении предусмотренного в договоре события (страхового случая) возместить потерпевшим причиненный вследствие этого события вред их жизни, здоровью или имуществу (осуществить страховую выплату) в пределах определенной договором суммы (страховой суммы). Судом установлено, что 22 ноября 2014 г. в результате дорожно-транспортного происшествия с участием автомашины под управлением Ч. и автомашины под управлением З. автомобилю истца причинены механические повреждения. Виновной в этом дорожно-транспортном происшествии признана З. Отказывая в удовлетворении иска, суд первой инстанции исходил из отсутствия доказательств права собственности Ч. на поврежденный автомобиль. При этом суд указал, что в паспорте транспортного средства в качестве собственника указана П., с регистрационного учета автомобиль не снят, а договор купли-продажи данного автомобиля от 19 ноября 2014 г., по условиям которого П. продала его Ч., не

может являться доказательством, подтверждающим право собственности истца на данное транспортное средство. Указанные обстоятельства, по мнению суда, свидетельствуют об отсутствии у Ч. права на получение страховой выплаты на основании Закона об ОСАГО. С выводом суда первой инстанции согласился суд апелляционной инстанции. Между тем судебными инстанциями не было учтено следующее. Согласно п. 2 ст. 1 ГК РФ граждане (физические лица) и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе. Они свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и в определении любых не противоречащих законодательству условий договора. Гражданские права могут быть ограничены на основании федерального закона и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. В соответствии с п. 2 ст. 218 ГК РФ право собственности на имущество, которое имеет собственника, может быть приобретено другим лицом на основании договора купли-продажи, мены, дарения или иной сделки об отчуждении этого имущества. По общему правилу, закрепленному в п. 1 ст. 223 ГК РФ, моментом возникновения права собственности у приобретателя вещи по договору является момент ее передачи, если иное не предусмотрено законом или договором. В случаях, когда отчуждение имущества подлежит государственной регистрации, право собственности у приобретателя возникает с момента такой регистрации, если иное не установлено законом (п. 2 ст. 223 ГК РФ).

Государственной регистрации в силу п. 1 ст. 131 ГК РФ подлежат право собственности и другие вещные права на недвижимые вещи, ограничения этих прав, их возникновение, переход и прекращение. К недвижимым вещам (недвижимое имущество, недвижимость) п. 1 ст. 130 ГК РФ относит земельные участки, участки недр и все, что прочно связано с землей, то есть объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, в том числе здания, сооружения, объекты незавершенного строительства. К недвижимым вещам относятся также подлежащие государственной регистрации воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания. В п. 2 ст. 130 ГК РФ установлено, что вещи, не относящиеся к недвижимости, включая деньги и ценные бумаги, признаются движимым имуществом. Регистрация прав на движимые вещи не требуется, кроме случаев, указанных в законе. Согласно п. 1 ст. 454 ГК РФ по договору купли-продажи одна сторона (продавец) обязуется передать вещь (товар) в собственность другой стороне (покупателю), а покупатель обязуется принять этот товар и уплатить за него определенную денежную сумму (цену). Транспортные средства не отнесены законом к объектам недвижимости, в связи с чем относятся к движимому имуществу. Следовательно, при отчуждении транспортного средства действует общее правило относительно момента возникновения права собственности у приобретателя – момент передачи транспортного средства. В соответствии с п. 3 ст. 15 Федерального закона от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» допуск транспортных средств, предназначенных для участия в дорожном движении на территории Российской Федерации, за исключением транспортных средств,

участвующих в международном движении или ввозимых на территорию Российской Федерации на срок не более шести месяцев, осуществляется согласно законодательству Российской Федерации путем регистрации транспортных средств и выдачи соответствующих документов. Согласно п. 3 постановления Правительства Российской Федерации от 12 августа 1994 г. № 938 «О государственной регистрации автотранспортных средств и других видов самоходной техники на территории Российской Федерации» собственники транспортных средств либо лица, от имени собственников владеющие, пользующиеся или распоряжающиеся на законных основаниях транспортными средствами, обязаны в установленном порядке зарегистрировать их или изменить регистрационные данные в Государственной инспекции, или военных автомобильных инспекциях (автомобильных службах), или органах гостехнадзора в течение срока действия регистрационного знака «Транзит» или в течение 10 суток после приобретения, выпуска в соответствии с таможенным законодательством Таможенного союза и законодательством Российской Федерации о таможенном деле, снятия с учета транспортных средств, замены номерных агрегатов или возникновения иных обстоятельств, потребовавших изменения регистрационных данных. Аналогичные положения также содержатся в п. 4 приказа МВД России от 24 ноября 2008 г. № 1001 «О порядке регистрации транспортных средств». Приведенными выше законоположениями предусмотрена регистрация самих транспортных средств, обуславливающая допуск транспортных средств к участию в дорожном движении. При этом регистрация транспортных средств носит учетный характер и не служит основанием для возникновения на них права собственности. Гражданский кодекс Российской Федерации и другие федеральные законы не содержат норм, ограничивающих правомочия собственника по распоряжению транспортным средством в случаях, когда это транспортное средство не снято им с регистрационного учета. Отсутствуют в законодательстве и нормы о том, что у нового приобретателя транспортного средства по договору не возникает на него право собственности, если прежний собственник не снял его с регистрационного учета. Однако это не было учтено судебными инстанциями при разрешении данного спора, в частности при рассмотрении вопроса о наличии у истца права собственности на поврежденное транспортное средство и права на получение страхового возмещения со страховой компании, в которой застрахована гражданская ответственность виновного в названном дорожно-транспортном происшествии.

Определение № 41-КГ16-25

“

Довольно странно, что суды нижестоящих инстанций были подвержены банальному обывательскому заблуждению, отождествив государственный учет транспортного средства с государственной регистрацией права собственности.

К сожалению, в выдержке из определения Судебной коллегии содержатся не все выводы, сделанные судом первой инстанции. Для этого необходимо обратиться к полному тексту Определения от 6 сентября 2016 года. В частности, там указано, что суд при вынесении решения по делу признал договор купли-продажи транспортного средства мнимой сделкой. Однако, как отметила Судебная коллегия в своих выводах, обстоятельств мнимости в отношении договора купли-продажи судом первой инстанции установлено не было.

Поэтому, на мой взгляд, логика решения судов нижестоящих инстанций заключалась не в отсутствии государственной регистрации транспортного средства на имя Истца, а как раз в выявлении признаков мнимости сделки. Но поскольку суд не обосновал свои выводы в судебном акте, он закономерно подлежал отмене.

Тем не менее, Верховный суд дал четкое определение государственной регистрации транспортного средства и ее последствий, а также однозначно разъяснил возникновение момента перехода права собственности на автомобиль.

7. Сумма страхового возмещения, излишне выплаченная страхователю, недобросовестно заявившему размер установленного ущерба в большем размере, подлежит возврату как неосновательное обогащение.

Страховая организация обратилась в суд с иском к О. о взыскании суммы неосновательного обогащения, процентов за пользование чужими денежными средствами. В обоснование исковых требований указала, что 12 августа 2013 г. между сторонами был заключен договор добровольного страхования транспортного средства, принадлежащего О., на условиях КАСКО по рискам «хищение», «ущерб». Страховая сумма по договору составила 2 400 000 руб.

15 июля 2014 г. представитель О. обратился в страховую организацию с заявлением о наступлении страхового случая в виде повреждения автомобиля, который произошел 14 июля 2014 г. Однако в установленный срок страховое возмещение обществом выплачено не было. В связи с этим О. обратилась в суд с требованием о взыскании страхового возмещения. Во время судебного разбирательства страховая организация произвела выплату страхового возмещения в размере 747 733 руб. на основании

составленного по ее инициативе экспертного заключения о стоимости устранения повреждений автомобиля, а также заявила ходатайство о назначении судебной автотехнической экспертизы с целью установления реальной стоимости ремонта автомобиля с учетом повреждений, полученных 14 июля 2014 г. Согласно выводам эксперта стоимость восстановительного ремонта автомобиля составила 76 166 руб. Решением суда по ранее рассмотренному делу О. отказано во взыскании суммы страхового возмещения в связи с тем, что выплаченное страховое возмещение, связанное со страховым случаем от 14 июля 2014 г., в размере 747 733 руб. значительно превышает стоимость восстановительного ремонта автомобиля, определенную судебной экспертизой. Истец, полагая, что у ответчика возникло неосновательное обогащение, составляющее разницу между выплаченной суммой страхового возмещения в размере 747 733 руб. и суммой восстановительного ремонта, установленной экспертным заключением в размере 76 166 руб., просил суд взыскать сумму неосновательного обогащения в размере 671 566 руб., проценты за пользование чужими денежными средствами, а также судебные издержки. Решением суда исковые требования удовлетворены частично: с О. в пользу общества взыскана сумма неосновательного обогащения в размере 671 566 руб., а также судебные издержки. Суд первой инстанции, частично удовлетворяя исковые требования, руководствовался ст. 1102 ГК РФ и исходил из того, что страховой случай имел место 14 июля 2014 г., поэтому у общества в силу договора страхования возникло обязательство по выплате страхового возмещения в рамках данного страхового случая. Решением суда по другому делу установлен размер ущерба по указанному страховому случаю в сумме 76 166 руб. и именно в таком размере обязана возместить ущерб страховая компания. Обязанность выплатить сумму страхового возмещения, превышающую размер установленного ущерба, ни договором страхования, ни правилами страхования автотранспортных средств не предусмотрена. В связи с этим ранее выплаченная сумма страхового возмещения, превышающая реальный ущерб, является неосновательным обогащением ответчика и подлежит взысканию с нее.

Определением суда апелляционной инстанции решение суда первой инстанции отменено, по делу принято новое решение, которым в удовлетворении исковых требований отказано. Принимая новое решение об отказе в удовлетворении иска, суд второй инстанции указал на то, что выплаченное страховой компанией по договору страхования от 12 августа 2013 г. страховое возмещение не может считаться неосновательным обогащением, поскольку его выплата была произведена в рамках договорных отношений. Одновременно судебная коллегия, ссылаясь на п. 4 ст. 1109 ГК РФ, пришла к выводу, что страховщик не мог не знать, что выплата страхового возмещения производится им при отсутствии обязательства, а потому сумма неосновательного обогащения не подлежала возврату. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила апелляционное определение, оставив в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям. В соответствии с п. 1 ст. 1102 ГК РФ лицо, которое без установленных законом, иными правовыми актами или сделкой оснований приобрело или сберегло имущество (приобретатель) за счет другого лица (потерпевшего), обязано возвратить

последнему неосновательно приобретенное или сбереженное имущество (неосновательное обогащение), за исключением случаев, предусмотренных ст. 1109 данного кодекса. В силу ст. 1103 ГК РФ положения о неосновательном обогащении подлежат применению к требованиям одной стороны в обязательстве к другой о возврате исполненного в связи с этим обязательством. Из названной нормы права следует, что неосновательным обогащением следует считать не то, что исполнено в силу обязательства, а лишь то, что получено стороной в связи с этим обязательством и явно выходит за рамки его содержания. Согласно п. 4 ст. 1109 ГК РФ не подлежат возврату в качестве неосновательного обогащения денежные суммы и иное имущество, предоставленные во исполнение несуществующего обязательства, если приобретатель докажет, что лицо, требующее возврата имущества, знало об отсутствии обязательства либо предоставило имущество в целях благотворительности. По смыслу данной нормы, не подлежит возврату в качестве неосновательного обогащения денежная сумма, предоставленная во исполнение несуществующего обязательства. В обжалуемом апелляционном определении судебная коллегия областного суда установила, что между сторонами был заключен договор добровольного страхования транспортного средства. В связи с этим при наступлении страхового случая 14 июля 2014 г. у страховой организации возникло обязательство по выплате страхового возмещения, которое было исполнено путем перечисления на имя О. 747 733 руб. При этом, перечисляя страховое возмещение в указанном размере, истец исходил из экспертного заключения, сделанного по заказу общества. Впоследствии решением суда было установлено, что ответчику надлежало выплатить страховое возмещение в меньшем размере, а именно в сумме 76 166 руб., поскольку не все имевшиеся на машине повреждения были связаны со страховым случаем. При таких обстоятельствах, когда обязанность по выплате страхового возмещения была исполнена в большем размере, чем было необходимо, излишне выплаченная сумма подлежала возврату как неосновательное обогащение, а положения п. 4 ст. 1109 ГК РФ были применены судом апелляционной инстанции необоснованно. Как указала Судебная коллегия, суд первой инстанции правильно разрешил дело, надлежащим образом применил нормы материального права, каких-либо нарушений процессуальных норм им не допущено, в связи с чем решение суда первой инстанции признано законным и обоснованным.

Определение № 1-КГ16-23

Разрешение споров, возникающих в сфере защиты прав потребителей

8. На граждан, использующих исключительно для личных бытовых нужд товар, который им был отчужден другими гражданами, распространяется законодательство о защите прав потребителей.

К. обратился в суд с иском к обществу (продавец) о замене автомобиля ненадлежащего качества на автомобиль этой же марки (модели, артикула) надлежащего качества, а при отсутствии такового – замене на автомобиль другой марки (модели, артикула) с перерасчетом покупной цены. В обоснование заявленных требований К. указал, что 6 июня 2015 г. он приобрел у Р. автомобиль, который 30 ноября 2012 г. был продан ответчиком с установлением гарантийного срока продолжительностью 3 года. После приобретения автомобиля истец в пределах гарантийного срока неоднократно обращался в дилерский центр в связи с обнаружением в автомобиле недостатков, однако часть из них не устранена. В замене автомобиля на аналогичный товар надлежащего качества ответчик К. отказал. Решением суда, оставленным без изменения апелляционным определением, в удовлетворении исковых требований К. отказано. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся судебные постановления, как вынесенные с существенным нарушением норм материального и процессуального права, указав следующее. Судом установлено, что 30 ноября 2012 г. между обществом (продавцом) и З. (покупателем) был заключен договор купли-продажи автомобиля, на который установлен гарантийный срок 3 года. 5 апреля 2014 г. З. продал данный автомобиль Р. 6 июня 2015 г. автомобиль был продан Р. истцу. В период эксплуатации автомобиля К. неоднократно обращался в автосалон в целях устранения различных недостатков автомобиля. 28 сентября 2015 г. истец обратился к обществу (продавцу) с требованием о замене автомобиля на аналогичный товар надлежащего качества либо на товар другой марки (модели, артикула), однако ответ на указанное обращение К. получен не был. Отказывая в удовлетворении исковых требований, суды первой и апелляционной инстанций исходили из того, что между истцом и ответчиком отсутствуют договорные правоотношения, в связи с чем К. не вправе предъявлять к обществу предусмотренные п. 1 ст. 18 Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее – Закон о защите прав потребителей) требования. Между тем в преамбуле Закона о защите прав потребителей установлено, что потребителем является гражданин, имеющий намерение заказать или приобрести либо заказывающий, приобретающий или использующий товары (работы, услуги) исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, а продавцом – организация независимо от ее организационно-правовой формы, а также индивидуальный предприниматель, реализующие товары потребителям по договору купли-продажи. Согласно разъяснению, содержащемуся в подп. «а» п. 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей», правами, предоставленными потребителю Законом о защите прав потребителей и изданными в соответствии с ним иными правовыми актами, а также правами стороны в обязательстве в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации пользуется не только гражданин, который имеет намерение заказать или приобрести либо заказывающий, приобретающий товары (работы, услуги), но и гражданин, который использует приобретенные (заказанные) вследствие таких

отношений товары (работы, услуги) на законном основании (наследник, а также лицо, которому вещь была отчуждена впоследствии, и т.п.). При этом следует иметь в виду предусмотренные Законом о защите прав потребителей случаи, когда ответственность продавца (исполнителя) возникает только перед гражданином, заключившим с ним договор (например, согласно п. 1 ст. 12 названного закона потребовать от продавца (исполнителя) возмещения убытков, причиненных необоснованным уклонением от заключения договора, вправе только тот потребитель, которому было отказано в предоставлении возможности незамедлительно получить при заключении договора информацию о товаре, работе или услуге). Следовательно, гражданин, на законном основании использующий товар исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, которому такой товар был отчужден другим гражданином, также пользуется правами потребителя, если законом не предусмотрено иное. Как установлено судом, требования К. основаны на том, что переданный ответчиком автомобиль имеет существенные недостатки, препятствующие истцу использовать этот автомобиль по назначению. Согласно п. 1 ст. 18 Закона о защите прав потребителей в случае обнаружения в технически сложном товаре недостатков по истечении пятнадцати дней со дня передачи такого товара потребителю его требования об отказе от исполнения договора купли-продажи и возврате уплаченной за товар суммы либо о его замене на товар этой же марки (модели, артикула) или на такой же товар другой марки (модели, артикула) с соответствующим перерасчетом покупной цены подлежат удовлетворению в случаях обнаружения существенного недостатка товара, нарушения установленных данным законом сроков устранения недостатков товара либо невозможности использования товара в течение каждого года гарантийного срока в совокупности более чем тридцать дней вследствие неоднократного устранения его различных недостатков. Отказывая в иске, судебные инстанции доводы истца о наличии в автомобиле существенных недостатков не исследовали, основываясь только на ошибочном выводе об отсутствии у истца прав потребителя по отношению к ответчику. Поскольку отказ в иске основан только лишь на приведенном выше ошибочном толковании судебными инстанциями положений Закона о защите прав потребителей, а остальные обстоятельства дела не исследовались, Судебная коллегия отменила состоявшиеся судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 24-КГ16-13

“

Пленум ВС РФ еще в 2012 году четко и подробно расписал кто в соответствии с ФЗ «О защите прав потребителей» пользуется правами потребителя. До этого, у судов неоднократно возникали затруднения в признании гражданина потребителем исходя из нечетко-сформулированного определения потребителя.

Бытовало общее мнение, что потребителем могла быть исключительно сторона по договору.

С другой стороны, на мой взгляд, даже без разъяснений Пленума, применительно к комментируемому делу настолько очевидно, что Истец должен признаваться потребителем даже не смотря на сугубо формальное определение потребителя в преамбуле закона хотя бы потому, что автомобиль находился на гарантии и дилер в качестве гарантийного обслуживания неоднократно устранял неполадки по его требованиям.

9. Обязанность обеспечить достоверное указание площади объекта долевого строительства возложена на застройщика.

М. обратилась в суд с иском к обществу о взыскании неустойки и отмене акта приема-передачи квартиры. В обоснование заявленных требований М. указала, что 12 сентября 2012 г. заключила с ответчиком договор участия в долевом строительстве многоквартирного дома, по условиям которого ответчик обязался в четвертом квартале 2012 года окончить строительство этого дома и не позднее двух месяцев после ввода дома в эксплуатацию передать истцу в собственность квартиру, а истец обязался уплатить ответчику определенную денежную сумму. Истец свои обязательства по данному договору выполнила в полном объеме. Многоквартирный дом был сдан в эксплуатацию 27 июня 2013 г., в то время как квартира должна была быть передана истцу по условиям договора не позднее 1 марта 2013 г. Извещение о завершении строительства с предложением произвести осмотр квартиры и принять ее поступило от ответчика 17 августа 2013 г. 17 августа 2013 г. истцом и ответчиком подписан акт осмотра объекта долевого строительства, содержащий указания на ряд недостатков объекта долевого строительства (техническое отверстие в потолке, отсутствие горячей воды и др.). Указанным актом установлен срок устранения недостатков – до 10 сентября 2013 г. Кроме того, ответчик сообщил истцу об увеличении площади квартиры на 0,6 кв. м и о необходимости в связи с этим произвести доплату обществу. Между тем в сентябре 2013 года филиалом федерального бюро технической инвентаризации (далее – БТИ) произведены обмеры, которые показали, что площадь квартиры не превышает площадь, указанную в договоре долевого участия в строительстве, в связи с чем требования ответчика являлись неправомерными. 15 января 2014 г. ответчик направил истцу односторонний передаточный акт объекта долевого строительства, в котором указана общая площадь квартиры, превышающая фактическую площадь квартиры, с чем истец не согласилась. С учетом изложенного М. просила взыскать с

ответчика неустойку, рассчитав ее за период с 1 марта по 2 октября 2013 г., а также признать недействительным односторонний акт о передаче ей квартиры площадью 91,3 кв. м, исходя из которого следует ее обязанность произвести доплату. Общество предъявило встречный иск к М. о взыскании задолженности в размере доплаты за увеличение площади объекта долевого строительства на 0,6 кв. м, ссылаясь на то, что такое увеличение подтверждается техническим паспортом, выданным БТИ 24 апреля 2013 г. Решением суда иски М. удовлетворены частично, с общества взысканы неустойка, расходы на оказание юридической помощи, штраф за нарушение прав потребителя, расходы на оплату экспертизы. Отменен односторонний акт приема-передачи объекта долевого строительства от 15 января 2014 г. В удовлетворении встречного иска общества к М. отказано. С общества взыскана государственная пошлина. Апелляционным определением решение суда отменено в части взыскания в пользу М. неустойки и штрафа за нарушение прав потребителя, а также в части отмены одностороннего акта приема-передачи объекта долевого строительства. В указанной части принято новое решение об отказе в удовлетворении исковых требований о взыскании неустойки и штрафа. Также постановлено абзац третий резолютивной части решения изложить в следующей редакции: «Признать односторонний акт приема-передачи объекта долевого строительства от 15 января 2014 года недействительным в части указания площади переданной квартиры». В остальной части решение суда первой инстанции оставлено без изменения. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила апелляционное определение и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции, указав следующее. В силу п. 1 ст. 453 ГК РФ при изменении договора обязательства сторон сохраняются в измененном виде. В случае изменения или расторжения договора обязательства считаются измененными или прекращенными с момента заключения соглашения сторон об изменении или о расторжении договора, если иное не вытекает из соглашения или характера изменения договора, а при изменении или расторжении договора в судебном порядке – с момента вступления в законную силу решения суда об изменении или о расторжении договора (п. 3 ст. 453 ГК РФ). Следовательно, по общему правилу, изменение договора влечет изменение соответствующих обязательств сторон лишь на будущее время и не освобождает стороны от ответственности за нарушение обязательств, возникших до такого изменения. Согласно ч. 2 ст. 6 Федерального закона от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон № 214-ФЗ) в случае нарушения предусмотренного договором срока передачи участнику долевого строительства объекта долевого строительства застройщик уплачивает участнику долевого строительства неустойку (пени) в размере одной трехсотой ставки рефинансирования Банка России, действующей на день исполнения обязательства, от цены договора за каждый день просрочки. Если участником долевого строительства является гражданин, предусмотренная этой частью неустойка (пеня) уплачивается застройщиком в двойном размере. В соответствии с ч. 3 ст. 6 названного выше закона в случае, если строительство (создание) многоквартирного дома и (или)

иного объекта недвижимости не может быть завершено в предусмотренный договором срок, застройщик не позднее чем за два месяца до истечения указанного срока обязан направить участнику долевого строительства соответствующую информацию и предложение об изменении договора. Изменение предусмотренного договором срока передачи застройщиком объекта долевого строительства участнику долевого строительства осуществляется в порядке, установленном Гражданским кодексом Российской Федерации. По смыслу приведенной нормы закона, согласие на изменение договора в части переноса срока передачи объекта для участника долевого строительства является правом, а не обязанностью. Как установлено судом, по условиям договора долевого участия в строительстве от 12 октября 2012 г., заключенного М. и обществом, завершение строительства многоквартирного дома планировалось в четвертом квартале 2012 года, а объект долевого строительства подлежал передаче истцу не позднее 1 марта 2013 г. Поскольку к 1 марта 2013 г. объект долевого строительства не был передан истцу, то с указанной даты подлежала начислению и выплата неустойка. Уведомление истца о нарушении срока строительства с предложением изменить договор произведено ответчиком с нарушением установленного законом срока – уже после нарушения сроков окончания строительства. Дополнительное соглашение, которым изменен срок передачи истцу объекта долевого строительства, было заключено М. и обществом 1 июня 2013 г., то есть после истечения предусмотренного договором долевого участия в строительстве срока создания и передачи квартиры, с которым закон связывает начало начисления неустойки. При этом указанное дополнительное соглашение не содержит условий об освобождении общества от исполнения возникшего до его заключения обязательства по уплате М. неустойки. При таких обстоятельствах основания для освобождения общества от обязательства по уплате неустойки за нарушение срока передачи объекта долевого строительства истцу за период с 1 марта до 1 июня 2013 г. отсутствовали. В соответствии с п. 4 ст. 12 Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее – Закон о защите прав потребителей) изготовитель (исполнитель, продавец, уполномоченная организация или уполномоченный индивидуальный предприниматель, импортер) освобождается от ответственности за неисполнение обязательств или за ненадлежащее исполнение обязательств, если докажет, что неисполнение обязательств или их ненадлежащее исполнение произошло вследствие непреодолимой силы, а также по иным основаниям, предусмотренным законом. Согласно разъяснению, содержащемуся в абзаце первом п. 28 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей», при разрешении требований потребителей необходимо учитывать, что бремя доказывания обстоятельств, освобождающих от ответственности за неисполнение либо ненадлежащее исполнение обязательства, в том числе и за причинение вреда, лежит на продавце (изготовителе, исполнителе, уполномоченной организации или уполномоченном индивидуальном предпринимателе, импортере) (п. 4 ст. 13, п. 5 ст. 14, п. 5 ст. 231, п. 6 ст. 28 Закона о защите прав потребителей, ст. 1098 ГК РФ). Следовательно, освобождение застройщика от ответственности за неисполнение

обязательств перед участником долевого строительства по основаниям, предусмотренным законом, допускается судом только в том случае, если наличие таких оснований доказано застройщиком. В силу ч. 6 ст. 8 Закона № 214-ФЗ, если иное не установлено договором, при уклонении участника долевого строительства от принятия объекта долевого строительства в установленный срок или при отказе участника долевого строительства от принятия объекта долевого строительства (за исключением случая, когда составлен акт, в котором указывается несоответствие объекта долевого строительства установленным требованиям) застройщик по истечении двух месяцев со дня, предусмотренного договором для передачи объекта долевого строительства участнику долевого строительства, вправе составить односторонний акт или иной документ о передаче объекта долевого строительства (за исключением случая досрочной передачи объекта долевого строительства). Указанные меры могут применяться только в случае, если застройщик обладает сведениями о получении участником долевого строительства сообщения о завершении строительства (создания) многоквартирного дома и (или) иного объекта недвижимости в соответствии с договором и о готовности объекта долевого строительства к передаче либо оператором почтовой связи заказное письмо возвращено с сообщением об отказе участника долевого строительства от его получения или в связи с отсутствием участника долевого строительства по указанному им почтовому адресу. По смыслу приведенной нормы, право застройщика составить односторонний акт о передаче объекта долевого строительства возникает в случае неправомерного отказа или уклонения участника долевого строительства от принятия объекта. Между тем вопрос о том, имело ли место неправомерное уклонение истца от подписания передаточного акта, не был поставлен на обсуждение судом апелляционной инстанции. Судом апелляционной инстанции не учтено, что предложение осмотреть и принять квартиру поступило истцу от ответчика 17 августа 2013 г. В этот же день объект долевого строительства был осмотрен истцом, о чем был составлен акт осмотра, содержащий указания на недостатки квартиры, в частности на наличие технического отверстия в потолке, на отсутствие горячей воды и счетчиков на воду и т.д. Сведения об устранении ответчиком указанных недостатков, а также о том, что после такого устранения ответчик предложил истцу принять приведенный в надлежащее состояние объект долевого участия в строительстве, в материалах дела отсутствуют. Кроме того, принятие квартиры застройщиком неправомерно было обусловлено подписанием акта, в котором указана площадь квартиры, превышающая фактическую, а также уплатой денежной суммы за не существующее в действительности превышение проектной площади. Факт завышения ответчиком площади квартиры в одностороннем акте судом апелляционной инстанции установлен. Согласно п. 1 ст. 10 Закона о защите прав потребителей изготовитель (исполнитель, продавец) обязан своевременно предоставлять потребителю необходимую и достоверную информацию о товарах (работах, услугах), обеспечивающую возможность их правильного выбора. По отдельным видам товаров (работ, услуг) перечень и способы доведения информации до потребителя устанавливаются Правительством Российской Федерации. Таким образом, обязанность обеспечить достоверное указание площади объекта долевого строительства возложена

на застройщика. Оценивая поведение истца как недобросовестное, суд апелляционной инстанции не учел, что отказ принять квартиру и подписать акт приема-передачи был вызван нарушениями и недобросовестным поведением со стороны ответчика, в частности недостатками, обнаруженными при осмотре квартиры, завышением в документах площади построенной квартиры, неправомерными требованиями об оплате несуществующей площади. Кроме того, апелляционное определение содержит противоречивые выводы. Так, в резолютивной части определения содержится указание об отмене решения суда в части, в том числе в части отмены одностороннего акта приема-передачи объекта долевого строительства. Далее говорится о принятии нового решения в этой части – об отказе в иске, затем – об изложении абзаца третьего резолютивной части решения – об отмене одностороннего акта приема-передачи – в иной редакции, то есть фактически об изменении решения в той части, в которой постановлено его отменить. Определение № 4-КГ16-37

Разрешение споров, возникающих в связи с отнесением имущества к общему имуществу супругов

10. *На имущество, приобретенное в период брака, но на средства, принадлежавшие одному из супругов лично, режим общей совместной собственности супругов не распространяется.*

У. обратился в суд с иском к П. о разделе совместно нажитого имущества, ссылаясь на то, что состоял в браке с П. В период брака по договору купли-продажи супругами в совместную собственность приобретена квартира. Поскольку брачный договор между сторонами не заключался, соглашение о разделе совместно нажитого имущества не достигнуто, У. просил произвести раздел квартиры между ним и П. и признать за ним право собственности на 1/2 доли в праве общей долевой собственности на спорную квартиру. Ответчик П. исковые требования не признала, просила признать за истцом право собственности на 1/15 доли в праве общей долевой собственности на спорную квартиру, а за ней – право собственности на 14/15 доли, учитывая приобретение квартиры на личные средства ответчика в сумме 1 750 000 руб. Судом установлено, что с 23 декабря 2010 г. У. состоял с П. в браке. В период брака на основании договора купли-продажи от 11 февраля 2011 г. супругами приобретена квартира, право совместной собственности на которую зарегистрировано за ними 10 марта 2011 г. Цена приобретенной квартиры составила 1 995 000 руб. Как было установлено в ходе рассмотрения дела и сторонами не оспаривалось, часть денежных средств в размере 1 750 000 руб., потраченных на приобретение указанной квартиры, была получена П. в дар от П.Л. (матери П.) по договору дарения от 11 февраля 2011 г. Данная сумма выручена матерью П. от продажи принадлежавшей ей на праве собственности квартиры. Все названные выше сделки были совершены в один день – 11 февраля 2011 г. Брак между У. и П. расторгнут 9 октября 2014 г. Раздел имущества супругов после расторжения брака между сторонами не производился. Разрешая спор и

удовлетворяя иски о разделе спорной квартиры между супругами в равных долях, суд первой инстанции исходил из того, что между сторонами было достигнуто соглашение о приобретении квартиры в общую совместную собственность и поскольку полученные в дар денежные средства были внесены П. по ее усмотрению на общие нужды супругов – покупку квартиры, то на данное имущество распространяется режим совместной собственности супругов. Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала, что выводы судов сделаны с нарушением норм материального права. В соответствии со ст. 34 СК РФ имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью. К имуществу, нажитому супругами во время брака (общему имуществу супругов), относятся доходы каждого из супругов от трудовой деятельности, предпринимательской деятельности и результатов интеллектуальной деятельности, полученные ими пенсии, пособия, а также иные денежные выплаты, не имеющие специального целевого назначения (суммы материальной помощи, суммы, выплаченные в возмещение ущерба в связи с утратой трудоспособности вследствие увечья либо иного повреждения здоровья, и другие). Общим имуществом супругов являются также приобретенные за счет общих доходов супругов движимые и недвижимые вещи, ценные бумаги, паи, вклады, доли в капитале, внесенные в кредитные учреждения или в иные коммерческие организации, и любое другое нажитое супругами в период брака имущество независимо от того, на имя кого из супругов оно приобретено либо на имя кого или кем из супругов внесены денежные средства. В соответствии с п. 1 ст. 36 СК РФ имущество, принадлежавшее каждому из супругов до вступления в брак, а также имущество, полученное одним из супругов во время брака в дар, в порядке наследования или по иным безвозмездным сделкам (имущество каждого из супругов), является его собственностью. Как установлено судом, источником приобретения спорной квартиры являлись средства, полученные П. по безвозмездной сделке, а также частично совместно нажитые средства супругов. Согласно разъяснениям, содержащимся в абзаце четвертом п. 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 ноября 1998 г. № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака», не является общим совместным имуществом, приобретенным хотя и во время брака, но на личные средства одного из супругов, принадлежавшие ему до вступления в брак, полученное в дар или в порядке наследования, а также вещи индивидуального пользования, за исключением драгоценностей и других предметов роскоши. Из приведенных выше положений следует, что юридически значимым обстоятельством при решении вопроса об отнесении имущества к общей собственности супругов является то, на какие средства (личные или общие) и по каким сделкам (возмездным или безвозмездным) приобреталось имущество одним из супругов во время брака. Имущество, приобретенное одним из супругов в браке по безвозмездным гражданско-правовым сделкам (например, в порядке наследования, дарения, приватизации), не является общим имуществом супругов. Приобретение имущества в период брака, но на средства, принадлежавшие одному из супругов лично, также

исключает такое имущество из режима общей совместной собственности. Вместе с тем судом такое юридически значимое обстоятельство, как использование для приобретения спорной квартиры средств, принадлежавших лично П., ошибочно было оставлено без внимания.

Делая вывод о том, что спорная квартира относится к совместно нажитому имуществу супругов, суд исходил из отсутствия в договоре о ее покупке условий о распределении долей в квартире. При этом суд не учел, что полученные П. в дар денежные средства в размере 1 750 000 руб. и потраченные на покупку квартиры являлись личной собственностью П., поскольку совместно в период брака с истцом не приобретались и не являлись общим доходом супругов. Внесение этих средств для покупки квартиры не меняет их природы личного имущества П. Таким образом, доли сторон в праве собственности на квартиру подлежали определению пропорционально вложенным личным денежным средствам ответчика и совместным средствам сторон. Это судебными инстанциями учтено не было и повлекло за собой вынесение незаконных судебных постановлений.

Определение № 45-КГ16-16

“

No comments, только пожелания.

– Помилуйте, – плачет старушка, – да я его всякий день на улице вижу – он в своём доме живет.

– Это вовсе и не его дом. У него нет дома: это дом его жены.

– Ведь это всё равно: муж и жена – одна сатана.

– Да это вы так судите, но закон судит иначе.

Николай Лесков «Старый гений»

В подобных спорах сложность заключается не в самой возможности признания части или всего имущества личной собственностью супруга по причине использования для его приобретения личных средств (полученных до брака, в результате дарения, наследования), а в доказывании, что эти средства действительно обладают режимом личного имущества.

Хотелось бы, чтобы вышестоящий судебный орган больше внимания уделял рекомендациям по порядку процессуальных действий, необходимых для доказывания обстоятельств, свидетельствующих о нахождении имущества в личном владении. В обзор попало дело, которое по сути, не является таким уж

мудреным. Нахождение денежных средств в личном владении по договору дарения не должно вызывать вопросов в принципе. Отсутствия в договоре купли-продажи условий о распределении долей в квартире, на которое ссылался суд первой инстанции, ни сколько не умаляло право П., помимо доли в совместной собственности, на долю пропорциональную вложенным личным средствам.

На мой взгляд это очевидно и вряд ли требует разъяснений Верховного Суда.

Разрешение споров, связанных с жилищными отношениями

11. *На реконструкцию помещения, влекущую уменьшение размера общего имущества в многоквартирном доме, в том числе и земельного участка, на котором расположен этот дом, требуется согласие всех собственников помещений многоквартирного дома.*

А. обратилась в суд с иском к В. и местной администрации о признании постановления администрации и разрешения на строительство недействительными, прекращении строительства, приведении земельного участка в состояние, предшествующее началу выполнения работ. В обоснование заявленных требований А. ссылалась на то, что она является собственником жилого помещения в многоквартирном доме. Ответчик В. перевел принадлежащую ему на праве собственности квартиру, расположенную в том же многоквартирном доме, что и квартира истца, в нежилое помещение. Местная администрация (ответчик) выдала В. разрешение на реконструкцию указанного нежилого помещения со строительством пристройки под парикмахерскую. Истцом согласия на проведение такой реконструкции и строительство пристройки не давалось. Судом установлено, что 26 ноября 2003 г. спорный земельный участок под многоквартирным домом поставлен на государственный кадастровый учет. 27 октября 2009 г. в ЕГРП зарегистрировано право собственности В. на квартиру, расположенную в указанном доме. Постановлением местной администрации от 1 июня 2010 г. ответчику предоставлено разрешение на условно разрешенный вид использования (пристроенные к жилым многоквартирным домам объекты общественного питания, торговли, обслуживания населения общей площадью до 1000 кв. м) земельного участка площадью 4408 кв. м, расположенного по тому же адресу. 5 декабря 2011 г. в ЕГРП зарегистрировано право собственности А. на квартиру, расположенную в указанном многоквартирном доме. Согласно протоколу от

25 ноября 2013 г. внеочередного общего собрания собственников помещений многоквартирного дома 74,6% из них дали согласие на реконструкцию принадлежащей В. квартиры под парикмахерскую со строительством пристройки и входного узла. Постановлением местной администрации от 29 августа 2014 г. помещения принадлежащей ответчику квартиры переведены в нежилые помещения с целью реконструкции в парикмахерскую с последующей выдачей ему разрешений на такую реконструкцию и на строительство пристройки. Решением районного суда иски требования удовлетворены частично. Разрешение на строительство, выданное В. местной администрацией, признано недействительным, на В. возложена обязанность в течение трех месяцев со дня вступления решения суда в законную силу снести пристройку и восстановить (рекультивировать) территорию, на которой осуществлялось строительство. Частично удовлетворяя иски требования, суд первой инстанции исходил из того, что возводимая ответчиком пристройка к принадлежащему ему нежилому помещению занимает часть земельного участка, являющегося общим имуществом собственников помещений многоквартирного дома, а проектом реконструкции также предусматривается вырез подоконной части наружной стены до отметки пола, что свидетельствует об уменьшении общего имущества собственников помещений многоквартирного дома и требует получения согласия каждого из них. Между тем такое согласие В. получено не было. Отменяя решение суда первой инстанции и принимая по делу новое решение об отказе в удовлетворении иски требований, суд апелляционной инстанции сослался на то, что разрешения на проведение реконструкции принадлежащего В. нежилого помещения были получены им в установленном законом порядке. Суд также указал, что реконструкция данного помещения не требует присоединения к нему части общего имущества в многоквартирном доме, а занятие части придомовой территории является использованием земельного участка, находящегося в общей долевой собственности, в связи с чем для такого использования необходимо принятие решения общим собранием собственников помещений многоквартирного дома большинством не менее 2/3 голосов. Такое согласие В. было получено. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила апелляционное определение и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции. Согласно п. 4 ч. 1 ст. 36 ЖК РФ собственникам помещений в многоквартирном доме принадлежит на праве общей долевой собственности общее имущество в многоквартирном доме, в том числе земельный участок, на котором расположен данный дом, с элементами озеленения и благоустройства, иные предназначенные для обслуживания, эксплуатации и благоустройства данного дома и расположенные на указанном земельном участке объекты. Границы и размер земельного участка, на котором расположен многоквартирный дом, определяются в соответствии с требованиями земельного законодательства и законодательства о градостроительной деятельности. В соответствии с ч. 5 ст. 16 Федерального закона от 29 декабря 2004 г. № 189-ФЗ «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации» (далее – Вводный закон) с момента формирования земельного участка и проведения его государственного кадастрового учета земельный участок, на котором расположены

многоквартирный дом и иные входящие в состав такого дома объекты недвижимого имущества, переходит бесплатно в общую долевую собственность собственников помещений в многоквартирном доме. Согласно разъяснению, содержащемуся в п. 66 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 10, Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 22 от 29 апреля 2010 г. «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав», если земельный участок под многоквартирным домом был сформирован до введения в действие Жилищного кодекса Российской Федерации и в отношении его проведен государственный кадастровый учет, право общей долевой собственности на него у собственников помещений в многоквартирном доме считается возникшим в силу закона с момента введения в действие Жилищного кодекса Российской Федерации (ч. 2 ст. 16 Вводного закона). В силу чч. 2 и 5 ст. 16 Вводного закона земельный участок под многоквартирным домом переходит в общую долевую собственность собственников помещений в таком доме бесплатно. Каких-либо актов органов власти о возникновении права общей долевой собственности у собственников помещений в многоквартирном доме не требуется. Как установлено судом, возводимая ответчиком пристройка к принадлежащему ему нежилому помещению занимает часть земельного участка под многоквартирным домом, который был сформирован и в отношении которого был произведен кадастровый учет в 2003 году, то есть до введения в действие Жилищного кодекса Российской Федерации, а потому указанный земельный участок находится в общей долевой собственности собственников помещений данного дома.

Таким образом, осуществляемая В. реконструкция влечет фактическое уменьшение размера общего имущества в многоквартирном доме, а именно земельного участка, на котором расположен этот дом. Согласно ч. 3 ст. 36 ЖК РФ уменьшение размера общего имущества в многоквартирном доме возможно только с согласия всех собственников помещений в данном доме путем его реконструкции. Если реконструкция, переустройство и (или) перепланировка помещений невозможны без присоединения к ним части общего имущества в многоквартирном доме, на такие реконструкцию, переустройство и (или) перепланировку помещений должно быть получено согласие всех собственников помещений в многоквартирном доме (ч. 2 ст. 40 ЖК РФ). Приведенные правовые нормы свидетельствуют о том, что согласие всех собственников помещений многоквартирного дома требуется на осуществление любой реконструкции, фактически влекущей уменьшение размера общего имущества многоквартирного дома. При таких обстоятельствах вывод суда апелляционной инстанции о том, что производимая В. реконструкция нежилого помещения не требует получения согласия всех жильцов многоквартирного дома, признан Судебной коллегией основанным на неверном применении норм материального права. Определение № 83-КГ16-10

12. Приобретение нанимателем служебного жилого помещения или членами его семьи другого жилого помещения в собственность не является основанием для расторжения (прекращения) договора найма специализированного жилого помещения.

Администрация муниципального района обратилась в суд с иском к Р.А., Р.О., Р.Д. и Р.Ю. о расторжении договора найма служебного жилого помещения, выселении из служебного жилого помещения без предоставления другого жилого помещения, снятии с регистрационного учета. В обоснование своих требований истец указал, что на основании договора найма жилого помещения от 1 февраля 2008 г. администрацией муниципального района Р.А. было предоставлено служебное жилое помещение, находящееся в муниципальной собственности. Данное жилое помещение предоставлено на период трудовых отношений Р.А. с муниципальным учреждением здравоохранения. 14 мая 2013 г. семье Р. была предоставлена социальная выплата на приобретение жилого помещения в рамках подпрограммы «Обеспечение жильем молодых семей» федеральной целевой программы «Жилище» на 2011–2015 годы. С использованием ипотечного кредита семья Р. приобрела в долевую собственность двухкомнатную квартиру. В связи с приобретением в собственность другого жилья в адрес ответчиков истцом 3 марта 2015 г. было направлено требование об освобождении служебного жилого помещения в течение 14 календарных дней с момента получения уведомления, но семья Р. отказалась добровольно освободить служебное жилое помещение и продолжает в нем проживать до настоящего времени. По мнению истца, поскольку спорное жилое помещение включено в число служебных, а ответчики приобрели в собственность другое жилое помещение, то законных оснований для сохранения за ними права пользования служебным жилым помещением не имеется и они подлежат выселению из него. Ответчики иск не признали, сославшись на то, что до настоящего времени Р.А. состоит в трудовых отношениях с муниципальным учреждением здравоохранения и оснований для расторжения договора найма служебного жилого помещения с ним не имеется. Приобретение в собственность другого жилого помещения в другом населенном пункте таким основанием, по мнению ответчиков, не является. Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции исходил из того, что спорное жилое помещение имеет статус служебного, было предоставлено Р.А. на период трудовых отношений с муниципальным учреждением здравоохранения, с которым Р.А. состоит в трудовых отношениях по настоящее время, в связи с чем правовых оснований для расторжения с ним договора найма служебного жилого помещения не имеется. При этом суд указал на то, что действующее жилищное законодательство не содержит такого основания для расторжения (прекращения) договора найма специализированного жилого помещения, как приобретение нанимателем или членами его семьи другого жилого помещения в собственность. Определением суда апелляционной инстанции решение суда было отменено и вынесено новое решение о выселении ответчиков Р.А., Р.О. и их несовершеннолетних детей Р.Ю. и Р.Д. из специализированного (служебного) жилого помещения без

предоставления другого жилого помещения. Отменяя решение суда первой инстанции, судебная коллегия исходила из того, что приобретение в собственность иного жилого помещения является безусловным основанием для расторжения договора найма служебного жилого помещения в связи с утратой нуждаемости работника в жилом помещении. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила апелляционное определение, оставив в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

Право на жилище относится к основным правам и свободам человека и гражданина и гарантируется ст. 40 Конституции Российской Федерации. При этом никто не может быть произвольно лишен жилища. В соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. В связи с этим основания и порядок выселения граждан из жилого помещения должны определяться федеральным законом и только на их основании суд может лишить гражданина права на жилище. Расторжение договора найма специализированного жилого помещения по инициативе наймодателя регламентирует ст. 101 ЖК РФ, в силу которой договор найма специализированного жилого помещения может быть расторгнут в судебном порядке по требованию наймодателя при неисполнении нанимателем и проживающими совместно с ним членами его семьи обязательств по договору найма специализированного жилого помещения, а также в иных предусмотренных ст. 83 ЖК РФ случаях. Прекращение договора найма специализированного жилого помещения предусмотрено ст. 102 ЖК РФ, согласно которой названный договор прекращается в связи с утратой (разрушением) жилого помещения, переходом права собственности на жилое помещение в общежитии либо его передачей в хозяйственное ведение или оперативное управление другому юридическому лицу за исключением случаев, установленных указанной статьей. Последствиями расторжения и прекращения договора найма жилого помещения, в том числе специализированного, могут являться утрата нанимателем и всеми членами его семьи одновременно права пользования жилым помещением и возможность их выселения из жилого помещения. В связи с этим ст. 103 ЖК РФ предусмотрено, что в случаях расторжения или прекращения договоров найма специализированных жилых помещений граждане должны освободить жилые помещения, которые они занимали по данным договорам. В случае отказа освободить такие жилые помещения указанные граждане подлежат выселению в судебном порядке без предоставления других жилых помещений за исключением случаев, предусмотренных ч. 2 указанной статьи. Между тем ни ст. 101 и 102 ЖК РФ, ни ч. 4 ст. 83 ЖК РФ не содержат такого основания для расторжения (прекращения) договора найма специализированного жилого помещения, как приобретение нанимателем или членами его семьи другого жилого помещения в собственность.

Ссылка суда апелляционной инстанции на иные положения ст. 83 ЖК РФ также является неправильной. Положениями чч. 2 и 3 ст. 83 ЖК РФ, которые подлежат

применению и к отношениям по пользованию специализированным жилым помещением, установлено право нанимателя и членов его семьи на одностороннее расторжение договора социального найма, то есть на односторонний отказ от исполнения договора. В случае выезда кого-либо из участников договора социального найма жилого помещения в другое место жительства и тем самым отказа в одностороннем порядке от исполнения названного договора этот договор в отношении его считается расторгнутым со дня выезда. В связи с этим юридически значимыми и подлежащими доказыванию при разрешении данного спора должны были являться факты добровольного и фактического выбытия ответчиков из служебного жилого помещения в другое место жительства, отказ от прав и обязанностей в отношении указанного помещения. Однако таких обстоятельств судом по данному делу установлено не было, а из материалов дела следует, что семья Р. на момент вынесения обжалуемого апелляционного определения продолжала проживать в указанном служебном жилом помещении и оплачивать коммунальные и иные обязательные платежи, связанные с проживанием в нем. Факт приобретения Р. в собственность иного жилого помещения в другом населенном пункте сам по себе не может свидетельствовать ни о выбытии ответчиков из ранее занимаемого жилого помещения, ни об их отказе от прав на это жилое помещение. Приобретение другого жилого помещения в собственность нанимателем по договору найма специализированного жилого помещения не имеет абсолютного значения и должно оцениваться судом с учетом других доказательств, свидетельствующих о намерении лица выехать в другое место жительства. Запрет на предоставление специализированного жилого помещения гражданам, которые обеспечены жилым помещением в соответствующем населенном пункте (ч. 2 ст. 99 ЖК РФ), не означает запрета на пользование таким жилым помещением, если впоследствии у нанимателя или членов его семьи, которым оно было предоставлено, окажется в собственности другое жилое помещение по основаниям, допускаемым законом. С учетом изложенного оснований для отмены решения суда первой инстанции у суда апелляционной инстанции не имелось.

Определение № 3-КГ16-2

13. *Действие договора найма служебного жилого помещения не прекращается автоматически в момент увольнения работника. В силу этого оснований для применения к отношениям по выселению из занимаемого служебного жилого помещения срока исковой давности, исчисляемого с даты увольнения работника, не имеется.*

Прокурор обратился в суд с заявлением в интересах Российской Федерации и неопределенного круга лиц к Ш.В., Ш.Л., Ш.Д. о выселении из служебного жилого помещения. В обоснование иска прокурор указал, что 7 июня 2010 г. с Ш.В. на период его работы в квартирнoэксплуатациoннoй части Минобороны России (далее – КЭЧ) заключен договор найма служебного жилого помещения. Квартира предоставлена на состав семьи из трех человек, включая Ш.В., его жену и дочь. 25 октября 2010 г. Ш.В. уволен из КЭЧ по собственному желанию, однако предоставленное служебное жилое

помещение Ш.В. и члены его семьи не освободили. Разрешая спор и отказывая в удовлетворении требований прокурора, суд первой инстанции по заявлению ответчика применил к спорным правоотношениям срок исковой давности. При этом суд исходил из того, что трехлетний срок исковой давности для предъявления требований о выселении ответчиков из служебного жилого помещения исчисляется со дня увольнения Ш.В. – 25 октября 2010 г. – и на момент обращения прокурора в суд с заявлением является пропущенным. Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, отменяя состоявшиеся по делу судебные акты, указала на ошибочность выводов судов. Как установлено судом, на момент рассмотрения дела в суде спорная двухкомнатная квартира, закрепленная за Министерством обороны Российской Федерации, находилась на балансе ФГКУ «Дальневосточное территориальное управление имущественных отношений». До 2011 года указанное жилое помещение находилось на балансе КЭЧ. С 20 ноября 2007 г. по 25 октября 2010 г. Ш.В. состоял в трудовых отношениях с КЭЧ. 7 июня 2010 г. между КЭЧ и Ш.В. на период его работы в КЭЧ заключен договор найма служебного жилого помещения. Данное жилое помещение предоставлено на состав семьи из трех человек. Приказом начальника КЭЧ от 25 октября 2010 г. Ш.В. уволен из КЭЧ по собственному желанию. Как следует из поквартирной карточки и выписки из финансоволицевого счета, ответчики проживают в спорном служебном жилом помещении. Заявление прокурором подано в суд в мае 2015 года. В соответствии со ст. 195 ГК РФ исковой давностью признается срок для защиты права по иску лица, право которого нарушено.

Общий срок исковой давности в соответствии с п. 1 ст. 196 ГК РФ составляет три года со дня, определяемого в соответствии со ст. 200 названного кодекса. Если законом не установлено иное, течение срока исковой давности начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права (п. 1 ст. 200 ГК РФ). Применяя по заявлению ответчика исковую давность, суд исходил из того, что права собственника жилого помещения являются нарушенными со дня прекращения трудовых отношений Ш.В. с КЭЧ, поскольку с указанного момента договор найма служебного жилья считается прекращенным, а у наймодателя возникает право требовать выселения ответчика и членов его семьи из незаконно занимаемой квартиры. Между тем данный вывод суда не основан на законе. В соответствии с ч. 3 ст. 104 ЖК РФ договор найма служебного жилого помещения заключается на период трудовых отношений, прохождения службы либо нахождения на государственной должности Российской Федерации, государственной должности субъекта Российской Федерации или на выборной должности. Прекращение трудовых отношений либо пребывания на государственной должности Российской Федерации, государственной должности субъекта Российской Федерации или на выборной должности, а также увольнение со службы является основанием прекращения договора найма служебного жилого помещения. Согласно ч. 1 ст. 103 ЖК РФ в случаях расторжения или прекращения договоров найма специализированных жилых помещений граждане должны освободить жилые помещения, которые они занимали по данным договорам. В

случае отказа освободить такие жилые помещения указанные граждане подлежат выселению в судебном порядке без предоставления других жилых помещений, за исключением случаев, предусмотренных ч. 2 ст. 102 и ч. 2 ст. 103 данного кодекса. По смыслу приведенных выше норм права, прекращение трудовых отношений с работодателем, предоставившим жилое помещение, служит лишь основанием для прекращения договора найма служебного жилого помещения, но не влечет за собой автоматическое прекращение договора в момент увольнения сотрудника. Договор найма служебного жилого помещения сохраняет свое действие вплоть до его добровольного освобождения нанимателем, при отказе от которого гражданин подлежит выселению в судебном порядке с прекращением прав и обязанностей в отношении занимаемого жилья. С учетом того, что возникшие между сторонами правоотношения, регулируемые нормами жилищного законодательства, носят длящийся характер, а договор найма служебного жилого помещения, на основании которого Ш.В. совместно с членами семьи продолжает занимать жилое помещение, не прекратил своего действия, оснований для исчисления срока исковой давности с даты увольнения Ш.В. из КЭЧ, а равно и применения исковой давности в рассматриваемом споре у суда не имелось. Поскольку в связи с принятием решения об отказе в удовлетворении заявления прокурора исключительно по мотиву пропуска срока исковой давности фактические обстоятельства дела судом первой инстанции не исследовались и не устанавливались, Судебная коллегия направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 56-КГ16-8

14. *Вынужденный выезд в несовершеннолетнем возрасте из жилого помещения, в которое данное лицо было вселено по договору социального найма, не является основанием признания такого лица утратившим право пользования данным жилым помещением по достижении им совершеннолетнего возраста.*

Б. обратился в суд с иском к С.И. о признании утратившей право пользования жилым помещением со снятием с регистрационного учета. В обоснование иска Б. указал, что в 2011 году после смерти его дяди С.Б., являвшегося нанимателем спорного жилого помещения, к истцу перешли права и обязанности нанимателя жилого помещения по договору социального найма. Кроме истца в жилом доме с 2000 года по месту жительства зарегистрирована С.И., 1996 года рождения, которая не является членом семьи истца. С.И. является дочерью С.Б. и была вселена в спорный жилой дом по месту жительства ее родителей. В 2003 году мать С.И. добровольно выехала из жилого помещения в другое место жительства, забрав с собой несовершеннолетнюю дочь, и с указанного времени не участвовала в расходах на содержание жилого помещения и оплату коммунальных услуг. По мнению истца, С.И. утратила право пользования спорным жилым помещением, ее регистрация носит формальный характер. С.И. обратилась в суд со встречным иском к Б. о вселении в указанное жилое

помещение, об устранении препятствий и определении порядка пользования жилым помещением, ссылаясь на то, что ее отсутствие в жилом помещении носит вынужденный характер в связи с конфликтными отношениями с Б. и созданием с его стороны препятствий в пользовании жилым помещением. Намерений отказаться от права пользования жилым помещением С.И. не имеет, после достижения совершеннолетия предпринимала попытки вселиться в жилой дом, оплачивает коммунальные услуги. Решением суда в удовлетворении иска Б. отказано, встречный иск С.И. удовлетворен частично, на Б. возложена обязанность не чинить С.И. препятствий в пользовании спорным жилым помещением, в удовлетворении остальной части встречного иска отказано.

Разрешая спор, суд первой инстанции исходил из того, что С.И. приобрела равное с нанимателем право пользования спорным жилым помещением, которое было определено ей в качестве места жительства соглашением родителей. Суд указал, что выезд С.И. из жилого помещения не может быть признан добровольным, так как в силу возраста она была лишена возможности самостоятельно реализовать свое право на проживание в нем, а после достижения ответчиком совершеннолетия жилой дом находился в состоянии, непригодном для проживания, отсутствовал доступ в жилое помещение, что свидетельствует о временном и вынужденном отсутствии ответчика в жилом доме. Отменяя решение суда первой инстанции и принимая новое решение об удовлетворении исковых требований Б. и об отказе в удовлетворении встречного иска С.И., суд апелляционной инстанции исходил из того, что местом жительства С.И. являлось место жительства ее матери, выехавшей вместе с несовершеннолетней дочерью из спорного жилого помещения, непроживание ответчика в жилом помещении носит постоянный характер, С.И. добровольно отказалась от своих прав и обязанностей по договору социального найма. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила апелляционное определение, оставив в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям. Как установлено судом, между муниципальным образованием (наймодатель) и С.Б. (наниматель) 1 февраля 2011 г. заключен договор социального найма жилого помещения общей площадью 37,5 кв. м. Согласно договору совместно с нанимателем в качестве членов его семьи в жилое помещение вселены его дочь С.И. и племянник Б. С.Б. был зарегистрирован по месту жительства в спорном жилом доме с 8 сентября 1994 г. Регистрация несовершеннолетней С.И. в указанном жилом помещении была произведена 24 января 2000 г. по месту жительства ее родителей – С.Б. и С.Н. Вступившим в законную силу решением районного суда от 26 июля 2010 г. С.Н. признана утратившей право пользования спорным жилым помещением в связи с выездом в другое место жительства. Решением районного суда от 13 декабря 2010 г., вступившим в законную силу, С.Б. отказано в удовлетворении требований о признании несовершеннолетней С.И. утратившей право пользования спорным жилым помещением. В рамках данного дела суд установил, что выезд С.И. из жилого помещения носил вынужденный характер. После смерти С.Б. (6 мая 2011 г.) права и обязанности нанимателя жилого помещения по договору социального найма перешли к Б. На момент рассмотрения дела в суде в жилом помещении зарегистрированы по месту жительства с 24 января 2000 г. С.И., с 22

марта 2011 г. – Б., которые указаны в качестве членов семьи нанимателя в заключенном 1 февраля 2011 г. договоре социального найма жилого помещения, при этом С.И. в доме не проживает. Согласно ч. 3 ст. 83 ЖК РФ в случае выезда нанимателя и членов его семьи в другое место жительства договор социального найма жилого помещения считается расторгнутым со дня выезда. Временное отсутствие нанимателя жилого помещения по договору социального найма, кого-либо из проживающих совместно с ним членов его семьи или всех этих граждан не влечет за собой изменение их прав и обязанностей по договору социального найма (ст. 71 ЖК РФ). Указанные положения закона подлежат применению с учетом разъяснений, содержащихся в п. 32 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 2 июля 2009 г. № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации», согласно которым, разрешая споры о признании нанимателя, члена семьи нанимателя или бывшего члена семьи нанимателя жилого помещения утратившими право пользования жилым помещением по договору социального найма вследствие их постоянного отсутствия в жилом помещении по причине выезда из него, судам надлежит выяснять: по какой причине и как долго ответчик отсутствует в жилом помещении, носит ли его выезд из жилого помещения вынужденный характер (конфликтные отношения в семье, расторжение брака) или добровольный, временный (работа, обучение, лечение и т.п.) или постоянный (вывез свои вещи, переехал в другой населенный пункт, вступил в новый брак и проживает с новой семьей в другом жилом помещении и т.п.), не чинились ли ему препятствия в пользовании жилым помещением со стороны других лиц, проживающих в нем, приобрел ли ответчик право пользования другим жилым помещением в новом месте жительства, исполняет ли он обязанности по договору по оплате жилого помещения и коммунальных услуг и др. При установлении судом обстоятельств, свидетельствующих о добровольном выезде ответчика из жилого помещения в другое место жительства и об отсутствии препятствий в пользовании жилым помещением, а также о его отказе в одностороннем порядке от прав и обязанностей по договору социального найма, иск о признании его утратившим право на жилое помещение подлежит удовлетворению на основании ч. 3 ст. 83 ЖК РФ в связи с расторжением ответчиком в отношении себя договора социального найма. Между тем приведенных обстоятельств, свидетельствующих об отказе ответчика в одностороннем порядке от прав и обязанностей по договору социального найма, судом первой инстанции установлено не было. В силу п. 2 ст. 20 ГК РФ местом жительства несовершеннолетних, не достигших четырнадцати лет, или граждан, находящихся под опекой, признается место жительства их законных представителей – родителей, усыновителей или опекунов. В соответствии с положениями ст. 69 ЖК РФ члены семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма имеют равные с нанимателем права и обязанности (ч. 2). Члены семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма должны быть указаны в договоре социального найма жилого помещения (ч. 3). По смыслу указанных норм права, несовершеннолетние дети приобретают право на жилую площадь, определяемую им в качестве места жительства соглашением родителей, форма которого законом не установлена. Заключение такого

соглашения, одним из доказательств которого является регистрация ребенка в жилом помещении, выступает предпосылкой приобретения ребенком права пользования конкретным жилым помещением, возникающего независимо от факта вселения ребенка в такое жилое помещение, в силу того, что несовершеннолетние дети не имеют возможности самостоятельно реализовать право на вселение. Как установлено судом первой инстанции, С.И. в несовершеннолетнем возрасте была зарегистрирована в жилом доме по месту жительства своим отцом, вместе с родителями была вселена в него в 2000 году, проживала в нем, в 2003 году совместно с матерью выехала из дома в период, когда С.И. была несовершеннолетней и не имела возможности самостоятельно осуществлять свои права по пользованию жилым помещением. Само по себе проживание С.И. совместно с матерью в жилом помещении, не являющемся местом жительства, которое было определено ребенку соглашением родителей, не может служить основанием для признания С.И. утратившей право пользования спорным жилым помещением. Судом первой инстанции установлено и не опровергнуто судом апелляционной инстанции то, что от права пользования жилым помещением после наступления совершеннолетия С.И. не отказывалась, несла расходы по содержанию жилого помещения и оплате коммунальных услуг, а также то, что имелись препятствия в пользовании жилым помещением. Однако данные обстоятельства, исходя из подлежащих применению к отношениям сторон приведенных выше норм материального права, не получили должной правовой оценки суда апелляционной инстанции. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала, что суд первой инстанции правильно определил обстоятельства, имеющие значение для дела, и дал толкование норм материального права, подлежащих применению к отношениям сторон, на основании чего, учитывая наличие в материалах дела сведений о конфликтных отношениях между истцом и ответчиком, чинении ответчику препятствий в пользовании жилым помещением, невозможности пользоваться им, несении С.И. расходов по содержанию жилого помещения и оплате коммунальных услуг, пришел к правомерному выводу о временном и вынужденном характере ее отсутствия в жилом помещении. При таких обстоятельствах оснований для отмены решения суда первой инстанции у суда апелляционной инстанции не имелось.

Определение № 74-КГ16-30

Разрешение споров, связанных с трудовыми и пенсионными отношениями

15. *Работнику, увольняемому из организации, расположенной в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, в связи с ликвидацией организации либо сокращением численности или штата работников организации, средний месячный заработок в течение четвертого, пятого и шестого месяцев со дня увольнения*

сохраняется при наличии совокупности условий: факта обращения такого работника в месячный срок после увольнения в соответствующий орган службы занятости населения, нетрудоустройства этого работника указанным органом в течение трех месяцев со дня увольнения и наличия исключительного случая, касающегося уволенного работника и связанного с его социальной незащищенностью, отсутствием у него средств к существованию, наличием у него на иждивении нетрудоспособных членов семьи и тому подобного.

Общество обратилось в суд с заявлением к органу государственной службы занятости населения (далее – центр занятости населения) о признании незаконными и подлежащими отмене решений о сохранении за Н. среднего месячного заработка в течение четвертого, пятого и шестого месяцев со дня его увольнения. В обоснование заявленных требований общество указало, что Н. состоял в трудовых отношениях с данным обществом, работал в должности авиатехника на станции техобслуживания, расположенной в районе Крайнего Севера (Ханты-Мансийский автономный округ – Югра). Приказом работодателя от 13 января 2015 г. Н. уволен с работы 18 января 2015 г. по п. 2 ч. 1 ст. 81 ТК РФ (расторжение трудового договора по инициативе работодателя в случае сокращения численности или штата работников организации). В связи с увольнением работодателем Н. выплачены все причитающиеся при расчете суммы, включая выходное пособие и выплату среднего месячного заработка в течение трех месяцев со дня увольнения. Решениями центра занятости населения от 18 мая 2015 г., от 19 июня 2015 г. и от 20 июля 2015 г. за Н. признано право на сохранение средней заработной платы в течение соответственно четвертого, пятого и шестого месяцев со дня увольнения. Указанные решения общество считает незаконными, поскольку центром занятости населения в нарушение требований Закона Российской Федерации от 19 апреля 1991 г. № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации» не был применен весь комплекс предусмотренных законом мер по содействию занятости Н., направлений на работу ему не выдавалось. Кроме того, центр занятости населения при решении вопроса о сохранении за уволенным работником среднего месячного заработка в течение четвертого, пятого и шестого месяцев со дня увольнения не установил обстоятельств, которые в данном конкретном случае могли бы быть признаны исключительными по смыслу положений ч. 2 ст. 318 ТК РФ и являлись бы основанием для принятия органом службы занятости населения оспариваемых решений. Представитель органа государственной службы занятости населения и третье лицо Н. в суде заявленные требования не признали. Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения определением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении заявленных обществом требований отказано. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила указанные судебные постановления с направлением дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям. Судом по делу установлено, что Н. работал в обществе авиатехником на станции техобслуживания, расположенной в поселке, который отнесен к районам Крайнего Севера. Приказом общества (работодателя) от 13 января 2015 г. Н. уволен с работы 18 января 2015 г. по п. 2 ч. 1 ст. 81 ТК РФ (сокращение численности или штата работников организации). 4 февраля 2015 г. Н. обратился в

центр занятости населения с заявлениями о содействии в поиске подходящей работы и о предоставлении государственной услуги по информированию о положении на рынке труда. В течение шести месяцев Н. регулярно (дважды в месяц) обращался в центр занятости населения за сведениями о наличии вакансий, однако не был трудоустроен; соответствующих направлений на работу ему не выдавалось в связи с отсутствием вариантов подходящей для него работы. 18 мая, 19 июня и 20 июля 2015 г. Н. обращался в центр занятости населения с заявлениями о выдаче ему решений о сохранении средней заработной платы соответственно за четвертый, пятый и шестой месяцы со дня увольнения. 18 мая, 19 июня и 20 июля 2015 г., в том числе по заявлениям Н., были проведены заседания комиссии центра занятости населения по рассмотрению оснований для выдачи (либо отказе в выдаче) решения о сохранении среднего заработка за работниками, уволенными из организации в связи с ликвидацией организации либо сокращением численности или штата работников организации, оформленные протоколами, по результатам которых приняты решения от 18 мая 2015 г., от 19 июня 2015 г. и от 20 июля 2015 г. о сохранении за Н. средней заработной платы соответственно за четвертый, пятый и шестой месяцы со дня увольнения. В соответствии с информацией, предоставленной центром занятости населения 30 сентября 2015 г., Н. состоял на учете в центре занятости населения в качестве гражданина, ищущего работу, с 4 февраля по 21 августа 2015 г. С 21 августа 2015 г. Н. снят с учета по причине «длительная (более месяца) неявка в органы социальной защиты без уважительной причины». Из материалов дела также следует, что Н. является получателем страховой пенсии по старости. Особенности регулирования труда лиц, работающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, установлены гл. 50 ТК РФ (ст. 313–327). Согласно ч. 1 ст. 313 ТК РФ государственные гарантии и компенсации лицам, работающим в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, устанавливаются данным кодексом, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации. Дополнительные гарантии и компенсации указанным лицам могут устанавливаться законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, нормативными правовыми актами органов местного самоуправления, коллективными договорами, соглашениями, локальными нормативными актами исходя из финансовых возможностей соответствующих субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и работодателей (ч. 2 названной статьи). Государственные гарантии работнику, увольняемому в связи с ликвидацией организации либо сокращением численности или штата работников организации, определены ст. 318 ТК РФ. Так, работнику, увольняемому из организации, расположенной в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, в связи с ликвидацией организации (п. 1 части первой ст. 81 ТК РФ) либо сокращением численности или штата работников организации (п. 2 части первой ст. 81 ТК РФ), выплачивается выходное пособие в размере среднего месячного заработка, за ним сохраняется средний месячный заработок на период трудоустройства, но не свыше трех месяцев со дня увольнения (с зачетом выходного пособия) (ч. 1 ст. 318 ТК РФ).

В исключительных случаях средний месячный заработок сохраняется за указанным работником в течение четвертого, пятого и шестого месяцев со дня увольнения по решению органа службы занятости населения при условии, если в месячный срок после увольнения работник обратился в этот орган и не был им трудоустроен (ч. 2 ст. 318 ТК РФ). Выплата выходного пособия в размере среднего месячного заработка и сохраняемого среднего месячного заработка, предусмотренных частями первой и второй названной выше статьи, производится работодателем по прежнему месту работы за счет средств этого работодателя (ч. 3 ст. 318 ТК РФ). Из приведенных норм закона следует, что в случае увольнения работника из организации, расположенной в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, в связи с ликвидацией организации либо сокращением численности или штата сотрудников организации ему безусловно выплачивается выходное пособие в размере среднего месячного заработка и за ним сохраняется средний месячный заработок на период трудоустройства, но не свыше трех месяцев со дня увольнения. Основанием для сохранения за указанным работником среднего месячного заработка в течение четвертого, пятого и шестого месяца со дня увольнения является принятие органом службы занятости населения соответствующего решения, которое обусловлено наличием исключительного случая, касающегося увольнения работника. Таким образом, сохранение среднего заработка в течение четвертого, пятого и шестого месяцев после увольнения, как установлено ч. 2 ст. 318 ТК РФ, производится не в качестве общего правила, а в исключительных случаях. По смыслу данной нормы закона, своевременное обращение уволенного работника в орган службы занятости населения и факт его нетрудоустройства этим органом являются предпосылкой для реализации права на сохранение за работником, уволенным из организации, расположенной в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, в связи с ликвидацией организации либо сокращением численности или штата сотрудников организации, среднего месячного заработка за четвертый, пятый и шестой месяцы со дня увольнения. Реализация же такого права связана с наличием исключительных случаев, подлежащих установлению соответствующим органом службы занятости населения при решении вопроса о сохранении за работником среднего месячного заработка за четвертый, пятый, шестой месяцы с момента увольнения. Отсутствие в норме закона перечня исключительных случаев не может служить основанием для принятия органом службы занятости населения решения о сохранении за работником среднего месячного заработка за четвертый, пятый, шестой месяцы со дня увольнения при наличии лишь факта соблюдения таким работником и самим органом службы занятости населения установленного порядка по предоставлению государственной услуги по содействию в поиске подходящей работы. Ввиду изложенного к юридически значимым обстоятельствам, подлежащим установлению при разрешении споров, связанных с предоставлением работнику, уволенному в связи с ликвидацией организации либо сокращением численности или штата сотрудников организации, государственной гарантии в виде сохранения среднего месячного заработка в течение четвертого, пятого и шестого месяцев со дня увольнения (ч. 2 ст. 318 ТК РФ), относятся: факт обращения такого работника в месячный срок после увольнения в соответствующий

орган службы занятости населения, нетрудоустройство этого работника указанным органом в течение трех месяцев со дня увольнения и наличие исключительного случая, касающегося уволенного работника и связанного с его социальной незащищенностью, отсутствием у него средств к существованию, наличием у него на иждивении нетрудоспособных членов семьи и тому подобного. Однако названные обстоятельства в связи с неправильным применением судами первой и апелляционной инстанций норм материального права не вошли в предмет доказывания, не были вынесены на обсуждение сторон спора и, соответственно, не получили правовой оценки. Судебные инстанции вследствие ошибочного толкования положений ч. 2 ст. 318 ТК РФ пришли к неправильному выводу о том, что к исключительным случаям сохранения за работником среднего месячного заработка за четвертый, пятый и шестой месяцы со дня увольнения относятся необходимые условия для реализации этого права – факт обращения работника в месячный срок со дня увольнения в орган службы занятости населения и факт нетрудоустройства такого работника указанным органом. Судами первой и апелляционной инстанций были допущены также существенные нарушения норм процессуального права. Из положений ст. 56, 195 ГПК РФ и разъяснений по их применению, содержащихся в пп. 2 и 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении», а также в пп. 5 и 6 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 июня 2008 г. № 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству», следует, что выводы суда об установленных им фактах должны быть основаны на доказательствах, исследованных в судебном заседании. При этом бремя доказывания юридически значимых обстоятельств между сторонами спора подлежит распределению судом на основании норм материального права, регулирующих спорные отношения, а также требований и возражений сторон. Также в силу положений ст. 67, 71, 195–198 ГПК РФ суд обязан исследовать по существу все фактические обстоятельства и не вправе ограничиваться установлением формальных условий применения нормы, а выводы суда о фактах, имеющих юридическое значение для дела, не должны быть общими и абстрактными, они должны быть указаны в судебном постановлении убедительным образом со ссылками на нормативные правовые акты и доказательства, отвечающие требованиям относимости и допустимости. В противном случае нарушаются задачи и смысл судопроизводства, установленные ст. 2 названного кодекса. Эти требования закона судами первой и апелляционной инстанций выполнены не были, обстоятельства, связанные с наличием исключительного случая при принятии органом службы занятости населения решения о сохранении за Н. среднего месячного заработка за четвертый, пятый и шестой месяцы со дня увольнения, судами не были определены в качестве юридически значимых и не устанавливались, бремя их доказывания между сторонами не распределялось. Кроме того, как следует из материалов дела, на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры распоряжением Департамента труда и занятости населения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 14 февраля 2014 г. № 17-р-39 в целях единообразного применения положений ст. 178, 318 ТК РФ, ч. 32 ст. 37 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской

Федерации» утверждены Методические рекомендации по порядку выдачи решения органом службы занятости населения о сохранении среднего месячного заработка за работниками, уволенными из организации в связи с ликвидацией организации либо сокращением численности или штата работников организации (далее – Методические рекомендации). В п. 7 Методических рекомендаций предусмотрено, что при рассмотрении комиссией вопроса о выдаче решения о сохранении среднего месячного заработка дополнительно учитываются представленные гражданами документы, в том числе подтверждающие самостоятельный поиск работы (скриншоты отправленных резюме в организации, отметка о приеме резюме организацией, отметка об отказе работодателя от предлагаемой кандидатуры и т.д.), подтверждающие наличие исключительных обстоятельств, в связи с которыми они могли бы претендовать на сохранение среднего месячного заработка в период трудоустройства (отсутствие средств к существованию, тяжелая болезнь, требующая дорогостоящего лечения, наличие нетрудоспособных членов семьи, находящихся на полном содержании работника или получающих от него помощь, которая является для них постоянным и основным источником средств к существованию, и т.п.). Методические рекомендации, устанавливающие правила выдачи органом службы занятости населения решения о сохранении среднего месячного заработка за работниками, уволенными из организации в связи с ликвидацией организации либо сокращением численности или штата работников организации, а также гражданскими служащими, уволенными из государственного органа, расположенного в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, в связи с сокращением должности гражданской службы в государственном органе или упразднением государственного органа, по решению органа службы занятости населения (п. 2 Методических рекомендаций), в нарушение приведенных выше норм процессуального права и разъяснений по их применению при проверке законности решений центра занятости населения о сохранении за Н. среднего месячного заработка за четвертый, пятый и шестой месяцы со дня увольнения судами первой и второй инстанций во внимание приняты не были, правовая оценка оспариваемым решениям с учетом данных методических рекомендаций, основанных на положениях в том числе ч. 2 ст. 318 ТК РФ, судами не дана. Определение № 69-КГ16-14

16. *Право на доплату к пенсии, которая формируется за счет взносов, уплачиваемых организациями угольной промышленности в бюджет Пенсионного фонда Российской Федерации, имеют бывшие работники этих организаций, имеющие соответствующий стаж работы в организациях угольной промышленности Российской Федерации и в организациях угольной промышленности бывшего Союза ССР до 1 декабря 1991 г.*

Ш. обратился в суд с иском к управлению Пенсионного фонда Российской Федерации (далее – пенсионный орган) о признании права на назначение ежемесячной доплаты к пенсии. В обоснование заявленных требований указал, что является получателем досрочной трудовой пенсии по старости по подп. 11 п. 1 ст. 27 Федерального закона от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в

Российской Федерации» (далее также – Федеральный закон от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ) в связи с наличием 25-летнего стажа работы на подземных и открытых горных работах (включая личный состав горноспасательных частей) по добыче угля, сланца, руды и других полезных ископаемых и на строительстве шахт и рудников. 4 марта 2015 г. он обратился в пенсионный орган с заявлением о назначении ежемесячной доплаты к пенсии на основании Федерального закона от 10 мая 2010 г. № 84-ФЗ «О дополнительном социальном обеспечении отдельных категорий работников организаций угольной промышленности» (далее – Федеральный закон от 10 мая 2010 г. № 84-ФЗ). Решением пенсионного органа от 17 марта 2015 г. ему отказано в назначении ежемесячной доплаты к пенсии по причине отсутствия необходимого стажа работы. При этом в стаж, дающий право на назначение ежемесячной доплаты к пенсии, ответчиком не был включен период его работы на шахте «Алмазная» Министерства угольной промышленности Украины с 1 декабря 1991 г. по 20 июля 1998 г. Ш. полагал, что порядок исчисления стажа для назначения доплаты к пенсии, предусмотренный Федеральным законом от 10 мая 2010 г. № 84-ФЗ, идентичен порядку исчисления стажа для назначения досрочной трудовой пенсии по старости по подп. 11 п. 1 ст. 27 Федерального закона от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ. Поскольку период с 1 декабря 1991 г. по 20 июля 1998 г. был учтен пенсионным органом в специальном стаже, дающем право на досрочную трудовую пенсию по старости, постольку этот период подлежит включению в стаж для назначения ежемесячной доплаты к пенсии. Считая, что отказ пенсионного органа в назначении ежемесячной доплаты к пенсии является неправомерным и нарушает его права, Ш. просил суд возложить на пенсионный орган обязанность зачесть в стаж, дающий право на установление ежемесячной доплаты к пенсии, период его работы с 1 декабря 1991 г. по 20 июля 1998 г. на шахте «Алмазная» Министерства угольной промышленности Украины, признать за ним право на назначение ежемесячной доплаты к пенсии, предусмотренной Федеральным законом от 10 мая 2010 г. № 84-ФЗ, и обязать ответчика назначить ему данную доплату с 1 марта 2015 г. Представитель ответчика в суде иск не признал. Решением суда иски удовлетворены. За Ш. признано право на назначение ежемесячной доплаты к пенсии, предусмотренной Федеральным законом от 10 мая 2010 г. № 84-ФЗ. В стаж, дающий право на установление доплаты к пенсии, зачтены периоды работы Ш. с 1 декабря 1991 г. по 20 июля 1998 г. на шахте «Алмазная» Министерства угольной промышленности Украины. На пенсионный орган возложена обязанность назначить Ш. ежемесячную доплату к пенсии с 4 марта 2015 г. Определением суда апелляционной инстанции решение суда первой инстанции изменено в части даты назначения Ш. ежемесячной доплаты к пенсии. Постановлено считать датой назначения Ш. ежемесячной доплаты к пенсии 1 мая 2015 г. В остальной части решение суда первой инстанции оставлено без изменения. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила вынесенные по делу судебные постановления и приняла новое решение об отказе в удовлетворении иска по следующим основаниям. Дополнительной гарантией в области социального обеспечения работникам, занятым на работах с опасными и (или) вредными условиями труда по добыче (переработке) угля (горючих сланцев), является доплата к пенсии,

условия, порядок назначения и выплаты которой определены Федеральным законом от 10 мая 2010 г. № 84-ФЗ. Согласно ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 10 мая 2010 г. № 84-ФЗ лица, работавшие в организациях угольной промышленности непосредственно полный рабочий день на подземных и открытых горных работах (включая личный состав горноспасательных частей) по добыче угля и сланца и на строительстве шахт не менее 25 лет либо не менее 20 лет в качестве работников ведущих профессий – горнорабочих очистного забоя, проходчиков, забойщиков на отбойных молотках, машинистов горных выемочных машин и получающие пенсию в соответствии с законодательством Российской Федерации (далее – работники организаций угольной промышленности), имеют право на ежемесячную доплату к пенсии (далее – доплата к пенсии) за счет взносов, уплачиваемых организациями угольной промышленности (далее – плательщики взносов) в бюджет Пенсионного фонда Российской Федерации на выплату доплаты к пенсии (далее – взносы). В стаж работы, дающей право на доплату к пенсии лицам, указанным в названной статье, включаются периоды работы, засчитываемые в стаж на соответствующих видах работ, дающих право на досрочное назначение страховой пенсии по старости в соответствии с п. 11 ч. 1 ст. 30 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» (далее – Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ). Исчисление стажа работы, дающей право на доплату к пенсии, производится в порядке, предусмотренном при назначении страховой пенсии по старости досрочно в соответствии с п. 11 ч. 1 ст. 30 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ. Пунктом 11 ч. 1 ст. 30 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ определено, что страховая пенсия по старости назначается ранее достижения возраста, установленного ст. 8 данного федерального закона, при наличии величины индивидуального коэффициента в размере не менее 30 лицам, непосредственно занятым полный рабочий день на подземных и открытых горных работах (включая личный состав горноспасательных частей) по добыче угля, сланца, руды и других полезных ископаемых и на строительстве шахт и рудников, независимо от возраста, если они работали на указанных работах не менее 25 лет, а работникам ведущих профессий – горнорабочим очистного забоя, проходчикам, забойщикам на отбойных молотках, машинистам горных выемочных машин, если они проработали на таких работах не менее 20 лет. Аналогичные положения в части стажа работы были предусмотрены подп. 11 п. 1 ст. 27 Федерального закона от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации», действовавшего на момент назначения пенсии Ш. Федеральным законом от 21 июля 2014 г. № 216-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О страховых пенсиях» и «О накопительной пенсии» ст. 1 Федерального закона от 10 мая 2010 г. № 84-ФЗ дополнена ч. 2, согласно которой условия, нормы и порядок дополнительного социального обеспечения, предусмотренные названным федеральным законом, распространяются на лиц, работавших в организациях угольной промышленности Российской Федерации, а также на лиц, работавших в организациях угольной

промышленности бывшего Союза ССР до 1 декабря 1991 г. В соответствии со ст. 35 Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 216-ФЗ указанные изменения вступили в силу с 1 января 2015 г. Статьей 5 Федерального закона от 10 мая 2010 г. № 84-ФЗ определено, что финансовое обеспечение расходов на выплату доплаты к пенсии, включая расходы на организацию работы по ее выплате и доставке, производится за счет взносов, поступивших от плательщиков взносов, сумм пеней, начисленных за несвоевременную уплату взносов, и штрафов за неправомерные действия, связанные с реализацией указанного федерального закона. По смыслу приведенных нормативных положений в их системной взаимосвязи, правом на доплату к пенсии, которая формируется за счет взносов, уплачиваемых организациями угольной промышленности в бюджет Пенсионного фонда Российской Федерации, обладают бывшие работники организаций угольной промышленности Российской Федерации и в организациях угольной промышленности бывшего Союза ССР до 1 декабря 1991 г., а именно работавшие в организациях угольной промышленности непосредственно полный рабочий день на подземных и открытых горных работах (включая личный состав горноспасательных частей) по добыче угля и сланца и на строительстве шахт не менее 25 лет либо не менее 20 лет в качестве работников ведущих профессий – горнорабочих очистного забоя, проходчиков, забойщиков на отбойных молотках, машинистов горных выемочных машин. Между тем при разрешении спора требования указанных норм материального права судами не учтены, а к спорным правоотношениям не применен закон, подлежащий применению, – ч. 2 ст. 1 Федерального закона от 10 мая 2010 г. № 84-ФЗ. Вывод судов о том, что спорный период работы Ш. был учтен ему ответчиком при назначении досрочной трудовой пенсии по старости по подп. 11 п. 1 ст. 27 Федерального закона от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ и потому подлежит включению в стаж, дающий право на установление доплаты к пенсии в соответствии с Федеральным законом от 10 мая 2010 г. № 84-ФЗ, основан на ошибочном толковании и применении норм материального права, регулирующих порядок и условия назначения доплаты к пенсии за стаж работы в угольной промышленности, которыми прямо предусмотрено, что условия, нормы и порядок дополнительного социального обеспечения работников организаций угольной промышленности в виде доплаты к пенсии распространяются только на бывших работников организаций угольной промышленности Российской Федерации и лиц, работавших в организациях угольной промышленности бывшего Союза ССР до 1 декабря 1991 г. Кроме того, по смыслу ст. 1, 5 Федерального закона от 10 мая 2010 г. № 84-ФЗ, источником финансирования доплаты к пенсии за стаж работы в угольной промышленности являются страховые взносы, дополнительно (сверх установленного тарифа) уплачиваемые в Пенсионный фонд Российской Федерации организациями угольной промышленности на выплату именно доплаты к пенсии работникам угольной отрасли Российской Федерации. Согласно ч. 1 ст. 6 названного закона для плательщиков взносов установлен тариф взносов в размере 6,7 процента выплат и иных вознаграждений, начисленных в пользу работников, непосредственно занятых полный рабочий день на подземных и открытых горных работах (включая личный

состав горноспасательных частей) по добыче угля и сланца и на строительстве шахт, и работников ведущих профессий – горнорабочих очистного забоя, проходчиков, забойщиков на отбойных молотках, машинистов горных выемочных машин. Частью 3 ст. 6 Федерального закона от 10 мая 2010 г. № 84-ФЗ определено, что объектом обложения и базой для начисления взносов являются объект обложения и база для начисления страховых взносов на обязательное пенсионное страхование в Пенсионный фонд Российской Федерации, которые установлены чч. 1, 3 и 4 ст. 7 и чч. 1, 3 и 6 ст. 8 Федерального закона от 24 июля 2009 г. № 212-ФЗ «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования». Из изложенных норм закона следует, что дополнительные страховые взносы (сверх установленного тарифа), уплачиваемые организациями угольной промышленности Российской Федерации в целях предоставления такой социальной гарантии бывшим работникам организаций угольной промышленности как доплата к пенсии, не участвуют в формировании размера страховой пенсии, который обеспечивается за счет взносов на обязательное пенсионное страхование, а имеют иное целевое назначение – расходуются только на дополнительное материальное обеспечение бывших работников угольной промышленности Российской Федерации и угольной промышленности бывшего СССР до 1 декабря 1991 г. Таким образом, порядок установления пенсии работникам угольной промышленности и порядок установления доплаты к ней различны по своему характеру и имеют самостоятельное правовое регулирование. То, что исчисление стажа для назначения доплаты к пенсии бывшим работникам угольной промышленности производится в том же порядке, что и для исчисления пенсии по п. 11 ч. 1 ст. 30 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ, не означает, что право на доплату определяется в том же порядке, что и право на установление пенсии. Ссылка судов первой и апелляционной инстанций на Соглашение стран СНГ от 13 марта 1992 г. «О гарантиях прав граждан государств-участников Содружества Независимых Государств в области пенсионного обеспечения» несостоятельна, поскольку данное соглашение регулирует вопросы пенсионного обеспечения, а не вопросы дополнительного социального обеспечения работников угольной промышленности, получающих пенсию в соответствии с законодательством Российской Федерации, и осуществляемого за счет взносов, уплачиваемых организациями угольной промышленности в бюджет Пенсионного фонда Российской Федерации на выплату доплаты к пенсии. Также неправомерно суд апелляционной инстанции привел в обоснование вывода о включении периода работы Ш. после 1 декабря 1991 г. на шахте «Алмазная» Министерства угольной промышленности Украины в стаж для назначения доплаты к пенсии правовую позицию, изложенную в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 10 июля 2007 г. № 9-П, поскольку предметом проверки Конституционного Суда являлись нормы Федерального закона от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» (п. 1 ст. 10) и абзац третий п. 7 Правил учета страховых взносов, включаемых в расчетный пенсионный капитал, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 12 июня 2002 г. № 407, регулирующие

условия приобретения застрахованными лицами, работавшими по трудовому договору, права на трудовую пенсию и размер ее страховой части. При таких обстоятельствах выводы судов первой и апелляционной инстанций о распространении условий и норм дополнительного социального обеспечения бывших работников организаций угольной промышленности Российской Федерации в виде доплаты к пенсии на лицо, которое имеет стаж работы в организациях угольной промышленности иностранного государства, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала основанными на неправильном применении и толковании норм материального права. Как следует из материалов дела, имеющаяся у Ш. без учета спорного периода работы с 1 декабря 1991 г. по 20 июля 1998 г. продолжительность стажа работы в угольной промышленности Российской Федерации и бывшего СССР до 1 декабря 1991 г. составляет 18 лет 9 месяцев 18 дней, что не дает ему права на назначение ежемесячной доплаты к пенсии в соответствии с Федеральным законом от 10 мая 2010 г. № 84-ФЗ.

Определение № 58-КГ16-14

По экономическим спорам

Практика применения законодательства о банкротстве

17. *Исполнение третьим лицом обязательства должника на основании ст. 313 ГК РФ до введения первой процедуры банкротства не может быть признано злоупотреблением правом при отсутствии доказательств того, что поведение третьего лица причинило вред лицам, участвующим в деле о банкротстве.*

Гражданин обратился в арбитражный суд с заявлением о признании компании банкротом, ссылаясь на то, что решением суда общей юрисдикции подтверждено наличие задолженности компании по выплате ему выходного пособия. На дату судебного заседания по рассмотрению обоснованности этого требования задолженность погашена обществом (третьим лицом) путем внесения денежных средств на депозит нотариуса. Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, отказано во введении в отношении компании процедуры наблюдения, заявление гражданина оставлено без рассмотрения. Суды руководствовались ст. 313 и 327 ГК РФ, ст. 33 и п. 3 ст. 48 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) и пришли к выводу об отсутствии оснований для введения процедуры наблюдения, поскольку задолженность погашена в

полном объеме. Постановлением арбитражного суда округа названные судебные акты отменены, дело направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции. Суд исходил из того, что общество злоупотребило правом (ст. 10 ГК РФ). Погасив задолженность, общество лишило гражданина статуса заявителя по делу о банкротстве. Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе определение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям. По смыслу Закона о банкротстве законный материальный интерес любого кредитора должника прежде всего состоит в наиболее полном итоговом погашении заявленных им требований. Все предоставленные кредиторам права, а также инструменты влияния на ход процедуры несостоятельности направлены на достижение названной цели. Одним из таких инструментов является полномочие первого заявителя по делу о банкротстве на предложение кандидатуры арбитражного управляющего либо саморегулируемой организации, из числа которой подлежит назначению арбитражный управляющий для проведения первой введенной судом процедуры (п. 9 ст. 42 Закона о банкротстве). При этом интерес в осуществлении данного полномочия в любом случае должен быть обусловлен наличием конечного интереса в получении удовлетворения по включенному в реестр требованию. После получения полного удовлетворения своих требований у гражданина отпал подлежащий защите правовой интерес как в предложении кандидатуры арбитражного управляющего, так и в самом участии в деле о банкротстве. Сам по себе факт погашения задолженности в полном объеме до введения первой процедуры несостоятельности не свидетельствует о злоупотреблении правом со стороны общества. В обоснование действий по погашению задолженности перед гражданином общество привело убедительные доводы о том, что его поведение не направлено на причинение вреда вовлеченным в процесс несостоятельности лицам, а обусловлено предотвращением банкротства, контролируемого самим должником, что в целом является ожидаемым от любого разумного участника гражданского оборота и соответствует стандарту добросовестности. Гражданин, напротив, получив полное удовлетворение своих требований, утратил разумный мотив в обжаловании судебных актов по настоящему обособленному спору.

Определение № 305-ЭС16-15945

“

Судебная коллегия Верховного суда указала, что имеет место борьба за контроль над процедурой банкротства должника. При этом было установлено, что кредиторы, инициировавшие возбуждение процедуры банкротства являлись лицами, заинтересованными по отношению к должнику (Генеральный директор и Компания). Задолженность по зарплате, подтвержденная решением суда, послужила основанием для обращения этих работников в арбитражный суд с заявлением о банкротстве. К тому времени все ликвидные активы

общества уже были выведены и единственной целью, по мнению коллегии, являлось установление контроля над процедурой банкротства, назначение лояльного управляющего и чинение препятствий для обжалования другими кредиторами сделок должника по выводу имущества.

В данном деле Судебная коллегия не усмотрела злоупотребление правом со стороны третьего лица, посчитав его поведение убедительным и направленным на защиту своих интересов в деле о банкротстве.

Отменяя постановление окружного суда по делу, Судебная коллегия не приняла во внимание указанные ими правовые позиции Верховного Суда, признав ссылки на них ошибочными, поскольку обстоятельства, указанные в них не схожи с обстоятельствами, установленными по настоящему делу.

(Так в Определении № 302-ЭС16-2049 на которое ссылался окружной суд, имеет совсем иную фабулу – третье лицо погасило кредитором основной долг за должника, при этом, проценты за пользование чужими деньгами (финансовые санкции), которые составляли в несколько раз больше основного долга погашены не были. Поскольку финансовые санкции для определения наличия банкротства и в целях голосования на собраниях кредиторов не учитываются коллегия усмотрела в действиях третьего лица злоупотребление правом, так как намерения рассчитаться с кредитором у плательщика не было, интерес для него представлял только основной долг для целей перехвата контроля над процедурой банкротства).

18. *Запрет на распоряжение имуществом должника, наложенный в судебном или ином установленном законом порядке в пользу кредитора, не предоставляет последнему прав, предусмотренных ст. 181 и 138 Закона о банкротстве.*

При рассмотрении иска общества к компании определением арбитражного суда приняты обеспечительные меры в виде наложения ареста на имущество компании. Во исполнение указанного определения судебный пристав-исполнитель постановлениями наложил аресты на конкретное имущество компании. Решением суда по этому делу требования общества к компании удовлетворены. Впоследствии арбитражным судом принято заявление о признании компании банкротом, в ее отношении введена процедура наблюдения. Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями судов апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, требование общества к компании признано обоснованным и включено в реестр

требований кредиторов должника с удовлетворением в третью очередь как обеспеченное залогом имущества должника. Суды пришли к выводу, что залог возник в соответствии с п. 5 ст. 334 ГК РФ со дня вступления в силу решения суда по иску общества к компании.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты в части, касающейся признания требования общества обеспеченным залогом имущества должника и отказала обществу в во включении в реестр требований кредиторов должника его требования как обеспеченного залогом имущества должника по следующим основаниям. Из положений ст. 1741 и п. 5 ст. 334 ГК РФ следует, что права залогодержателя предоставлены кредитору, в интересах которого был наложен арест, прежде всего с целью его защиты в ситуации неправомерного отчуждения должником арестованного имущества третьему лицу. Такая защита обеспечивается наличием у кредитора возможности обратиться взыскание на арестованную вещь после того, как она была отчуждена (право следования). Вместе с тем возникновение у кредитора прав в силу п. 5 ст. 334 ГК РФ связано с регулируемым процессуальными нормами механизмом принятия решения государственным органом об основаниях введения запрета на распоряжение имуществом и о составе конкретного имущества, в отношении которого будет принят запрет на распоряжение. Принцип равенства кредиторов, требования которых относятся к одной категории выплат (п. 4 ст. 134 Закона о банкротстве), не допускает введение судом, рассматривающим дело о несостоятельности, различного режима удовлетворения одной и той же выплаты в зависимости от процедурных критериев, то есть в зависимости от того, как будет разрешено ходатайство о наложении ареста. Таким образом, из системного толкования названных норм права, а также ст. 2, 181, 138 Закона о банкротстве следует, что преимуществом по отношению к другим кредиторам в деле о несостоятельности (залоговый приоритет) обладают кредиторы, обязательства должника перед которыми обеспечены залогом в соответствии с п. 1 ст. 334 ГК РФ, то есть ординарным залогом.

Определение № 301-ЭС16-16279

“

Слава Богу поставили все на место, а то во истину все благие намерения законодателя вели не понятно куда. Очевидно, что п. 5 ст. 334 ГК РФ был принят в связи с необходимостью обеспечения требований кредиторов на более ранних стадиях взаимоотношений с должником и никак не применим к процедурам банкротства, где залоговый кредитор обладает специальным статусом на котором, собственно, и строятся основные принципы конкурсного права. Залогодержатель в конкурсе – это лицо, которое еще до возникновения у должника признаков банкротства позаботилось о способе обеспечения долга, и именно поэтому он наделен комплексом прав, имеющим приоритет над

правами других кредиторов. Однако, пользуясь неочевидностью смысла, указанной правовой нормы «кредиторы с арестами» кинулись наслаждаться сомнительной привелегией. В первую очередь этой новеллой Гражданского кодекса не замедлили воспользоваться представители налоговых органов и банков.

К сожалению, диспозиция правовой нормы сформулирована таким образом, что может иметь различные трактования. Это собственно мы и видим исходя из судебных актов, вынесенных нижестоящими судами по делу, попавшему в обзор.

Хочется верить, что данным определением Судебная коллегия поставила точку в спорах о статусе лица в процедуре банкротства, в чьих интересах ранее был вынесен арест имущества должника.

19. *Отсутствие у гражданина имущества, за счет которого возможно пропорционально удовлетворить требования кредиторов, само по себе не является основанием для прекращения производства по делу о банкротстве этого гражданина.*

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, прекращено производство по делу о банкротстве гражданина. Суды исходили из того, что отсутствие у гражданина имущества исключает введение банкротной процедуры реализации его имущества, так как не достигается ее цель – пропорциональное удовлетворение требований кредиторов. Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям. В процедуре реализации имущества финансовый управляющий осуществляет действия, направленные на формирование конкурсной массы – анализирует сведения о должнике, выявляет имущество гражданина, в том числе находящееся у третьих лиц, обращается с исками о признании недействительными подозрительных сделок и сделок с предпочтением по основаниям, предусмотренным ст. 612 и 613 Закона о банкротстве, об истребовании или о передаче имущества гражданина, истребует задолженность третьих лиц перед гражданином и т.п. (пп. 7 и 8 ст. 2139, пп. 1 и 6 ст. 21325 Закона о банкротстве). На основании доказательств, полученных финансовым управляющим по результатам выполнения упомянутых мероприятий, а также доказательств, представленных должником и его кредиторами, в ходе процедуры реализации имущества суд оценивает причины отсутствия у должника имущества. При этом право гражданина на использование установленного государством механизма

банкротства не может быть ограничено только на том основании, что у него отсутствует имущество, составляющее конкурсную массу. Один лишь факт подачи гражданином заявления о собственном банкротстве нельзя признать безусловным свидетельством его недобросовестности. В ситуации, когда действительно будет установлено недобросовестное поведение должника, суд в соответствии со ст. 21328 Закона о банкротстве и с учетом разъяснений, изложенных в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2015 г. № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан», вправе в определении о завершении конкурсного производства указать на неприменение правил об освобождении гражданина от исполнения долговых обязательств. Кроме того, действующее законодательство исключает возможность банкротства испытывающего временные трудности гражданина, который в течение непродолжительного времени может исполнить в полном объеме свои обязательства исходя из размера его планируемых доходов (абзац седьмой п. 3 ст. 2136 Закона о банкротстве). Закрепленные в законодательстве о несостоятельности граждан положения о том, что недобросовестные должники не освобождаются от обязательств, а также о том, что банкротство лиц, испытывающих временные затруднения, недопустимо, направлены на исключение возможности получения должником несправедливых преимуществ, обеспечивая тем самым защиту интересов кредиторов.

Таким образом устанавливается баланс между социальнореабилитационной целью потребительского банкротства, достигаемой путем списания непосильных долговых обязательств гражданина с одновременным введением в отношении него ограничений, установленных ст. 21330 Закона о банкротстве, и необходимостью защиты прав кредиторов. Следовательно, вывод судов о том, что процедура реализации имущества гражданина сведется лишь к формальной констатации отсутствия у него имущества, завершению этой процедуры и автоматическому освобождению от обязательств, является ошибочным.

Определение № 304-ЭС16-14541

“

На мой взгляд, абсолютно очевидные вещи. Можно было бы сделать предположение, что Арбитражный суд Омской области пытался сформировать практику отказа от потока банкротных дел, но прекращение производства по делу не влечет за собой освобождение от долгов, что противоречит принципам института банкротства граждан.

Лишение гражданина права на освобождение от долгов через правовой механизм процедуры банкротства является серьезным нарушением. Кроме того, нижестоящие суды не учли и интересы кредиторов. Так, кредиторами

должника в рассматриваемом деле были банки, которым, как известно, в соответствии с нормативами ЦБ, в случае невозможности взыскания необходимо списать с баланса проблемную задолженность. А это возможно исключительно при наличии судебного акта о завершении процедуры банкротства должника, независимо от того было ли выявлено у должника имущество или нет.

Еще один момент, на который нужно обратить внимание при оценке отмененных судебных актов. Можно привести следующую аналогию. Так, § 2. Банкротство отсутствующего должника Главы XI 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» содержит нормы, согласно которым, банкротство отсутствующего должника-гражданина осуществляется и в случае не обнаружения, принадлежащего ему имущества. Таким образом, принцип обязательного прохождения гражданина-банкрота через процедуру реализации имущества для освобождения от долгов изначально заложен в законе и, следовательно, иное толкование недопустимо.

Разрешение споров, возникающих из вещных правоотношений

20. *При приобретении одним лицом всех помещений в многоквартирном доме оно становится единственным собственником земельного участка, на котором расположен многоквартирный дом, с момента государственной регистрации права собственности на последнее помещение. Последующая гибель многоквартирного дома не прекращает право собственности этого лица на земельный участок.*

Общество выкупило и стало собственником восьми квартир, находящихся в восьмиквартирном жилом доме. После сноса названного дома общество обратилось в регистрирующий орган с заявлением о регистрации права собственности на сформированный под указанным домом земельный участок. Регистрирующий орган отказал обществу в регистрации права собственности, сославшись на абзац десятый п. 1 ст. 20 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» в редакции, действовавшей до 1 января 2017 г., мотивировав свой отказ отсутствием правовых оснований для регистрации частной (индивидуальной) собственности на общее имущество в многоквартирном доме за одним лицом. Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании незаконным данного отказа и об обязанности регистрирующего органа осуществить государственную регистрацию права

собственности общества на земельный участок. Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявления общества отказано. Суды исходили из того, что общество, став собственником всех помещений в здании, не избрало правовой режим многоквартирного дома как единого объекта и не обратилось с заявлением к регистрирующему органу для регистрации права на указанный дом, поэтому его право собственности на здание в целом и, как следствие, на сформированный под этим зданием участок не возникло; ввиду сноса дома право собственности общества на расположенные в доме квартиры, также как и его право на земельный участок, на котором был расположен разрушенный дом, в силу п. 1 ст. 235 ГК РФ прекратилось. Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям. Пунктом 2 ст. 81 ГК РФ предусмотрено, что права на имущество, подлежащие регистрации (в том числе право собственности на недвижимое имущество), возникают, изменяются, прекращаются с момента внесения соответствующей записи в государственный реестр, если иное не установлено законом. Положениями ст. 36 Жилищного кодекса Российской Федерации (далее – ЖК РФ) и чч. 2 и 5 ст. 16 Федерального закона от 29 декабря 2004 г. № 189-ФЗ «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации» (далее – Закон № 189-ФЗ) установлены иные моменты возникновения права общей долевой собственности у собственников жилых и нежилых помещений на общее имущество многоквартирного жилого дома, в том числе на земельный участок, сформированный под таким домом, а также момент перехода доли в праве на общее имущество – именно с даты государственной регистрации права собственности на квартиру. Таким образом, покупатель квартиры с момента государственной регистрации права собственности на данный объект приобретает в силу закона и право на долю в общей долевой собственности на сформированный в установленном порядке земельный участок, на котором расположен данный дом. По смыслу разъяснений, содержащихся в п. 8 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 июля 2009 г. № 64 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров о правах собственников помещений на общее имущество здания» (далее – постановление № 64), в случае если одно лицо приобретает право собственности на все помещения в здании, то оно в силу закона также становится обладателем всех долей в праве собственности на земельный участок, расположенный под зданием. Из положений ст. 244 ГК РФ следует, что при указанных обстоятельствах существование долевой собственности на имущество невозможно и она с учетом положений пп. 2 и 4 ст. 81 ГК РФ должна рассматриваться как индивидуальная собственность лица на недвижимую вещь. В этом случае, как указано в п. 4 ст. 81 ГК РФ, запись об изменении этого права вносится в государственный реестр по заявлению лица, для которого наступают такие правовые последствия, то есть в том числе и лица, которое в силу приобретения всех долей в праве собственности на недвижимое имущество является единоличным собственником вещи. Согласно изложенным нормам права при приобретении одним лицом всех жилых и нежилых помещений в многоквартирном доме, а следовательно,

всех долей в праве общей долевой собственности на общее имущество, такое лицо с момента государственной регистрации права на последнюю квартиру или нежилое помещение в многоквартирном доме становится собственником всего земельного участка. Вывод судов о том, что для приобретения права на земельный участок лицо, ставшее собственником всех помещений в здании (многоквартирном доме), должно преобразовать все помещения и общее имущество в единый объект, не основан на положениях законодательства, которым не предусмотрена также и возможность государственной регистрации права собственности на такой объект, как многоквартирный дом. В соответствии с разъяснениями, содержащимися в абзаце третьем п. 8 постановления № 64, указанные действия являются правом, а не обязанностью лица. Основания прекращения права собственности на земельный участок приведены в ст. 44 ЗК РФ. Такого основания для прекращения права собственности на земельный участок как гибель (уничтожение) здания, расположенного на земельном участке, названная норма не содержит. В силу п. 6 ст. 36 ЗК РФ общество сохранило право собственности на земельный участок. Вместе с тем суды не исследовали вопрос о том, когда был сформирован и поставлен на кадастровый учет земельный участок, в отношении которого общество просит зарегистрировать его право собственности, в том числе был ли он сформирован под ранее существовавшим многоквартирным домом с учетом территории, необходимой для его обслуживания и эксплуатации.

Определение № 305-КГ16-10570

Разрешение споров, возникающих из обязательственных правоотношений

21. *Довод должника о том, что исполнение обязательства по предоставлению банковской гарантии в обеспечение исполнения обязательств по договору зависит от воли третьего лица (банка), не может являться основанием для отказа в удовлетворении требований кредитора об обязанности должника исполнить в натуре это обязательство и уплатить неустойку за его неисполнение.*

По условиям договора поставки предприятие (поставщик) обязалось предоставить обществу (покупателю) обеспечение исполнения договора в виде банковской гарантии или поручительства. Ссылаясь на то, что предприятие не предоставило обеспечение, общество обратилось в арбитражный суд с иском о понуждении предприятия к исполнению в натуре обязательства по предоставлению банковской гарантии и о взыскании предусмотренной договором неустойки за неисполнение данного обязательства. Суд первой инстанции исковые требования общества удовлетворил. Суд апелляционной инстанции отменил решение суда первой инстанции в части обязанности предприятия предоставить банковскую гарантию, отказал в этой части иска, а в части взыскания с ответчика неустойки оставил решение суда первой инстанции без изменения. Суд исходил из того, что обязательство по предоставлению банковской

гарантии является неисполнимым, так как поставлено в зависимость от воли третьего лица (банка); требование покупателя о взыскании с предприятия неустойки обоснованно, поскольку договором установлена ответственность предприятия за непредоставление, нарушение порядка и срока предоставления обеспечения. Арбитражный суд округа согласился с выводом суда апелляционной инстанции о том, что не подлежит удовлетворению требование покупателя об обязанности поставщика предоставить банковскую гарантию, но посчитал, что неустойка не может быть направлена на обеспечение неисполнимого обязательства, отменил решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции и отказал в удовлетворении исковых требований общества. Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям. В соответствии со ст. 309 ГК РФ предприятие как сторона по гражданско-правовой сделке должно надлежащим образом соблюдать согласованные в ней условия, а также требования закона, иных нормативных актов. В п. 1 ст. 329 ГК РФ указано, что исполнение обязательства может обеспечиваться неустойкой, залогом, удержанием вещи должника, поручительством, независимой гарантией, задатком, обеспечительным платежом и другими способами, предусмотренными законом или договором. Вывод суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа о том, что покупатель не вправе требовать от поставщика предоставления банковской гарантии, поскольку такое условие договора является неисполнимым, так как поставлено в зависимость от воли третьего лица, противоречит положениям ст. 416 ГК РФ.

По смыслу ст. 416 ГК РФ невозможность исполнения обязательства наступает в случае, если действие, являющееся содержанием обязательства, объективно не может быть совершено ни одним лицом. Как указано в п. 22 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств», разрешая вопрос о допустимости понуждения должника исполнить обязанность в натуре, необходимо учитывать не только положения Гражданского кодекса Российской Федерации, иного закона или договора, но и существо соответствующего обязательства. Выдача банковских гарантий коммерческим организациям является типичной банковской операцией, постоянно осуществляемой российскими банками и иными кредитными организациями с целью извлечения прибыли, поэтому обращение поставщика к тому или иному банку с просьбой предоставить банковскую гарантию не может нарушать права банка или налагать на него дополнительные обязательства. В связи с тем, что предусмотренное договором поставки обязательство предприятия по предоставлению исполнения обязательства в виде банковской гарантии не относится к неисполнимым (объективно исполнимо) и может быть исполнено предприятием (субъективно исполнимо), отказ в удовлетворении заявленного обществом требования о присуждении к исполнению обязательства в натуре противоречит указанным положениям закона и сложившейся судебной практике их применения. Поскольку согласно имеющейся в материалах дела

выписке из Единого государственного реестра юридических лиц в уставном капитале общества доля участия Российской Федерации превышает пятьдесят процентов, заключение спорного договора осуществлялось по закупочной конкурсной процедуре, предусмотренной Федеральным законом от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц», в силу которого поставщик обязан предоставить заказчику обеспечение (в том числе в виде банковской гарантии). Следовательно, условие спорного договора поставки о предоставлении поставщиком банковской гарантии соответствует как требованиям названного закона, так и положениям ст. 309, 310 и 329 ГК РФ. В нарушение названных норм и условий заключенного сторонами договора предприятие в установленный договором срок не предоставило обществу обеспечение исполнения договора. Доказательства обращения предприятия в кредитные учреждения по вопросу выдачи банковской гарантии и наличия объективных обстоятельств, препятствующих ее получению, в деле отсутствуют.

В силу п. 1 ст. 329 и п. 1 ст. 330 ГК РФ обязательство предоставить банковскую гарантию, как и любое иное обязательство, в том числе дополнительное, может быть обеспечено неустойкой, поскольку гражданское законодательство не содержит исключений для данного вида обязательства и обеспечение неустойкой не является несовместимым с характером обязательства. Поскольку договором стороны согласовали возможность начисления поставщику неустойки за непредоставление в установленные сроки обеспечения, является правомерным требование общества о взыскании неустойки с предприятия, нарушившего данное обязательство. Отказ в удовлетворении требований о предоставлении банковской гарантии и взыскании согласованной сторонами неустойки за непредоставление банковской гарантии может стимулировать должников к неисполнению принятых на себя обязательств, так как лицо, нарушившее обязательство не будет нести за это гражданской ответственности, а лицо, в пользу которого должно быть исполнено это обязательство, не получит компенсации своих потерь, а кроме того, создает преимущественное положение для такого должника перед другими участниками закупки.

Определение № 305-ЭС16-14210

“

Корень проблемы в том, что Покупатель – организация с долей участия государства. Банковскую гарантию или поручительство Поставщик обязан был представить в рамках исполнения договора поставки, заключенного в соответствии с 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц».

Судебная коллегия отдельно отметила, что у поставщика было право выбора – предоставить банковскую гарантию или поручительство, однако в связи с тем, что в установленный договором срок он не реализовал это право, оно

перешло к покупателю (ст. 320 ГК РФ).

Правовая позиция Судебной коллегии безусловно повысит договорную дисциплину, поскольку ранее участники госзакупок формально относились к таким условиям договоров, зная, что суды, как правило, признают такие обязательства неисполнимыми. Право заказчиков (покупателей) понудить поставщиков предоставить оговоренное закупочной документацией обеспечение обязательств (в виде банковской гарантии или поручительства), по мнению Судебной коллегии может быть реализовано посредством, указанной в определении правовой конструкции.

Обращение поставщика к тому или иному банку с просьбой предоставить банковскую гарантию не может нарушать права банка или налагать на него дополнительные обязательства

Исполнимость/неисполнимость судебного акта носит субъективный характер, но сам факт постановление такого решения предоставляет Покупателю возможность не расторгая договор поставки обеспечить исполнение работ надлежащим образом и гарантией возмещения убытков, в случае если таковые возникнут.

Практика применения законодательства о налогах и сборах

22. *Утрата налогоплательщиком права на применение патентной системы налогообложения не влечет одновременную утрату им права на применение упрощенной системы налогообложения либо изменение порядка исчисления налога, уплачиваемого в рамках упрощенной системы.*

Предпринимателем применялась упрощенная система налогообложения с объектом в виде полученных доходов и патентная система налогообложения в отношении операций по сдаче в аренду недвижимого имущества. По результатам камеральной налоговой проверки налоговый орган пришел к выводу об утрате предпринимателем права на применение патентной системы налогообложения на основании п. 6 ст. 34645 НК РФ и возникновении у него обязанности по уплате налогов, предусмотренных общей системой налогообложения, в частности налога на доходы физических лиц. В связи с этим доход предпринимателя от деятельности по сдаче имущества в аренду за соответствующий период был включен в налоговую базу по налогу на доходы физических лиц и налоговым органом принято решение о привлечении предпринимателя к налоговой ответственности за совершение налогового правонарушения, которым ему предложено уплатить недоимку по названному налогу, суммы пеней и штрафа. Ссылаясь на то, что спорные суммы дохода от сдачи имущества

в аренду были учтены им при исчислении и уплате налога по упрощенной системе налогообложения, предприниматель обратился в арбитражный суд с заявлением о признании решения налогового органа незаконным. Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, требования предпринимателя удовлетворены. Постановлением арбитражного суда округа названные судебные акты отменены, дело направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции. Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям. Согласно п. 1 ст. 34611 НК РФ упрощенная система налогообложения применяется индивидуальными предпринимателями наряду с иными режимами налогообложения, а патентная система налогообложения – в силу п. 2 ст. 34643 НК РФ применяется в отношении отдельных видов предпринимательской деятельности. В случае применения патентной системы налогообложения в отношении отдельного вида предпринимательской деятельности вместо уплаты налога исходя из фактически полученной выручки от осуществления такой деятельности (п. 1 ст. 34617 НК РФ) в бюджет уплачивается налог, определенный из денежного выражения потенциально возможного к получению индивидуальным предпринимателем годового дохода (ст. 34648 НК РФ). Пунктом 4 ст. 34613 НК РФ также установлено, что в случае одновременного применения упрощенной и патентной систем налогообложения доходы, полученные от деятельности, в отношении которой налогоплательщиком был получен патент, суммируются с остальными полученными им доходами для целей определения суммового порога, необходимого для сохранения права на применение упрощенной системы налогообложения. Таким образом, взаимосвязанные положения гл. 262 и 265 НК РФ позволяют сделать вывод о том, что упрощенная система налогообложения в случае ее применения индивидуальным предпринимателем является общей по отношению к патентной системе налогообложения, в рамках которой осуществляется налогообложение доходов лишь по отдельным видам деятельности налогоплательщика. При этом гл. 265 НК РФ не содержит нормы, в силу которой утрата налогоплательщиком права на применение патентной системы налогообложения влекла бы одновременную утрату им права на применение упрощенной системы налогообложения либо изменение порядка исчисления налога, уплачиваемого в рамках упрощенной системы. Поскольку, как установлено судами первой и апелляционной инстанций, упрощенная система налогообложения применялась предпринимателем в спорный период, общая сумма полученных им доходов не превысила пороговое значение, установленное п. 4 ст. 34613 НК РФ, то на основании п. 1 ст. 34614 и п. 1 ст. 34617 НК РФ при утрате права на применение патентной системы налогообложения предприниматель правомерно учел все полученные им доходы при исчислении налога по упрощенной системе налогообложения. Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отметила, что Федеральным законом от 30 ноября 2016 г. № 401-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» п. 6 ст. 34645 НК РФ

изложен в новой редакции, устранившей существующее противоречие действующего правового регулирования посредством указания на возможность перехода налогоплательщика на общий режим налогообложения, упрощенную систему налогообложения, систему налогообложения для сельскохозяйственных товаропроизводителей (в случае применения налогоплательщиком соответствующего режима налогообложения).

Определение № 301-КГ16-16143

23. *Должник, предоставивший отступное в целях прекращения обязательств по договору займа, обязан исчислить налог на добавленную стоимость с этой реализации, а кредитор вправе принять налог к вычету.*

Решением налогового органа обществу доначислен налог на добавленную стоимость (далее – НДС), начислены пени и применены налоговые санкции. Основанием доначисления налога послужил вывод налогового органа о неправомерном неначислении обществом НДС от реализации имущественных прав по соглашению, в соответствии с которым общество предоставляло имущество компании взамен исполнения обязательства по договору займа. Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании указанного решения налогового органа недействительным. Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, заявление общества удовлетворено. Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и отказала в удовлетворении требования общества по следующим основаниям.

Согласно подп. 15 п. 3 ст. 149 НК РФ не подлежат налогообложению (освобождаются от налогообложения) НДС операции по предоставлению займов в денежной форме, а также оказание финансовых услуг по предоставлению займов в денежной форме. Аналогичным образом в соответствии с положениями ст. 146 НК РФ не является объектом налогообложения НДС возврат заемных денежных средств. Соответственно, от налогообложения НДС освобождаются именно займы в денежной, а не в иной форме. В силу ст. 409 ГК РФ при подписании соглашения о предоставлении отступного обязательство по договору займа прекращается путем передачи имущества должника кредитору (заемщика займодавцу), то есть в собственность займодавца передается имущество в обмен на денежные средства. С предоставлением отступного меняется в целом способ исполнения договора займа, прекращаются обязательства сторон по первоначальному способу исполнения и на стороны возлагаются другие, новые обязательства, возникающие из соглашения об отступном (денежная форма возврата займа более не исполняется сторонами). По смыслу пп. 1 и 3 ст. 38, п. 1 ст. 39 НК РФ, поскольку при передаче имущества в качестве отступного происходит передача права собственности на него на возмездной основе, данная передача признается реализацией, если иное прямо не предусмотрено НК РФ. В силу подп. 1 п. 1 ст. 146 НК РФ реализация товаров (работ, услуг) на территории Российской Федерации, в том

числе реализация предметов залога и передача товаров (результатов выполненных работ, оказание услуг) по соглашению о предоставлении отступного или новации, а также передача имущественных прав признаются объектом налогообложения по НДС. Таким образом, передача имущества в качестве отступного в целях погашения обязательств по договору займа является реализацией имущества, в связи с чем передающая сторона обязана исчислить НДС с реализации, а получающая – вправе принять налог к вычету.

Определение № 309-КГ16-13100

Практика применения таможенного законодательства

24. В случае выявления таможенным органом признаков недостоверного декларирования таможенной стоимости товара, ввозимого по сделке, совершенной между взаимосвязанными лицами, декларант должен представить документы и сведения, подтверждающие допустимость применения метода определения таможенной стоимости ввозимого товара по стоимости сделки с ним.

По результатам проведенных в отношении ввезенного обществом товара мероприятий таможенного контроля таможенным органом принято решение о корректировке таможенной стоимости и выставлено требование об уплате таможенных платежей. Основанием принятия указанного решения послужили выводы таможенного органа о том, что представленные декларантом документы не отвечают требованиям п. 4 ст. 65 Таможенного кодекса Таможенного союза (далее – ТК ТС). Таможенным органом установлена заниженная стоимость контракта, по цене которого определена таможенная стоимость, и взаимосвязанность между обществом (покупателем) и продавцом товара. Однако на требование таможи предоставить документы и сведения, касающиеся взаимосвязи участников внешнеторгового контракта, запрашиваемые сведения представлены не были. Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании недействительным требования об уплате таможенных платежей. Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, требования общества удовлетворены. Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и отказала в удовлетворении требований общества по следующим основаниям. Как разъяснено в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 мая 2016 г. № 18 «О некоторых вопросах применения судами таможенного законодательства» (далее – постановление № 18), судам необходимо учитывать, что одним из правил таможенной оценки является наделение таможенных органов правом убеждаться в достоверности декларирования таможенной стоимости исходя из действительной стоимости ввозимых товаров, которое реализуется при проведении таможенного контроля. В силу п. 1 ст. 68 ТК ТС основанием для принятия решения о корректировке таможенной стоимости

товаров является выявленный таможенным органом при осуществлении контроля таможенной стоимости как до, так и после выпуска товаров, факт недостоверного заявления сведений об их таможенной стоимости, в том числе в связи с неправильным выбором метода определения таможенной стоимости. Из содержания п. 1 ст. 2, п. 1 ст. 4 Соглашения между Правительством Российской Федерации, Правительством Республики Беларусь и Правительством Республики Казахстан от 25 января 2008 г. «Об определении таможенной стоимости товаров, перемещаемых через таможенную границу таможенного союза» (далее – Соглашение) следует, что метод определения таможенной стоимости ввозимых товаров по стоимости сделки с ними (первый метод) является приоритетным для таможенной оценки, но в ряде случаев использоваться не может, как неспособный правильно отразить действительную стоимость товаров.

В частности, согласно пп. 1 и 3 ст. 4 Соглашения взаимосвязь сторон договора влечет невозможность применения первого метода определения таможенной стоимости, если она оказала влияние на цену, уплачиваемую или подлежащую уплате за товар. В связи с этим в п. 19 постановления № 18 указано следующее: в случае возникновения спора о правомерности применения первого метода на таможенном органе лежит бремя доказывания признаков того, что взаимосвязь сторон могла повлиять на цену (п. 4 ст. 4 Соглашения), а на декларанте – обязанность доказать, что фактически уплаченная или подлежащая уплате за товар цена была установлена в отсутствие влияния на нее взаимосвязи сторон сделки (пп. 41, 42 ст. 4 Соглашения). Таким образом, в случае выявления таможенными органами признаков недостоверного декларирования таможенной стоимости товаров, ввозимых по сделке, совершенной между взаимосвязанными лицами, в порядке исключения из общего правила именно на декларанта возлагается бремя предоставления документов и сведений, подтверждающих допустимость применения первого метода определения таможенной стоимости. Установленные на стадии таможенного контроля обстоятельства, касающиеся взаимосвязанности сторон контракта, признаков искажения стоимости сделки с ввозимыми товарами под влиянием взаимосвязанности, не были мотивированно оспорены обществом, которое отказалось от представления таможенному органу каких-либо дополнительных документов и сведений. В такой ситуации общество не могло применить первый метод определения таможенной стоимости товара. Определение № 306-КГ16-13324

Практика применения законодательства о рекламе и о лицензируемой деятельности

25. Реклама метода профилактики, способа или приема диагностики, лечения и медицинской реабилитации является надлежащей, если она не раскрывает их содержание и распространяется в составе рекламы медицинских услуг при соблюдении требований, установленных ч. 7 ст. 24 Федерального закона от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе».

В газете «Ставропольский бизнес» была размещена реклама об использовании врачами общества метода диагностики – ЭКГ-исследования. Усмотрев в действиях общества признаки состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 5 ст. 14.3 КоАП РФ, поскольку указанная реклама нарушает положения ч. 8 ст. 24 Федерального закона от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» (далее – Закон о рекламе), антимонопольный орган вынес постановление о привлечении общества к административной ответственности в виде штрафа. Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением к антимонопольному органу о признании незаконным данного постановления. Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявления отказано. Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и удовлетворила заявление общества по следующим основаниям. Требования к рекламе лекарственных средств, медицинской техники, изделий медицинского назначения и медицинских услуг, в том числе методов лечения, установлены ч. 7 ст. 24 Закона о рекламе, согласно которой реклама лекарственных средств, медицинских услуг, в том числе методов профилактики, диагностики, лечения и медицинской реабилитации, медицинских изделий должна сопровождаться предупреждением о наличии противопоказаний к их применению и использованию, необходимости ознакомления с инструкцией по применению или получения консультации специалистов. Эти требования не распространяются на рекламу, распространяемую в местах проведения медицинских или фармацевтических выставок, семинаров, конференций и иных подобных мероприятий, а также в предназначенных для медицинских и фармацевтических работников специализированных печатных изданиях, и на иную рекламу, потребителями которой являются исключительно медицинские и фармацевтические работники. Частью 8 ст. 24 Закона о рекламе установлено, что реклама лекарственных препаратов в формах и дозировках, отпускаемых по рецептам на лекарственные препараты, методов профилактики, диагностики, лечения и медицинской реабилитации, а также медицинских изделий, для использования которых требуется специальная подготовка, не допускается иначе как в местах проведения медицинских или фармацевтических выставок, семинаров, конференций и иных подобных мероприятий и в предназначенных для медицинских и фармацевтических работников специализированных печатных изданиях. Из приведенных положений следует, что ч. 7 ст. 24 Закона о рекламе допускает рекламу методов профилактики, диагностики, лечения и медицинской реабилитации в составе видов (перечня) медицинских услуг, оказываемых соответствующим медицинским учреждением, предусматривая лишь необходимость предупреждения о наличии противопоказаний к их применению и использованию, ознакомления с инструкцией по применению или получения консультации специалистов.

Вместе с тем реклама, в которой раскрывается содержание того или иного метода профилактики, способа или приема диагностики, лечения и медицинской реабилитации, подпадает под запрет, установленный ч. 8 ст. 24 Закона о рекламе. В рассматриваемом случае объектом рекламирования была не реклама конкретного

метода диагностики и лечения – ЭКГ, с раскрытием преимуществ данного метода и его эффективности, а реклама медицинской услуги. Определение № 308-АД16-10650

26. *Установление факта реализации заявителем алкогольной и спиртосодержащей продукции без соответствующей лицензии является достаточным основанием для отказа уполномоченного органа в предоставлении ему лицензии на розничную продажу алкогольной продукции.*

Общество обратилось в уполномоченный орган (далее – комитет) с заявлением о выдаче лицензии на розничную продажу алкогольной продукции. Комитетом проведена внеплановая выездная проверка в отношении общества, в ходе которой установлено нарушение обществом п. 1 ст. 26 Федерального закона от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции» (далее – Закон № 171-ФЗ), поскольку общество на день проверки осуществляло оборот алкогольной и спиртосодержащей продукции без соответствующей лицензии. Кроме того, в представленных обществом документах в нарушение подп. 1 п. 9 ст. 19 Закона № 171-ФЗ содержались недостоверные сведения, так как по указанному им адресу помимо объекта розничной торговли, расположен объект общественного питания, в котором осуществлялась торговля спиртосодержащей продукцией без лицензии. Решением арбитражного суда по другому делу общество привлечено к административной ответственности в виде штрафа на основании ч. 3 ст. 14.17 КоАП РФ. Указанные обстоятельства послужили основанием для принятия комитетом решения об отказе в предоставлении обществу лицензии на продажу алкогольной продукции. Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением к комитету о признании указанного решения незаконным. Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, заявление общества удовлетворено.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и отказала в удовлетворении требований общества по следующим основаниям. В соответствии с подп. 6 п. 9 ст. 19 Закона № 171-ФЗ одним из оснований для отказа в выдаче лицензии является несоответствие заявителя иным лицензионным требованиям, установленным в соответствии с положениями ст. 2, 8, 9, 10.1, 11, 16, 19, 20, 25, 26 Закона № 171-ФЗ. Пункт 1 ст. 26 Закона № 171-ФЗ устанавливает запрет на производство и оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции без соответствующих лицензий, а также передачу лицензии другому лицу и оказание услуг, составляющих лицензируемый вид деятельности, другому лицу, за исключением случаев, предусмотренных законодательством Российской Федерации. Таким образом, положения п. 9 ст. 19 Закона № 171-ФЗ как устанавливающие основания для отказа в выдаче лицензии, должны применяться совместно с положениями указанных в нем статей, в том числе – с п. 1 ст. 26 Закона № 171-ФЗ. Установленные факты реализации обществом алкогольной продукции без лицензии и, как следствие, привлечение

общества к административной ответственности указывают на явное несоответствие общества требованиям, которые предусмотрены ст.19, 26 Закона № 171-ФЗ для организаций, стремящихся получить соответствующую лицензию.

Определение № 306-КГ16-15245

Практика применения положений Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

27. *Срок давности привлечения к административной ответственности за нарушение порядка проведения оценки уязвимости объектов транспортной инфраструктуры исчисляется с момента представления в уполномоченный орган результатов соответствующей оценки.*

Постановлением административного органа от 19 января 2016 г. автономная некоммерческая организация «Центр сертификации объектов, обеспечивающих авиационную безопасность» (далее – центр сертификации) привлечена к административной ответственности, предусмотренной ч. 1 ст. 11.15.2 КоАП РФ, с назначением наказания в виде административного штрафа. Центр сертификации обратился в арбитражный суд с заявлением к административному органу о признании незаконным и отмене названного постановления.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, центру сертификации отказано в удовлетворении заявления. Суды установили, что являясь специализированной организацией в области обеспечения транспортной безопасности, аккредитованной в установленном порядке, центр сертификации провел дополнительную оценку уязвимости объекта транспортной инфраструктуры – аэропорта (далее – оценка уязвимости) с нарушением «Порядка проведения оценки уязвимости объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств», утвержденного приказом Минтранса России от 12 апреля 2010 г. № 87 (далее – Порядок проведения оценки уязвимости), что послужило основанием для отказа Федеральным агентством воздушного транспорта в утверждении результатов проведенной оценки уязвимости. Признавая соблюденным административным органом двухмесячный срок давности привлечения центра сертификации к административной ответственности, суды исходили из того, что совершенное центром сертификации правонарушение является длящимся и моментом его выявления (обнаружения) административным органом является 18 ноября 2015 г. – день получения административным органом, должностное лицо которого уполномочено составлять протокол об административном правонарушении, информации из Федерального агентства воздушного транспорта о нарушении центром сертификации установленного порядка проведения оценки уязвимости объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств. Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и удовлетворила

заявленные требования по следующим основаниям. Центр сертификации провел оценку уязвимости, результаты которой были оформлены в двух экземплярах на бумажном носителе и одном экземпляре на магнитном носителе. В соответствии с требованиями п. 6 Порядка проведения оценки уязвимости результаты проведенной оценки уязвимости были представлены центром сертификации 12 октября 2015 г. в Федеральное агентство воздушного транспорта для рассмотрения и принятия решения об их утверждении либо отказе в утверждении. Согласно п. 8 Порядка проведения оценки уязвимости решение об утверждении результатов проведенной оценки уязвимости либо об отказе в их утверждении принимается компетентным органом в срок, не превышающий 30 дней. Таким образом, после представления 12 октября 2015 г. в компетентный орган результатов проведенной оценки уязвимости центр сертификации не имел возможности внести в эти результаты изменения в целях исправления каких-либо допущенных при проведении оценки уязвимости нарушений установленных требований порядка проведения такой оценки, а соответственно, не мог изменить последствия выявления компетентным органом допущенных центром сертификации нарушений требований законодательства при проведении упомянутой оценки. Следовательно, представив в компетентный орган для рассмотрения результаты оценки уязвимости, проведенной с нарушением требований порядка проведения оценки уязвимости объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств, центр сертификации совершил противоправное деяние. Учитывая, что моментом совершения правонарушения в рассматриваемом случае является 12 октября 2015 г. и указанное правонарушение не является длящимся, то установленный ч. 1 ст. 4.5 КоАП РФ двухмесячный срок давности привлечения к ответственности истек к моменту вынесения административным органом оспариваемого постановления от 19 января 2016 г. о привлечении к административной ответственности.

Определение № 305-АД16-14470

“

Здесь налицо неправильная квалификация правонарушения. Уже неоднократно обсуждалось, что вопрос отнесения правонарушения к категории длящихся является в некоторых случаях весьма субъективным. Однако в данном деле, на мой взгляд, отсутствуют какие-либо признаки длящегося правонарушения.

Процессуальные вопросы

28. *Принятия прокурором обязательных мер по досудебному урегулированию, предусмотренному ч. 5 ст. 4 АПК РФ, до обращения в арбитражный суд с требованиями в защиту публичных интересов, прав и законных интересов других лиц не требуется.*

Прокурор в интересах неопределенного круга лиц и муниципального образования обратился в арбитражный суд с иском к обществу и предприятию о признании заключенного между ними договора недействительным. Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, исковое заявление возвращено на основании п. 5 ч. 1 ст. 129 АПК РФ в связи с несоблюдением прокурором претензионного досудебного порядка урегулирования спора с ответчиками. Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции для решения вопроса о принятии к производству иска по следующим основаниям. В силу ч. 5 ст. 4 АПК РФ споры по отдельным категориям дел могут быть переданы на разрешение арбитражного суда после принятия сторонами мер к досудебному урегулированию. Досудебный порядок урегулирования экономических споров представляет собой взаимные действия сторон материального правоотношения, направленные на самостоятельное разрешение возникших разногласий. Лицо, считающее, что его права нарушены действиями другой стороны, обращается к нарушителю с требованием об устранении нарушения. Если получатель претензии находит ее доводы обоснованными, то он предпринимает необходимые меры к устранению допущенных нарушений, исключив тем самым необходимость судебного вмешательства. Такой порядок ведет к более быстрому и взаимовыгодному разрешению возникших разногласий и споров. Следовательно, на прокуроре лежит обязанность по принятию мер к досудебному урегулированию спора в случае, если орган прокуратуры участвует в деле в качестве стороны материально-правового спора. Такая обязанность отсутствует при обращении прокурора в арбитражный суд в защиту чужих интересов с требованиями, предусмотренными ч. 1 ст. 52 АПК РФ, либо при вступлении в дело в целях обеспечения законности на основании ч. 5 ст. 52 АПК РФ. Наделение прокурора процессуальными правами и возложение на него процессуальных обязанностей истца (ч. 3 ст. 52 АПК РФ) не делает прокуратуру стороной материально-правового правоотношения и не налагает на прокурора ограничения, связанные с необходимостью принятия мер по досудебному урегулированию спора.

Определение 306-ЭС16-16518

“

П. 5 ст. 4 АПК РФ четко определяет, что спор, возникающий из гражданских правоотношений, может быть передан на разрешение арбитражного суда после принятия сторонами мер по досудебному урегулированию. Речь в ней идет исключительно о сторонах спора. К таковым не относятся третьи лица, выступающие на стороне лица, участвующего в материально-правовом споре. Прокуратура не является исключением и как правильно указал Верховный суд – несмотря на то, что прокурор является истцом в деле, стороной спора он не становится.

29. Поскольку международные договоры, регламентирующие основания и порядок признания и принудительного исполнения судебных решений по таможенным и налоговым делам между государствами отсутствуют, а заключенные международные договоры регламентируют исполнение судебных решений исключительно по частно-правовым спорам (сотрудничество в рамках международного гражданского процесса), арбитражный суд отказывает в признании и приведении в исполнение решения иностранного суда полностью или в части. Арбитражный суд отказывает в признании и приведении в исполнение решения иностранного суда полностью или в части также и ввиду того, что указанное решение нарушает нормы о юрисдикционном иммунитете Российской Федерации и фискальном иммунитете ее имущества.

Решением иностранного суда – Специализированного межрайонного экономического суда Карагандинской области (Республика Казахстан) удовлетворены требования Департамента таможенного контроля по Карагандинской области Комитета таможенного контроля Министерства финансов Республики Казахстан (далее – департамент) к федеральному бюджетному учреждению – войсковой части 26302 (далее – войсковая часть) о взыскании задолженности в бюджеты по таможенным платежам, налогам, пеням. Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, удовлетворено заявление департамента о признании и приведении в исполнение указанного решения иностранного суда. Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и отказала департаменту в признании и приведении в исполнение решения иностранного суда, поскольку оно противоречит публичному порядку Российской Федерации (п. 7 ч. 1 ст. 244 АПК РФ). Требование таможенных органов Республики Казахстан, положенное в основу предъявленного к исполнению иностранного судебного решения, было выставлено войсковой части в

результате таможенного контроля ввоза военного имущества, который осуществлялся на основании Договора между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о военном сотрудничестве от 28 марта 1994 г. (далее – договор от 28 марта 1994 г.) и Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о порядке содержания и использования Узла Балхаш системы предупреждения о ракетном нападении, расположенного на территории Республики Казахстан, от 14 декабря 1994 г. Таким образом, Российская Федерация и Республика Казахстан заключили специальные международные договоры, регламентирующие правовой режим поставок вооружений, военной техники, материально-технических средств в интересах обеспечения вооруженных сил, объектов оборонного назначения и воинских формирований и устанавливающие, среди прочего, требования о том, что поставки осуществляются на беспошлинной основе, а в целом вопросы поставок продукции определяются специальными соглашениями (ст. 17 договора от 28 марта 1994 г.). Следовательно, все условия поставок военного оборудования, в том числе об уплате налогов, иных сборов от таких поставок, должны быть согласованы сторонами в нормах специальных соглашений. Нормы специальных соглашений, предусматривающих взимание таможенных сборов или налогов от поставок военной продукции для обеспечения Узла Балхаш, отсутствуют. Таким образом, решение иностранного суда противоречит императивным нормам международного договора, а его исполнение ввиду такого противоречия будет нарушать публичный порядок Российской Федерации. Кроме того, предъявленное к исполнению решение вынесено по публично-правовому спору, поскольку предполагает взимание таможенных платежей, налогов, пеней в бюджет иностранного государства. Таким образом, указанное иностранное судебное решение не направлено на защиту частного интереса, обеспечение которого является целью международного правового сотрудничества государств в рамках международного гражданского процесса и реализуется через заключение договоров о правовой помощи по гражданским, семейным, торговым (хозяйственным) делам. Из предмета таких соглашений исключены публично-правовые (налоговые, таможенные, иные административные дела), которые, в силу своей природы, направлены, прежде всего, на защиту интересов государства и обеспечение государственной власти соответствующей страны. В силу принципа суверенного равенства государств оказание содействия со стороны судебной власти одного государства в формировании финансовой основы (бюджета) суверенной власти другого государства может осуществляться только при наличии явно выраженной воли государств на такое взаимодействие. Однако международные договоры, регламентирующие основания и порядок признания и принудительного исполнения судебных решений по таможенным и налоговым делам, между Российской Федерацией и Республикой Казахстан отсутствуют. Предметом обложения таможенными платежами и налогами выступало военное имущество, которое традиционно в силу общих норм международного права, норм законодательства государств об иммунитетах иностранного государства и его имущества обладает судебным и фискальным иммунитетом, иммунитетом в отношении исполнения решения суда (например, ст. 16 Федерального закона Российской Федерации от 23 октября 2015 г. № 297-ФЗ «О

юрисдикционных иммунитетов иностранного государства и имущества иностранного государства в Российской Федерации»). Также и войсковая часть, являющаяся федеральным бюджетным учреждением и реализующая в спорных отношениях публичную функцию органа исполнительной власти Российской Федерации (Министерства обороны) по международному военному сотрудничеству обладает судебным иммунитетом от юрисдикции иностранного государства в силу указанного статуса и выполнения публично-правовой функции. Исполнение решения иностранного суда, которое нарушает нормы о юрисдикционном иммунитете Российской Федерации и фискальном иммунитете ее имущества, противоречит публичному порядку Российской Федерации.

Определение № 305-ЭС16-13303

По уголовным делам

Вопросы квалификации

30. *Совершенное путем обмана и злоупотребления доверием хищение чужого имущества у нескольких потерпевших при отсутствии единого умысла на совершение мошенничества в особо крупном размере не может расцениваться как продолжаемое преступление, а должно квалифицироваться как совокупность самостоятельных преступлений в зависимости от размера хищения в каждом отдельном случае.*

Установлено, что в период 2012–2014 гг. П., злоупотребляя доверием потерпевших, убеждала их получить кредит либо добивалась передачи ей денег, обещая совершить в пользу потерпевших определенные действия (оказать помощь в приобретении автомобиля или жилья, получении статуса беженца). При этом П. знала, что погашать кредиты и совершать данные действия не будет. Помимо этого, П., похитив у потерпевшего Т. деньги и не желая их возвращать, организовала его похищение с целью получения выкупа. Всего П. было похищено у потерпевших денежных средств в особо крупном размере на общую сумму 13 745 690 руб. По приговору суда П. осуждена по ч. 4 ст. 159 УК РФ на 6 лет лишения свободы со штрафом в размере 400 000 руб. и по ч. 3 ст. 33, ч. 3 ст. 30, пп. «а», «в», «з» ч. 2 ст. 126 УК РФ на 7 лет лишения свободы. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений П. назначено 10 лет лишения свободы со штрафом в размере 400 000 руб. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев уголовное дело по апелляционной жалобе осужденной П., изменила приговор в части квалификации ее действий по ч. 4 ст. 159 УК РФ, указав следующее. По смыслу уголовного закона, от совокупности преступлений следует отличать продолжаемое хищение, состоящее из ряда тождественных преступных действий, совершаемых путем изъятия чужого имущества из одного и того же источника, объединенных единым умыслом и

составляющих в своей совокупности единое преступление. Как хищение в особо крупном размере должно квалифицироваться совершение нескольких хищений чужого имущества, общая стоимость которого превышает один миллион рублей, если эти хищения совершены одним способом и при обстоятельствах, свидетельствующих об умысле совершить хищение в особо крупном размере. Поскольку судом не установлен умысел П., направленный на хищение денежных средств потерпевших в особо крупном размере, а размер похищенных денежных средств ни у одного из них не превышает один миллион рублей, то действия П. нельзя признать мошенничеством, совершенным в особо крупном размере. Более того, судом приведены в приговоре фактические обстоятельства, свидетельствующие о том, что каждый раз у П. возникал умысел на совершение мошенничества в разных суммах в отношении различных потерпевших. Судом также установлено, что свои преступные действия, направленные на хищение чужого имущества в форме мошенничества, совершены П. разными способами: часть из них – путем обмана, часть – путем злоупотребления доверием. При таких обстоятельствах содеянное П. не может расцениваться как продолжаемое преступление и данные действия образуют совокупность преступлений и подлежат переквалификации с ч. 4 ст. 159 УК РФ на ч. 2 ст. 159 УК РФ по каждому эпизоду преступлений, совершенных в отношении 15 потерпевших, как мошенничество, совершенное с причинением значительного ущерба гражданину, и, учитывая размер хищения, на ч. 3 ст. 159 УК РФ по каждому эпизоду преступлений, совершенных в отношении 21 потерпевшего, как мошенничество, совершенное в крупном размере. При этом объем обвинения П. по данным эпизодам с учетом санкций указанных частей ст. 159 УК РФ не увеличен. С учетом изложенного Судебная коллегия изменила приговор и переквалифицировала действия П. с ч. 4 ст. 159 УК РФ по эпизодам преступлений, совершенных в отношении 15 потерпевших, на ч. 2 ст. 159 УК РФ, по которой назначила наказание за каждое из этих преступлений в виде лишения свободы сроком на 4 года, по эпизодам преступлений, совершенных в отношении 21 потерпевшего, на ч. 3 ст. 159 УК РФ, по которой назначила наказание за каждое из этих преступлений в виде лишения свободы сроком на 5 лет со штрафом в размере 60 000 руб. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности 15 преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 159 УК РФ, а также 21 преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159 УК РФ, и преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 33, ч. 3 ст. 30, пп. «а», «в», «з» ч. 2 ст. 126 УК РФ, окончательно П. назначено 9 лет лишения свободы со штрафом в размере 100 000 руб.

Определение № 83-АПУ17-2

“

Верховный Суд осветил нелицеприятную практику судов и правоохранительных органов, направленную на неправильную квалификацию преступных деяний, результатом которой является усиление (отягчение)

уголовного наказания.

Преступные деяния, не охваченные единым умыслом на их совершение, совершенные различными способами, когда каждый раз у обвиняемой возникал самостоятельный умысел на совершение хищения, каждое из которых не обладает признаками, совершенного в особо крупном размере, не могут квалифицироваться как продолжаемое преступление и, соответственно, не могут создавать особо крупный размер в совокупности.

Подобные ошибки, либо действия умышленной направленности влекут за собой усиление государственного

Назначение наказания

31. *Лицо не может быть признано злостным нарушителем порядка отбывания наказания, если на момент вступления в силу акта об амнистии факт совершения им нового умышленного преступления в течение испытательного срока условного осуждения не был подтвержден вступившим в законную силу приговором.*

По приговору суда от 14 сентября 2016 г. Б., ранее судимый 1 апреля 2009 г. мировым судьей, осужден по ч. 3 ст. 33, п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ (в редакции Федерального закона от 21 июля 2004 г. № 73-ФЗ), по ч. 1 ст. 222 УК РФ (в редакции Федерального закона от 21 июля 2004 г. № 73-ФЗ). На основании ч. 1 ст. 70 УК РФ к назначенному наказанию частично присоединена неотбытая часть наказания по приговору от 1 апреля 2009 г., окончательно назначено 12 лет 6 месяцев лишения свободы. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации изменила приговор и исключила указание на применение ч. 5 ст. 74 УК РФ и назначение наказания на основании ст. 70 УК РФ по совокупности приговоров, указав следующее. Из материалов уголовного дела следует, что Б. по приговору мирового судьи от 1 апреля 2009 г. осужден за совершение трех преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 119 УК РФ, на основании ч. 2 ст. 69 УК РФ к 8 месяцам лишения свободы условно с испытательным сроком 8 месяцев. Назначая наказание по данному приговору, суд на основании ч. 5 ст. 74 УК РФ отменил Б. условное осуждение по приговору мирового судьи от 1 апреля 2009 г. и в соответствии со ст. 70 УК РФ по совокупности приговоров окончательно назначил ему 12 лет 6 месяцев лишения свободы. С таким выводом суда первой инстанции согласиться нельзя. Согласно положениям п. 4 и подп. 6 п. 13 постановления Государственной Думы Федерального

Собрания Российской Федерации от 24 апреля 2015 г. № 6576-6 ГД «Об объявлении амнистии в связи с 70летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» условно осужденные подлежат освобождению от наказания, если они не являются злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания. В соответствии с подп. 5 п. 19 постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 24 апреля 2015 г. № 6578-6 ГД «О порядке применения Постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания при применении акта об амнистии следует считать осужденных, совершивших умышленные преступления в течение установленного судом испытательного срока. При этом, по смыслу указанного подпункта, факт совершения осужденным нового умышленного преступления в течение установленного судом испытательного срока должен подтверждаться на день вступления в силу акта об амнистии (24 апреля 2015 г.) постановлением органа предварительного расследования о прекращении уголовного дела по нереабилитирующему основанию либо вступившим в законную силу итоговым судебным решением (постановлением о прекращении уголовного дела по нереабилитирующему основанию или обвинительным приговором). При отсутствии на указанный день такого процессуального документа акт об амнистии подлежит применению¹. Как видно из материалов данного уголовного дела, на день вступления в силу акта об амнистии (24 апреля 2015 г.) указанные выше процессуальные документы отсутствовали. С учетом изложенного основания для применения при назначении наказания положений ч. 5 ст. 74 УК РФ и ст. 70 УК РФ не было.

Определение № 47-АПУ16-9

Процессуальные вопросы

32. *Обвиняемый по уголовному делу, выделенному в отдельное производство в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве, не обладает процессуальным статусом свидетеля по основному уголовному делу и на него не распространяются требования ст. 307 и 308 УК РФ об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и дачу заведомо ложных показаний.*

Р. признан виновным в том, что, являясь должностным лицом (начальником управления по административному округу главного управления Министерства внутренних дел Российской Федерации), получил от З. взятку в особо крупном размере в виде денег, иного имущества и незаконного оказания услуг имущественного характера за совершение действий в пользу взяткодателя и осужден по ч. 6 ст. 290 УК РФ (в редакции Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 324-ФЗ). Адвокаты осужденного в апелляционных жалобах просили об отмене приговора и оправдании Р.

Защитники осужденного подвергали сомнению достоверность показаний свидетеля З. об обстоятельствах дела, указывая, что с З. было заключено соглашение о сотрудничестве и он был заинтересован в исходе дела. Кроме того, в судебном заседании как свидетель З. не предупреждался об уголовной ответственности за дачу ложных показаний.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации оставила приговор без изменения, а апелляционные жалобы без удовлетворения по следующим основаниям. В соответствии с постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 20 июля 2016 г. № 17-П обвиняемый по уголовному делу, выделенному в отдельное производство в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве, может по ходатайству стороны обвинения участвовать в судебном заседании по основному уголовному делу в целях дачи показаний в отношении лиц, обвиняемых в соучастии в том же преступлении. Такое лицо, в силу заключенного им досудебного соглашения о сотрудничестве связанное обязательством сообщать сведения, изобличающие других соучастников преступления, по своему процессуальному статусу не является свидетелем по основному уголовному делу, на него не распространяются требования ст. 307 и 308 УК РФ об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и дачу заведомо ложных показаний и, соответственно, предусмотренные Уголовно-процессуальным законом правила предупреждения допрашиваемого лица о такой ответственности. Материалами дела подтверждается факт заключения с З. досудебного соглашения о сотрудничестве, в том числе относительно обстоятельств дачи им взятки Р. Таким образом, суд первой инстанции обоснованно разъяснил З. его права, предусмотренные ст. 51 Конституции Российской Федерации, и обязанность исполнения условий досудебного соглашения о сотрудничестве без предупреждения об уголовной ответственности по ст. 307–308 УК РФ. При этом показания З. в судебном заседании, изобличающие Р. в получении взятки, суд оценил в совокупности с другими доказательствами по делу и пришел к выводу об их достоверности, поскольку они подтверждены другим доказательствами, приведенными в приговоре.

Определение № 5-АПУ17-3С

“

В отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве и признавшего себя виновным в совершении преступления приговор, постановляется в особом порядке, путем выделения дела в отдельное производство согласно правилам Главы 40.1. УПК РФ. При этом, по вынесении судебного решения в отношении этого лица, оно по своему статусу остается соучастником преступления, а не свидетелем.

Определение Верховного Суда еще раз акцентировало внимание нижестоящих судов на окончательное устранение неопределенностей, содержащихся в УПК РФ в отношении правил допроса лица заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве. Если раньше правоприменители приходили в замешательство при определении правил допроса такого лица – в качестве свидетеля или в качестве обвиняемого, то на сегодняшний день этот вопрос окончательно решен.

Согласно ранее выработанным правовым позициям Конституционного Суда Российской Федерации, для свидетеля в уголовном деле характерна процессуальная нейтральность: он не является стороной в уголовном деле, а относится к иным участникам уголовного процесса. Позицию лица, заключившего досудебное соглашение нельзя рассматривать как нейтральную, ибо он полностью заинтересован в исходе основного уголовного дела.

Таким образом, Конституционный Суд констатирует, что это лицо наделяется совершенно особым процессуальным статусом, в случае привлечения его для дачи показаний в основном уголовном деле, который не нашел своего отражения ни в уголовно-процессуальном законе, ни в единообразной судебной практике. Поэтому Конституционный Суд самостоятельно, руководствуясь принципами Конституционной гарантии прав и свобод человека, дает определение этого статуса. Это лицо, по мнению суда, не является субъектом преступлений, предусмотренных ст. 307, 308 УК РФ, т.е. оно допрашивается не в качестве свидетеля, а в качестве обвиняемого в соучастии в преступлении. Следовательно, и нет необходимости предупреждения его об уголовной ответственности за дачу ложных показаний.

Необходимо отметить, что целью заключения досудебного соглашения о сотрудничестве является изблечение обвиняемым соучастников преступления.

Конституционный суд указал, что дача ложных показаний лицом, заключившим досудебное соглашение должно оцениваться как нарушение этого соглашения и соответственно влечь за собой его расторжение и рассмотрение дела в обычном порядке или пересмотр вынесенного приговора (ст. 317.8 УПК РФ).

Данная правовая позиция согласуется с позицией Европейского Суда по Правам Человека (постановления от 24 июля 2008 года по делу "Владимир Романов против России" и от 23 октября 2012 года по делу "Пичугин против России")

33. *В случае изготовления протокола судебного заседания по частям каждая его часть, как и весь протокол в целом, должна быть подписана председательствующим и секретарем. Отсутствие в уголовном деле надлежаще оформленного протокола судебного заседания является существенным нарушением требований уголовно-процессуального закона и влечет отмену приговора.*

Как усматривается из материалов уголовного дела в отношении Ц., протокол судебного заседания суда состоял из нескольких частей. Первая его часть, отражающая ход судебного разбирательства начиная с 16 января 2013 г. и до объявления перерыва, составлена секретарем К., затем с 25 января 2013 г. до объявления перерыва протокол судебного заседания вела секретарь В., а с 15 февраля 2013 г. – вновь К., которая вела протокол судебного заседания до 22 февраля 2013 г. В судебных заседаниях с 16 января до 15 февраля 2013 г. были допрошены Ц., ряд свидетелей и исследованы доказательства по делу, положенные в основу приговора, по которому Ц. был осужден по ч. 1 ст. 228 УК РФ (в редакции Федерального закона от 19 мая 2010 г. № 87-ФЗ). Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев уголовное дело по кассационной жалобе осужденного, отменила приговор по следующим основаниям. Согласно ст. 245, 259 УПК РФ в судебном заседании ведется протокол судебного заседания, в котором излагаются действия и решения суда, а равно действия участников судебного разбирательства, полно и правильно отражаются все необходимые сведения о ходе рассмотрения дела. Полнота и правильность изготовления протокола должна быть заверена подписью председательствующего и секретаря судебного заседания. Протокол в ходе судебного заседания может изготавливаться по частям, которые, как и протокол в целом, подписываются председательствующим и секретарем. В нарушение закона части протокола судебного заседания не были подписаны секретарями судебного заседания, которые их составляли, и председательствующим. Полнота и правильность изложения хода судебного заседания и исследования доказательств надлежаще не заверены. Отсутствие протокола судебного заседания в том виде, в каком он должен быть оформлен и содержать необходимые реквизиты в соответствии с требованиями УПК РФ, свидетельствует о несоблюдении судом обязательной к исполнению процедуры фиксации уголовного процесса, что ставит под сомнение законность и обоснованность вынесенного приговора. В силу п. 11 ч. 2 ст. 389.17 УПК РФ отсутствие в уголовном деле надлежаще оформленного протокола судебного заседания является существенным нарушением требований уголовно-процессуального закона. Кроме того, согласно ч. 1 ст. 266 УПК РФ председательствующий объявляет состав суда, сообщает, кто является обвинителем, защитником, потерпевшим, разъясняя сторонам право заявления отвода, а в соответствии с п. 5 ч. 4 ст. 47 УПК РФ подсудимый вправе заявить отвод государственному обвинителю. Указанные требования закона при рассмотрении данного уголовного дела судом первой инстанции не выполнены, поскольку в ходе судебного разбирательства 5 февраля 2013 г. произошла замена государственного обвинителя и в нарушение положений ст. 47, 266 УПК РФ председательствующий не выяснил у стороны защиты наличие отводов государственному обвинителю К. Из приговора следует, что уголовное дело

рассмотрено с участием государственного обвинителя Ф., однако после замены государственного обвинителя 5 февраля 2013 г. протокол не содержит сведений о продолжении рассмотрения уголовного дела с ее участием. Помимо изложенного, исходя из взаимосвязанных положений ч. 1 ст. 11 и ч. 2 ст. 16 УПК РФ обязанность разъяснить обвиняемому его права и обязанности, а также обеспечить возможность реализации этих прав возлагается в ходе судебного производства на суд. Между тем из протокола судебного заседания видно, что Ц. не разъяснялось право на участие в прениях сторон, слово в прениях ему не было предоставлено, и данных о том, что он отказался от участия в прениях, не имеется. Судебная коллегия отменила приговор и последующие судебные решения в отношении Ц., а уголовное дело передала на новое судебное рассмотрение иным составом суда.

Определение № 46-УД17-3

“

No comments

Скорее всего эта проблема не процессуального характера, а организационного. Перегруженность судов общей юрисдикции уголовными и гражданскими делами и отсутствие квалифицированного судебного аппарата (как известно, во многих случаях секретарями работают студенты в свободное от учебы время) влечет за собой подобные оплошности со стороны суда.

34. *Оправдательный приговор, постановленный на основании оправдательного вердикта коллегии присяжных заседателей, может быть отменен по представлению прокурора либо по жалобе потерпевшего при наличии таких существенных нарушений уголовно-процессуального закона, которые ограничили право указанных лиц на представление доказательств, в частности право стороны обвинения на допрос свидетеля.*

По приговору суда, вынесенному с участием присяжных заседателей, Б. осужден по ч. 3 ст. 30, пп. «а», «б» ч. 2 ст. 158 и п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Он же оправдан по обвинению в совершении преступления, предусмотренного п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, за непричастностью к его совершению. В апелляционном представлении заместитель прокурора просил приговор отменить и направить дело на новое рассмотрение. По мнению прокурора, суд ограничил сторону обвинения в представлении доказательств, отказав в допросе свидетеля под псевдонимом «И», что повлияло на необоснованное оправдание Б. за убийство и переквалификацию его действий с разбоя на кражу. Потерпевшая Г. в апелляционной жалобе также просила об отмене приговора.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила приговор в части осуждения Б. по п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ и оправдания по предъявленному обвинению в совершении преступления, предусмотренного п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а уголовное дело передала на новое судебное разбирательство в тот же суд иным составом со стадии отбора кандидатов в присяжные заседатели. Судебная коллегия мотивировала свое решение следующим. Из протокола судебного заседания следует, что наряду с иными доказательствами по эпизоду обвинения Б. в разбойном нападении на П. и его убийстве стороной обвинения были представлены показания свидетеля, указанного в списке обвинительного заключения под псевдонимом «И», чьи анкетные данные в соответствии с ч. 9 ст. 166 УПК РФ сохранены в тайне на основании постановления следователя. Показания свидетеля приведены в обвинительном заключении как доказательство стороны обвинения. Сторона обвинения от допроса указанного свидетеля не отказывалась и ходатайствовала о его вызове и допросе в судебном заседании. Вместе с тем судом было отказано в допросе названного свидетеля. При этом, как указал суд, «его показания не относятся к существу предъявленного Б. обвинения». В то же время из содержания приведенных в обвинительном заключении показаний свидетеля «И» следует, что его показания имеют прямое и непосредственное отношение к существу предъявленного Б. обвинения. Недопустимым доказательством его показания не признавались. При таких обстоятельствах отказ в допросе свидетеля под псевдонимом «И» повлек ограничение права стороны обвинения на представление доказательств, что является существенным нарушением уголовно-процессуального закона, в связи с чем приговор в части оправдания Б. по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ подлежит отмене. Поскольку обвинение в указанном преступлении связано с обвинением по п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ, действия по которой с учетом вердикта присяжных заседателей судом переквалифицированы на п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ, приговор также подлежит отмене и в части осуждения Б. по указанному составу преступления. При новом рассмотрении суду надлежит создать участникам процесса со стороны как защиты, так и обвинения необходимые условия для осуществления предусмотренных законом прав.

Определение № 33-АПУ17-1СП

“

Суд принимает решение о допросе либо отказе в допросе свидетеля в присутствии присяжных заседателей, заявленного стороной уголовного дела, самостоятельно, руководствуясь своим внутренним усмотрением. Так как вопрос относимости показаний свидетеля не выносится на рассмотрение коллегии присяжных заседателей, он влечет за собой возможность судебной ошибки в квалификации преступного деяния и грубейшего нарушения уголовно-процессуального закона.

По административным делам

35. При определении размера удержаний из пенсии, являющейся для должника-гражданина единственным источником дохода, следует исходить в том числе из принципа неприкосновенности минимума имущества, необходимого для существования должника и членов его семьи.

Судебным приставом-исполнителем в отношении должников С. и А. возбуждены исполнительные производства, предметом которых являлось взыскание в пользу банка денежных средств. Также судебным приставом-исполнителем вынесены постановления о направлении копии исполнительного документа для исполнения в пенсионный орган с требованием осуществлять удержания из пенсии должников ежемесячно в размере пятидесяти процентов от дохода каждого. С. и А. обратились к судебному приставу-исполнителю с ходатайством об установлении указанных удержаний в размере двадцати процентов, ссылаясь на тяжелое материальное положение. В ответе старшего судебного пристава заявителям разъяснено право обратиться в суд с заявлением о предоставлении отсрочки или рассрочки исполнения судебного акта, а также указано, что ст. 99 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 221-ФЗ «Об исполнительном производстве», устанавливая предельный размер удержаний (не более пятидесяти процентов заработной платы и иных доходов), не ограничивает их фактическую сумму величиной прожиточного минимума. С. и А. обратились в суд с административным иском о признании недействительным ответа старшего судебного пристава и бездействия указанного должностного лица, выразившегося в ненаправлении им этого ответа и неразрешении в установленном порядке ходатайства о снижении размера удержаний. Просили возложить на судебного пристава-исполнителя обязанность установить минимальный размер удержаний, поскольку они являются инвалидами II группы, имеющийся в их распоряжении остаток денежных средств не позволяет приобретать жизненно важные медикаменты и продукты питания. Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, в удовлетворении административного искового заявления отказано. Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила указанные судебные акты и направила административное дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указав следующее.

При рассмотрении административного дела об оспаривании решения, действия (бездействия) органа, организации, лица, наделенных государственными или иными публичными полномочиями, суд проверяет законность решения, действия (бездействия) в части, которая оспаривается, и в отношении лица, которое является административным истцом. При этом суд не связан основаниями и доводами, содержащимися в административном исковом заявлении о признании незаконными решения, действия (бездействия) органа, организации, лица, наделенных государственными или иными публичными полномочиями, и выясняет обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела, в полном объеме (ч. 8 ст. 226

КАС РФ). Порядок рассмотрения заявления, ходатайства лиц, участвующих в исполнительном производстве, определяется ст. 641 Федерального закона «Об исполнительном производстве». Должностное лицо службы судебных приставов по результатам рассмотрения заявления, ходатайства выносит постановление об удовлетворении полностью или частично либо об отказе в удовлетворении заявления, ходатайства, копия которого не позднее дня, следующего за днем его вынесения, направляется заявителю, должнику, взыскателю, а также в суд, другой орган или должностному лицу, выдавшим исполнительный документ (чч. 5 и 7 указанной статьи). Вместе с тем, судебный пристав-исполнитель приведенные предписания закона не исполнил, на ходатайство об установлении меньшего размера удержаний ответил письмом, поставленные заявителями вопросы по существу не рассмотрел. В нарушение предписаний ч. 1 ст. 64 Федерального закона «Об исполнительном производстве», содержащей открытый перечень исполнительных действий, направленных на создание условий для применения мер принудительного исполнения, а равно на понуждение должника к полному, правильному и своевременному исполнению требований, содержащихся в исполнительном документе, судебный пристав-исполнитель не проверил и не оценил обстоятельства, на которые ссылались в ходатайстве административные истцы, ограничившись ссылкой на то, что законодательство об исполнительном производстве не предусматривает при обращении взыскания на заработную плату или иной ежемесячный доход должника обязательного учета такого критерия, как прожиточный минимум. Исходя из положений ст. 99 Федерального закона «Об исполнительном производстве», при исполнении исполнительного документа (нескольких исполнительных документов) допускается возможность удержания не более пятидесяти процентов заработной платы и иных доходов должника-гражданина.

Вместе с тем при совершении исполнительных действий судебный пристав-исполнитель не вправе игнорировать принципы исполнительного производства, закрепленные в ст. 4 названного закона, а именно принципы законности, уважения чести и достоинства гражданина, неприкосновенности минимума имущества, необходимого для существования должника-гражданина и членов его семьи. Поскольку исполнение судебного решения не должно приводить к нарушению прав и законных интересов должника и осуществляться без учета основополагающих принципов исполнительного производства, судебный пристав-исполнитель вправе устанавливать размер удержаний с учетом материального положения должника.

Определение № 45-КГ16-27

“

Основанием отмены судебных актов послужило процессуальное нарушение, допущенное судебным приставом, которое выразилось в том, что он в нарушение ФЗ "Об исполнительном производстве" по результатам

рассмотрения ходатайств должников не вынес процессуального документа - постановления, а дал ответ в письме.

Верховный Суд обратил внимание на то, что судебный пристав, в первую очередь, является представителем государственного органа принудительного взыскания. Следовательно, неукоснительное соблюдение уважения к личности должника, его чести и достоинства является его обязанностью. Кроме того, высший судебный орган указал о наличии у судебного пристава дискреционных полномочий. То есть задача пристава не механическое применения формальных норм закона, а вдумчивое действие, результатом которого не может быть изъятие имущества/денежных средств необходимых для существования должника и его семьи.

36. *Правоотношения в сфере кадастрового учета носят публичный характер, в связи этим дела об оспаривании решений, действий (бездействия) органа, осуществляющего государственный кадастровый учет недвижимого имущества, подлежат рассмотрению и разрешению в порядке административного судопроизводства.*

К. обратился в суд с административным иском к ФГБУ «ФКП Росреестра» об оспаривании действий, связанных с осуществлением кадастрового учета. В обоснование требований указал, что площадь принадлежащего ему на праве собственности земельного участка помимо его воли уменьшилась в результате внесения в государственный кадастр недвижимости изменений по инициативе собственника смежного земельного участка. Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, производство по административному делу прекращено на основании п. 1 ч. 1 ст. 128 и п. 1 ч. 1 ст. 194 КАС РФ. При этом суды исходили из того, что в результате осуществления кадастрового учета в связи с уточнением площади и местоположения границ земельных участков произошло существенное уменьшение площади земельного участка административного истца, в связи с чем имеется спор о праве на земельный участок, связанный с определением его границ, затрагивающий права и законные интересы собственников смежных земельных участков и подлежащий разрешению в порядке гражданского судопроизводства. Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации указанные судебные акты отменила, указав следующее. В соответствии с ч. 1 ст. 46 Конституции Российской Федерации каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод, которая в каждом конкретном деле осуществляется в одной из форм отправления правосудия, в том числе путем обжалования в суд решений и действий (или бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных

лиц (ч. 2). В силу п. 2 ч. 2 ст. 1 КАС РФ суды в порядке, предусмотренном данным кодексом, рассматривают и разрешают подведомственные им административные дела о защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, возникающие из административных и иных публичных правоотношений, в том числе административные дела об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, иных государственных органов, должностных лиц, порядок производства по которым предусмотрен гл. 22 названного кодекса. Положения ч. 1 ст. 218 КАС РФ предоставляют гражданину право обратиться в суд с требованиями об оспаривании действий (бездействия) органа государственной власти, иного органа, организации, наделенных отдельными государственными или иными публичными полномочиями, должностного лица, если он полагает, что нарушены его права, свободы и законные интересы, созданы препятствия к осуществлению прав, свобод и реализации законных интересов. Пунктами 3, 6 ч. 1 ст. 7 Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 221-ФЗ «О государственном кадастре недвижимости» определен состав сведений государственного кадастра недвижимости об объекте недвижимости, включающий описание местоположения границ объекта недвижимости и площадь, если объектом недвижимости является земельный участок. Постановление на учет объекта недвижимости, учет изменений объекта недвижимости, учет части объекта недвижимости, учет адреса правообладателя или снятие с учета объекта недвижимости осуществляется в случае принятия органом кадастрового учета соответствующего решения об осуществлении кадастрового учета (ч. 1 ст. 23 названного закона). В силу пп. 4, 5.1.3 Положения о Федеральной службе государственной регистрации, кадастра и картографии, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 1 июня 2009 г. № 457, названный орган осуществляет государственный кадастровый учет недвижимого имущества, в том числе через подведомственные организации, которой является ФГБУ «ФКП Росреестра». Анализ приведенных законоположений позволяет сделать вывод о том, что оспаривание решения государственного органа является одним из способов защиты права, выбор которого предоставлен лицу, обращающемуся за такой защитой. К административным делам, рассматриваемым по правилам Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, относятся дела, возникающие из правоотношений, не основанных на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности их участников, в рамках которых один из участников правоотношений реализует административные и иные публично-властные полномочия по исполнению и применению законов и подзаконных актов по отношению к другому участнику. Поскольку ФГБУ «ФКП Росреестра» реализует административные и иные публичные полномочия по исполнению и применению законов в сфере кадастрового учета, где отношения не основаны на равенстве сторон, требования об оспаривании решения названного органа об изменении сведений кадастрового учета в отношении принадлежащего административному истцу на праве собственности земельного участка вытекают из публичных правоотношений и подлежат рассмотрению и разрешению в порядке административного судопроизводства.

37. *Вмешательство со стороны публичных властей в осуществление права на уважение личной и семейной жизни допускается лишь в случае, если такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, для охраны здоровья или нравственности, защиты прав и свобод других лиц.*

Б. обратился в суд с административным иском о признании незаконным решения о неразрешении въезда в Российскую Федерацию. В обоснование требований указал, что оспариваемое решение принято без учета принципа соразмерности, а также фактических обстоятельств, связанных с его личной и семейной жизнью, длительностью пребывания в Российской Федерации и т.д. Решением суда первой инстанции административный иск удовлетворен. Суд апелляционной инстанции указанное решение отменил, принял новое решение об отказе в удовлетворении заявленных требований. Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила судебный акт суда апелляционной инстанции и оставила в силе решение суда первой инстанции, указав следующее. Судами установлено, что Б., являясь гражданином Исламской республики Иран, проживает в Российской Федерации длительное время вместе с родителями и братьями, получил основное общее и высшее профессиональное образование, трудоустроен, женат на гражданке Российской Федерации. Поскольку Б. семь раз привлекался к административной ответственности за совершение административных правонарушений в области дорожного движения (нарушение правил применения ремней безопасности, превышение установленной скорости движения и т.д.), уполномоченным органом принято оспариваемое решение. В силу ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. и Протоколов к ней любое ограничение прав и свобод человека должно быть основано на федеральном законе, преследовать социально значимую, законную цель, а также являться необходимым в демократическом обществе. При этом суду при рассмотрении дела всегда следует обосновывать необходимость ограничения прав и свобод человека исходя из установленных фактических обстоятельств. Ограничение прав и свобод человека допускается лишь в том случае, если имеются относимые и достаточные основания для такого ограничения, а также если соблюдается баланс между законными интересами лица, права и свободы которого ограничиваются, и законными интересами иных лиц, государства, общества. В силу положений статьи 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или

нравственности или защиты прав и свобод других лиц. Установленные судом первой инстанции обстоятельства дела свидетельствуют о том, что у административного истца фактически утрачены связи с Исламской республикой Иран, в связи с чем указанное решение уполномоченного органа свидетельствует о чрезмерном ограничении права на уважение частной жизни и является несоразмерным тяжести совершенных Б. административных правонарушений, характер которых не свидетельствует о проявлении крайнего неуважения к законодательству Российской Федерации. В этой связи Судебной коллегией по административным делам Верховного Суда Российской Федерации признаны правомерными выводы суда первой инстанции о наличии оснований для удовлетворения административного искового заявления.

Определение № 25-КГ16-16

38. *Действующее процессуальное законодательство наделяет прокурора правом на обращение в суд с административным исковым заявлением о госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке в интересах неопределенного круга лиц.*

Прокурор обратился в суд в интересах неопределенного круга лиц с административным исковым заявлением о госпитализации П. в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке. Определением судьи районного суда, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, в принятии административного искового заявления отказано, поскольку закон не наделяет прокурора правом обращения в суд с указанными требованиями. Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации указанные судебные акты отменила, направив материал в суд первой инстанции для рассмотрения со стадии принятия административного искового заявления к производству суда, указав следующее. В соответствии с ч. 1 ст. 281 КАС РФ в отношении гражданина, больного заразной формой туберкулеза и неоднократно нарушавшего санитарно-противоэпидемический режим либо умышленно уклоняющегося от обследования в целях выявления туберкулеза или от лечения туберкулеза, может быть подано административное исковое заявление о его госпитализации в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке. В соответствии с ч. 1 ст. 39 КАС РФ прокурор вправе обратиться в суд с административным исковым заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов граждан, неопределенного круга лиц или интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, а также в других случаях, предусмотренных федеральными законами. Положения данной статьи об участии прокурора в административном деле являются общими и распространяют свое действие на производство по административным делам о госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке. Согласно п. 3 ст. 35 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» прокурор в соответствии с процессуальным

законодательством Российской Федерации праве обратиться в суд с заявлением или вступить в дело в любой стадии процесса, если этого требует защита прав граждан и охраняемых законом интересов общества или государства. Административное исковое заявление о госпитализации П. в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке предъявлено прокурором в целях обеспечения и защиты конституционных прав граждан, поскольку П. страдает открытой формой туберкулеза и его уклонение от лечения создает угрозу жизни и здоровью неопределенного круга лиц. Поскольку указанное административное исковое заявление подано прокурором исходя из предоставленных ему законом полномочий, правовых оснований для отказа в принятии этого административного искового заявления не имелось.

Определение № 78-КГПР16-67

По делам военнослужащих

39. *Оставление судом без внимания положений закона, согласно которому присвоение первого воинского звания по окончании обучения является неотъемлемой частью единого процесса обучения военнослужащего в образовательном учреждении, повлекло отмену судебного акта.*

Решением Фокинского гарнизонного военного суда от 16 февраля 2016 г., оставленным без изменения апелляционным определением Тихоокеанского флотского военного суда от 26 апреля 2016 г., удовлетворено административное исковое заявление Е. в той части, в которой он просил возложить на начальника Пограничного управления ФСБ России по Приморскому краю (далее – Пограничное управление) обязанность по представлению административного истца к присвоению воинского звания «лейтенант», а также направлению необходимых документов для его назначения в Пограничном управлении на соответствующую его военно-учетной специальности воинскую должность, для которой штатом предусмотрено воинское звание офицера. Рассмотрев материалы дела по кассационной жалобе представителя административного ответчика, Судебная коллегия по делам военнослужащих пришла к выводу, что судами при рассмотрении дела допущены существенные нарушения норм материального права, что выразилось в следующем. По делу установлено, что Е., проходивший обучение в Хабаровском Пограничном институте ФСБ России и заключивший контракт о прохождении военной службы на период его обучения и последующие 5 лет после окончания, отчислен за неуспеваемость с освобождением его от воинской должности курсанта, после чего он был переведен к новому месту военной службы в Пограничное управление, где заключил новый контракт о прохождении военной службы и назначен на воинскую должность, для которой штатом предусмотрено воинское звание «старший сержант».

В мае 2014 года Е. был командирован для сдачи итоговых экзаменов и приказом начальника Пограничного института допущен к пересдаче государственного междисциплинарного экзамена. По результатам итоговой аттестации ему выдан диплом специалиста – выпускника Пограничного института. В ноябре 2015 года начальником Пограничного управления со ссылкой на разъяснения начальника Пограничного института в удовлетворении рапорта Е. о его представлении к присвоению первого воинского звания офицера – «лейтенант» отказано. Удовлетворяя частично административное исковое заявление и признавая данный отказ должностного лица незаконным, гарнизонный военный суд, с выводами которого согласился флотский военный суд, исходил из того, что Е., не имевший воинского звания офицера, продолжив службу в органах ФСБ России и успешно окончив высшее военно-учебное заведение с получением соответствующего диплома, приобрел право на присвоение воинского звания «лейтенант» и замещение вакантной офицерской должности в Пограничном управлении, соответствующей его военно-учетной специальности. Эти выводы судов основаны на неправильном толковании и применении норм материального права. В подп. «а» п. 2 ст. 21 Положения о порядке прохождения военной службы определено, что воинское звание лейтенанта присваивается военнослужащему, не имеющему воинского звания офицера, либо военнослужащему, имеющему воинское звание младшего лейтенанта, независимо от срока военной службы в этом воинском звании, окончившему высшее или среднее военно-учебное заведение, - по окончании указанного учебного заведения. Согласно п. 17 гл. 2 Инструкции об организации работы по подготовке, оформлению и представлению документов к присвоению воинских званий военнослужащим органов федеральной службы безопасности, утвержденной приказом ФСБ России от 26 января 2013 г. № 36/ДСП, представление к присвоению первого воинского звания курсанту (слушателю) и выпускнику образовательного учреждения ФСБ России подписывается начальником этого образовательного учреждения. Анализ приведенных норм позволяет сделать вывод, что присвоение первого воинского звания по окончании обучения является неотъемлемой частью единого процесса обучения военнослужащего в образовательном учреждении. Как усматривается из материалов дела, Е., будучи отчисленным из Пограничного института, впоследствии был допущен лишь к пересдаче одного из итоговых государственных экзаменов, однако в институте установленным порядком он не восстанавливался, курсантом данного образовательного учреждения не являлся, соответствующий контракт о прохождении военной службы утратил силу, а его аттестация на предмет присвоения первого звания офицера не проводилась. Таким образом, истец требованиям законодательства, предъявляемым к кандидатам на присвоение по окончании учебной организации первого звания офицера, на момент его обращения с соответствующим рапортом не отвечал, а начальник Пограничного управления не являлся компетентным лицом в решении этого вопроса. Кроме того, Е. в Пограничном управлении проходил военную службу на воинской должности, для которой штатом предусмотрено звание «старший сержант». Следовательно, у начальника этого управления, исходя из содержания п. 2 ст. 21 Положения о порядке прохождения военной службы, не имелось оснований ходатайствовать перед

вышестоящим командованием о присвоении Е. первого офицерского звания, что допускается лишь при замещении военнослужащим не имеющим офицерского воинского звания воинской должности офицера. С учетом изложенного выводы судов о возникшем у Е. праве на присвоение воинского звания «лейтенант» являются ошибочными. На основании изложенного Судебная коллегия по делам военнослужащих отменила решение Фокинского гарнизонного военного суда от 16 февраля 2016 г. и апелляционное определение Тихоокеанского флотского военного суда от 26 апреля 2016 г. по административному исковому заявлению Е. в части удовлетворения требований об оспаривании действий начальника Пограничного управления и приняла по делу в этой части новое решение об отказе в удовлетворении административного искового заявления.

Определение № 211-КГ16-33

40. *Неоднократные нарушения военнослужащим воинской дисциплины могут явиться основанием для его увольнения в связи с несоблюдением условий контракта о прохождении военной службы.*

Решением Челябинского гарнизонного военного суда от 3 ноября 2015 г. отказано в удовлетворении административного искового заявления А., в котором она просила признать незаконными заключение аттестационной комиссии воинской части от 8 июня 2015 г. о целесообразности увольнения ее с военной службы в связи с невыполнением условий контракта и приказ командира воинской части от 16 июня 2016 г. о ее увольнении по указанному основанию и исключении в связи с этим из списков части. Апелляционным определением Уральского окружного военного суда от 17 марта 2016 г. решение суда первой инстанции отменено. По делу принято новое решение, которым требования А. удовлетворены. Рассмотрев материалы административного дела по кассационной жалобе административного ответчика, Судебная коллегия по делам военнослужащих нашла апелляционное определение окружного военного суда подлежащим отмене по следующим основаниям. Из материалов дела следует, что А. проходила военную службу по контракту в пограничных органах ФСБ России на воинской должности контроллера контрольно-пропускного пункта отдела (пограничной комендатуры). В период с декабря 2014 года по апрель 2015 года А. трижды привлекалась к дисциплинарной ответственности: 15 января 2015 г. ей объявлен выговор за наличие при несении службы в наряде сотового телефона; 3 февраля 2015 г. – выговор за отсутствие 31 декабря 2014 г. доклада о прибытии с лечения, грубое и некорректное обращение с начальником подразделения; 10 апреля 2015 г. – строгий выговор за наличие при несении службы в наряде сотового телефона. Неоднократные нарушения воинской дисциплины, а также то, что принимаемые командованием в отношении административного истца меры дисциплинарного воздействия воспитательного эффекта не имели, послужило основанием для оценки ее служебной деятельности аттестационной комиссией, которая пришла к выводу, что А. перестала удовлетворять требованиям законодательства о воинской обязанности и военной

службе, предъявляемым к военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, в связи с чем ходатайствовала об увольнении ее с военной службы в связи с невыполнением условий контракта. Приказом командира воинской части от 16 июня 2015 г. А. уволена с военной службы в связи с невыполнением ею условий контракта и исключена из списков личного состава воинской части. Отказывая в удовлетворении требований А., суд первой инстанции исходил из того, что процедура увольнения административного истца с военной службы командованием соблюдена, а неоднократное ее привлечение в период прохождения военной службы к дисциплинарной ответственности свидетельствует о систематических нарушениях с ее стороны условий контракта. Отменяя решение суда первой инстанции и удовлетворяя административное исковое заявление, окружной военный суд в том числе указал, что совершенные А. дисциплинарные проступки грубыми не являются, данных о совершении ею уголовного или административного проступков в материалах дела не имеется. Такой вывод суда апелляционной инстанции основан на неправильном толковании закона. В соответствии с ч. 3 ст. 32 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» (далее – Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе») условия контракта о прохождении военной службы включают в себя обязанность военнослужащего добросовестно исполнять все общие, должностные и специальные обязанности, установленные законодательными и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации. Согласно пп. «в» п. 2 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» военнослужащий, проходящий военную службу по контракту, может быть досрочно уволен с военной службы в связи с невыполнением им условий контракта. Аналогичные положения закреплены в пп. «в» п. 4 ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы. Досрочное увольнение А. с военной службы было произведено вследствие невыполнения ею условий контракта, выразившегося в недобросовестном отношении к служебным обязанностям, в том числе в совершении ряда дисциплинарных проступков при наличии неснятых дисциплинарных взысканий, а также подтвержденного неудовлетворительными оценками по предметам оперативно-боевой подготовки, отрицательной характеристикой по службе. Приведенные обстоятельства обоснованно послужили поводом для постановки вопроса о ее соответствии требованиям, предъявляемым к лицам, проходящим военную службу по контракту. Вывод суда апелляционной инстанции об отсутствии негативных последствий проступков А. и об их незначительности для военной службы не может быть признан правомерным, поскольку решение этих вопросов относится к дискреционным полномочиям воинских должностных лиц. Согласно ст. 81 Дисциплинарного устава Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 г. № 1495 (далее – Дисциплинарный устав), определение вины и степени тяжести совершенного военнослужащим дисциплинарного проступка находится в компетенции должностных лиц, уполномоченных проводить разбирательство и привлекать виновного военнослужащего к дисциплинарной ответственности. Решение по вопросу досрочного увольнения А. с военной службы было принято в пределах полномочий воинских

должностных лиц и с соблюдением процедуры аттестации, как это установлено п. 1 ст. 26 Положения о порядке прохождения военной службы. Оснований для сомнений в правильности действий административных ответчиков в процессе проведения аттестации А. не имеется. Приведенные выше обстоятельства свидетельствуют о том, что заключение аттестационной комиссии о несоответствии А. занимаемой должности и целесообразности в связи с этим ее досрочного увольнения с военной службы, а также приказ командира воинской части в части досрочного увольнения административного истца с военной службы в связи с невыполнением условий контракта и исключения из списков части являются законными. Допущенные нарушения повлияли на исход дела и без их устранения невозможны защита охраняемых законом публичных интересов, в связи с чем апелляционное определение окружного военного суда Судебной коллегией по делам военнослужащих было отменено и оставлено в силе решение гарнизонного военного суда.

Определение № 204-КГ16-7

41. *Поскольку истец по истечении пятилетнего срока после окончания военно-учебного заведения в квартиру, принадлежащую родителям на праве собственности, обратно не вселился, а продолжил проходить военную службу в других населенных пунктах, законных оснований для продолжения отнесения истца к членам семьи собственников жилого помещения не имелось.*

Решением Наро-Фоминского гарнизонного военного суда от 27 апреля 2016 г., оставленным без изменения апелляционным определением Московского окружного военного суда от 21 июля 2016 г., Е. отказано в удовлетворении заявления, в котором он просил признать незаконным сообщение врио руководителя Федерального государственного казенного учреждения «Восточное региональное управление жилищного обеспечения» Минобороны России (далее – ФГКУ «Востокрегионжилье») от 29 февраля 2016 г. об отсутствии оснований для выплаты ему денежных средств, дополняющих накопления для жилищного обеспечения, как участнику накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих, а также возложить на руководителя ФГКУ «Востокрегионжилье» обязанность по повторному рассмотрению его заявления с принятием решения о выплате указанных денежных средств. Рассмотрев дело по кассационной жалобе Е., Судебная коллегия по делам военнослужащих нашла, что при рассмотрении дела судами была допущена ошибка в применении норм материального права, что выразилось в следующем. Из материалов дела следует, что Е. в ноябре 2000 года был вселен в качестве члена семьи в квартиру, принадлежащую на праве собственности его родителям и находящуюся в г. Наро-Фоминске Московской области. После поступления в августе 2004 года в военно-учебное заведение, дислоцированное в г. Смоленске, Е. выселился из указанной квартиры, а после окончания военно-учебного заведения он проходил военную службу в воинских частях, дислоцированных в г. Коврове Владимирской области, г. Ельне Смоленской области и с. Домна Забайкальского края. В июне 2013 года истец

приобрел в собственность в г. НароФоминске Московской области квартиру как участник накопительно ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих, а в декабре 2015 года обратился в ФГКУ «Востокрегионжилье» с заявлением о выплате ему денежных средств, дополняющих накопления для жилищного обеспечения, указав, что он не является нанимателем или членом семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма, собственником либо членом семьи собственника жилого помещения. Приказами воинских должностных лиц от 24 декабря 2015 г. и от 26 декабря 2015 г. Е. уволен в отставку по состоянию здоровья – в связи с признанием его военно-врачебной комиссией негодным к военной службе, и исключен из списков части. 1 февраля 2016 г. истец снялся с регистрационного учета из квартиры родителей и зарегистрировался по адресу квартиры, принадлежащей ему на праве собственности. Сообщение врио руководителя ФГКУ «Востокрегионжилье» от 29 февраля 2016 г. заявление Е. о выплате денежных средств, дополняющих накопления для жилищного обеспечения, было оставлено без удовлетворения ввиду того, истец в 2000 году вселен в жилое помещение, расположенное в г. Наро-Фоминске Московской области, как член семьи основного квартиросъемщика (собственника) жилого помещения, право пользования которым им не утрачено. Признавая отказ законным, суд первой инстанции исходил из того, что наличие у Е. права пользования жилым помещением, принадлежащим его отцу, является прямым основанием для отказа в выплате денежных средств, дополняющих накопления для жилищного обеспечения. Соглашаясь с решением суда первой инстанции, окружной военный суд дополнительно указал, что непроживание Е. в квартире родителей не свидетельствует о том, что он не является членом их семьи, поскольку истец дал родителям согласие на приватизацию и до момента снятия с регистрационного учета за ним сохранялось право пользования этим жилым помещением. Такой вывод судов основан на неправильном толковании закона. Согласно пунктам 1 и 15 ст. 15 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» обеспечение военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, жилыми помещениями может быть реализовано в форме предоставления им денежных средств в рамках накопительно-ипотечной системы, условия и порядок участия в которой установлены Федеральным законом от 20 августа 2004 г. № 117-ФЗ «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих» (далее – Закон о накопительноипотечной системе). В соответствии с ч. 1 ст. 4 Закона о накопительно-ипотечной системе реализация права на жилище участниками накопительно-ипотечной системы осуществляется посредством формирования накоплений для жилищного обеспечения на именных накопительных счетах участников и последующего использования этих накоплений, предоставления целевого жилищного займа и выплаты денежных средств, дополняющих накопления для жилищного обеспечения, учтенные на именном накопительном счете участника, до расчетного размера денежных средств, которые мог бы накопить участник накопительно-ипотечной системы в период от даты предоставления таких средств до даты, когда общая продолжительность его военной службы могла бы составить двадцать лет. Выплата денежных средств, дополняющих накопления для жилищного обеспечения, в силу ч. 2 ст. 4 Закона о накопительноипотечной системе, производится

военнослужащим, участвовавшим в накопительно-ипотечной системе, или членам их семей, не являющимся нанимателями жилых помещений по договору социального найма или членами семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма либо собственниками жилых помещений или членами семьи собственника жилого помещения, за исключением жилых помещений, приобретенных с использованием целевых жилищных займов в соответствии с Законом о накопительно-ипотечной системе. Из изложенного следует, что установление принадлежности истца к членам семьи собственников жилого помещения имеет существенное значение для дела, на что правильно указано в судебных актах. Вместе с тем, признавая Е. членом семьи собственников жилого помещения – своих родителей, суды оставили без внимания, что истец после поступления в августе 2004 года в военно-учебное заведение выселился из этого жилого помещения и никогда туда больше не вселялся, а после окончания военной службы поселился и зарегистрировался в квартире, приобретенной в собственность за счет участия в накопительноипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих. Это обстоятельство является юридически значимым. В соответствии с абзацем одиннадцатым п. 1 ст. 15 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» за военнослужащими, обеспечиваемыми служебными жилыми помещениями, на первые пять лет военной службы по контракту (не считая времени обучения в военных профессиональных образовательных организациях или военных образовательных организациях высшего образования) сохраняется право на жилые помещения, занимаемые ими до поступления на военную службу. Содержание названной нормы закона указывает на то, что за такими военнослужащими сохраняются жилые помещения, в которых они проживали до поступления на военную службу по контракту либо до поступления в военно-учебные заведения, лишь на первые пять лет военной службы. О сохранении за ними права на жилые помещения, занимаемые до поступления на военную службу, на более длительный срок законодательство о воинской обязанности и военной службе указаний не содержит, а по общему правилу, в силу ч. 1 ст. 31 ЖК РФ, обязательным условием отнесения супруга собственника жилого помещения, а также его детей и родителей к членам семьи собственника жилого помещения является их совместное проживание. Поскольку по истечении пятилетнего срока после окончания военноучебного заведения Е. в квартиру, принадлежащую родителям на праве собственности, обратно не вселился, а продолжил проходить военную службу в других населенных пунктах, законных оснований для продолжения отнесения истца к членам семьи собственников жилого помещения не имелось. Сохранение истцом в период военной службы регистрации в квартире, принадлежащей на праве собственности его родителям, – с учетом фактического выселения из этой квартиры в 2004 году, отсутствия ведения с этого времени общего хозяйства с ними и приобретения в собственность отдельного жилья, – не может свидетельствовать о продолжении отнесения его к членам семьи собственников жилого помещения. Что касается дачи Е. согласия на приватизацию квартиры своим родителям, то данное обстоятельство могло иметь юридическое значение в случае его фактического проживания в жилом помещении после дачи такого согласия, поскольку согласно чч. 2 и 4 ст. 69 ЖК РФ (до 1

марта 2005 г. – ст. 53 ЖК РСФСР) равные права с нанимателем жилого помещения по договору социального найма в государственном и муниципальном жилищном фонде, в том числе право пользования этим помещением, имеют члены семьи нанимателя и бывшие члены семьи нанимателя, продолжающие проживать в занимаемом жилом помещении. Не усматривается в действиях истца, связанных с выселением из жилого помещения, принадлежащего на праве собственности его родителям, признаков злоупотребления правом. При таких данных распространение на Е. ограничений для получения денежных средств, дополняющих накопления для жилищного обеспечения, установленных ч. 2 ст. 4 Закона о накопительно-ипотечной системе, а именно отнесение его к членам семьи собственника жилого помещения, нарушает его права. С учетом изложенного сообщение врио руководителя ФГКУ «Востокрегионжилье» об отсутствии оснований для выплаты истцу денежных средств, дополняющих накопления для жилищного обеспечения, и выводы судов о правомерности такого сообщения на законе не основаны. Допущенные судами нарушения повлияли на исход дела и без их устранения невозможна защита нарушенных жилищных прав истца, а также защита охраняемых законом публичных интересов.

Это обстоятельство явилось основанием для отмены в кассационном порядке состоявшихся по делу судебных актов и принятия по делу нового решения об удовлетворении заявления.

Определение № 201-КГ17-16

42. *Не считаются командировками поездки военнослужащих на учебные сборы по подготовке к вступительным экзаменам в военные профессиональные образовательные организации или военные образовательные организации высшего образования*

Решением Белогорского гарнизонного военного суда от 26 января 2016 г., оставленным без изменения апелляционным определением Дальневосточного окружного военного суда от 12 апреля 2016 г., удовлетворено административное исковое заявление З., в котором он просил признать незаконным отказ руководителя федерального казенного учреждения «Управление финансового обеспечения Министерства обороны Российской Федерации по Амурской области и Республике Саха (Якутия)» (далее – ФКУ УФО) в производстве выплаты командировочных расходов для прохождения предварительного и профессионального отборов приемной комиссией для зачисления в военную образовательную организацию высшего образования в качестве слушателя. В кассационной жалобе руководитель ФКУ УФО, указав на то, что поездки истца для предварительного и профессионального отборов не являлись служебными командировками, и были обусловлены поступлением в военно-учебное заведение, просил судебные акты отменить и принять по делу новое решение об отказе в удовлетворении исковых требований. Рассмотрев материалы дела, обсудив доводы кассационной жалобы, Судебная коллегия по делам военнослужащих нашла жалобу подлежащей удовлетворению по следующим основаниям. Судами при рассмотрении дела допущена ошибка в применении норм

материального права, что выразилось в следующем. Из материалов дела усматривается, что подполковник З. был направлен в период с 4 по 14 февраля 2015 г. для прохождения предварительного отбора в г. Рязань, а затем с 13 по 26 мая 2015 г. для прохождения профессионального отбора приемной комиссией для зачисления в ВУНЦ ВВС в качестве слушателя в г. Воронеж, после чего обратился за компенсацией командировочных расходов. Получив отказ в их компенсации, З. обратился в суд. Удовлетворяя административное исковое заявление, суды исходили из того, что направление З. для прохождения предварительного и профессионального отборов осуществлялось в соответствии с приказами командира воинской части, изданными на основании поступивших от вышестоящих воинских должностных лиц указаний и плана служебных командировок Военно-воздушных сил на 2015 год, с выдачей последнему командировочного удостоверения. В этой связи суды, руководствуясь п. 20 и 36 приказа Министра обороны Российской Федерации от 7 апреля 2015 г. № 185, пришли к выводу о том, что положения подп. «г» и «д» п. 125 Порядка, утвержденного Приказом № 2700 (в редакции, действовавшей на момент спорных отношений), не распространяют свое действие на военнослужащих, поступающих в качестве слушателей в вузы по очной форме обучения, а поэтому З. в феврале и мае 2015 года пребывал в служебной командировке и вправе претендовать на возмещение командировочных расходов. Между тем такой вывод основан на неправильном применении норм материального права. В соответствии с ч. 1 ст. 19 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» военнослужащие-граждане имеют право на обучение в военных профессиональных образовательных организациях, военных образовательных организациях высшего образования, иных организациях, находящихся в ведении федеральных органов исполнительной власти, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба, и реализующих программы дополнительного профессионального образования и (или) программы профессионального обучения. Порядок и условия приема в образовательные организации высшего образования, находящихся в ведении Министерства обороны Российской Федерации, утверждены приказом Министра обороны Российской Федерации от 7 апреля 2015 г. № 185 (далее – Порядок). Согласно п. 8, 20, 30 Порядка прием на обучение в вузы включает комплекс мероприятий по отбору кандидатов на обучение слушателями и курсантами, соответствующих требованиям, установленным законодательством Российской Федерации, и условиям, предусмотренных Порядком (далее – предварительный отбор), а также определению их способности осваивать образовательные программы соответствующего уровня и направленности (далее – профессиональный отбор). Предварительный отбор кандидатов из числа офицеров, поступающих в вузы на обучение слушателями, в соответствии с частными планами предварительного отбора организуется командирами воинских частей и осуществляется в целях направления в вуз для прохождения профессионального отбора наиболее подготовленных офицеров. Профессиональный отбор кандидатов из числа офицеров проводится ежегодно с 15 по 30 мая года приема в вуз приемными комиссиями высших военно-учебных заведений, в целях определения способности поступающих осваивать образовательные программы соответствующего уровня.

Исходя из изложенного, предварительный и профессиональный отборы являются неотъемлемой частью единого процесса приема в образовательные организации высшего образования. Это обстоятельство имеет существенное значение для дела, поскольку в соответствии с п. 125 приказа Министра обороны Российской Федерации от 30 декабря 2011 г. № 2700 «Об утверждении порядка обеспечения денежным довольствием военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации» (в редакции, действовавшей на момент спорных правоотношений) не считаются командировками поездки военнослужащих при выездах, связанных с поступлением на обучение и обучением в заочных федеральных государственных профессиональных образовательных организациях, федеральных государственных образовательных организациях высшего образования, заочной адъюнктуры, а также при выездах на учебные сборы по подготовке военнослужащих к вступительным экзаменам в военные профессиональные образовательные организации или военные образовательные организации высшего образования. Эти положения, вопреки выводу судов, распространяют свое действие также на военнослужащих, поступающих в качестве слушателей в вузы по очной форме обучения. Для подготовки и сдачи вступительных экзаменов в военно-учебные заведения военнослужащим предоставляются учебные отпуска по основаниям и в порядке, предусмотренном п. 31 Положения о порядке прохождения военной службы. Кроме того, в соответствии с абз. 4 п. 2 Инструкции о планировании служебных командировок, наградного фонда и фонда единовременных денежных пособий, утвержденной приказом Министра обороны Российской Федерации от 2 мая 2012 г. № 1055, при разрешении вопроса о том, находился ли военнослужащий в служебной командировке, юридически значимыми являются обстоятельства, связанные с направлением военнослужащего по распоряжению командира (начальника), на определенный срок, в другую местность и для выполнения конкретного служебного задания вне пункта постоянной дислокации или временного расквартирования воинской части (подразделения), в которой военнослужащий проходит военную службу. Только при наличии всех вышеперечисленных условий можно сделать вывод о нахождении военнослужащего в служебной командировке. Из материалов же дела не усматривается, что направление З. в период с 4 по 14 февраля 2015 г. для прохождения предварительного отбора в г. Рязань, а затем с 13 по 26 мая 2015 г. для прохождения профессионального отбора приемной комиссией для зачисления в ВУНЦ ВВС в качестве слушателя в г. Воронеж было обусловлено выполнением служебного задания.

При таких данных прохождение З. предварительного и профессионального отборов в период с 4 по 14 февраля и с 13 по 26 мая 2015 г. является неотъемлемой частью единого процесса поступления в вуз и не было обусловлено выполнением им служебного задания, в связи с чем не может быть признано служебной командировкой. С учетом этого оснований для компенсации З. командировочных расходов не имелось, а действия руководителя ФКУ УФО являются законными и обоснованными. Применение судами п. 20 и 36 приказа Министра обороны Российской Федерации от 7 апреля 2015 г. № 185 к вопросу оплаты командировочных расходов является ошибочным, поскольку данные правоотношения регламентируются иными нормами

материального права – приказами Министра обороны Российской Федерации от 30 декабря 2011 г. № 2700, а также от 2 мая 2012 г. № 1055 «О планировании служебных командировок, наградного фонда и фонда единовременных денежных пособий». Приведя указанные доводы, Судебная коллегия по делам военнослужащих отменила решение Белогорского гарнизонного военного суда от 26 января 2016 г. и апелляционное определение судебной коллегии Дальневосточного окружного военного суда от 12 апреля 2016 г. по заявлению З. и приняла по делу новое решение, которым отказала в удовлетворении его требований.

Определение. № 208-КГ16-42

43. *Лицо, указавшее в ходе следствия место хранения им оружия, боеприпасов и взрывного устройства, подлежало освобождению от уголовной ответственности по статьям 222 и 2221 УК РФ, поскольку до сообщения о месте хранения указанных предметов органы предварительного следствия не обладали информацией об этом, а сам осужденный мог продолжать их хранение.*

По приговору Северо-Кавказского окружного военного суда от 25 ноября 2016 г. Т. признан виновным в том числе в незаконных хранении и ношении огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывного устройства, совершенных организованной группой, и осужден за совершение преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 222 УК РФ и ч. 3 ст. 2221 УК РФ. Рассмотрев дело по апелляционной жалобе защитника осужденного, Судебная коллегия по делам военнослужащих приговор изменила: на основании примечания к ст. 2221 УК РФ в части осуждения Т. по ч. 3 ст. 2221 УК РФ приговор отменила и уголовное дело прекратила; на основании примечания к ст. 222 УК РФ исключила из обвинения Т. по ч. 3 ст. 222 УК РФ указание о признании его виновным в ношении и хранении автомата АК-74, 26 патронов к нему, ручной гранаты Ф-1, изъятых при проверке его показаний; смягчила Т. наказание по ч. 3 ст. 222 УК РФ и по совокупности других преступлений. В обоснование Судебная коллегия по делам военнослужащих привела следующие доводы. Из материалов дела следует, что Т. 12 апреля 2015 г. получил от руководителя незаконного вооруженного формирования автомат АК-74, боеприпасы – пять магазинов, снаряженных 150 патронами, ручную гранату Ф-1 и взрывное устройство УЗРГМ-2. Автомат и патроны Т. незаконно хранил и носил при себе до октября 2015 г., после чего дополнительно получил у иного участника банды автомат АК-74 и 31 патрон к нему, которые незаконно хранил и носил при себе до 16 октября 2015 г. Один автомат АК-74, 26 патронов к нему, 5 гильз, ручную гранату Ф-1 и запал к ней УЗРГМ-2 были изъяты 16 июня 2016 г. в ходе проверки показаний Т. Таким образом, один автомат АК-74 и боеприпасы – пять магазинов, снаряженных 150 патронами, полученные Т. от руководителя незаконного вооруженного формирования 12 апреля 2015 г., с обвинением в ношении и хранении которых в составе организованной группы он согласился, им добровольно не сданы, что не оспаривается в апелляционной жалобе. В связи с этим оснований для освобождения Т. от уголовной ответственности по всему объему обвинения по ч. 3 ст.

222 УК РФ не имеется. Вместе с тем доводы апелляционной жалобы о необходимости исключения из осуждения Т. на основании примечаний к ст. 222 и 2221 УК РФ обвинения в ношении и хранения предметов, изъятых органами предварительного следствия 16 июня 2016 г. в месте, указанном Т. в ходе допроса в качестве обвиняемого (оружия и боеприпасов – одного автомата АК-74, 26 патронов к нему, гранаты Ф-1 и взрывного устройства – запала УЗРГМ-2), являются обоснованными. Судом установлено, что до сообщения Т. о месте хранения указанных предметов органы предварительного следствия не обладали информацией об этом, а сам осужденный мог продолжать их хранение. При таких данных оснований для непризнания указанного сообщения добровольной сдачей этих предметов и для отказа в исключении из приговора указания об осуждении Т. за их ношение и хранение не имеется. Тот факт, что названные предметы были изъятые в ходе проверки показаний Т., не исключает возможности применения примечаний к ст. 222 и 2221 УК РФ, поскольку производство данного следственного действия стало возможным лишь в результате сообщения осужденного о месте их хранения, то есть после совершения действий по добровольной выдаче.

Также не препятствует применению примечания к ст. 222 и 2221 УК РФ то обстоятельство, что данную информацию Т. довел до органов предварительного следствия после заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, так как действующее законодательство не содержит указаний о недопустимости освобождения лица от уголовной ответственности по данному основанию после удовлетворения ходатайства подозреваемого или обвиняемого о заключении соглашения.

Апелляционное определение № 205-АПУ17-7

44. *Если в результате принятых мер установить место нахождения свидетеля для вызова в судебное заседание не представилось возможным, решение об оглашении его показаний может быть принято судом при условии предоставления обвиняемому (подсудимому) в предыдущих стадиях производства по делу возможности оспорить эти доказательства предусмотренными законом способами.*

По приговору Северо-Кавказского окружного военного суда от 31 августа 2016 г. К. признан виновным и осужден за склонение двух граждан в совершение преступления, предусмотренного ст. 208 УК РФ, и за покушение на участие на территории иностранного государства в вооруженном формировании, не предусмотренном законодательством данного государства, в целях, противоречащих интересам Российской Федерации. Рассмотрев дело по апелляционным жалобам осужденного и его защитников, Судебная коллегия по делам военнослужащих приговор изменила, исключила из описательно-мотивировочной части приговора ссылку на показания свидетеля У., данные им в ходе предварительного расследования. Как усматривается из протокола судебного заседания, показания свидетеля У., несмотря на возражения стороны защиты, были оглашены по ходатайству государственного обвинителя по причине заболевания свидетеля и нахождения его на больничном. В дальнейшем

сторона защиты неоднократно ходатайствовала о вызове и непосредственном допросе У. в судебном заседании, однако в удовлетворении этого ходатайства было отказано. Между тем в соответствии с п. 2 ч. 2 ст. 281 УПК РФ оглашение показаний свидетеля допускается в случае тяжелой болезни, препятствующей явке в суд, а нахождение свидетеля У. на больничном к такому случаю не относится. Кроме того, согласно ч. 21 ст. 281 УПК РФ решение об оглашении показаний свидетеля и о воспроизведении видеозаписи или кино съемки следственных действий, производимых с его участием, может быть принято судом при условии предоставления обвиняемому (подсудимому) в предыдущих стадиях производства по делу возможности оспорить эти доказательства предусмотренными законом способами. Поскольку К. в предыдущих стадиях производства по делу не была предоставлена такая возможность, то предусмотренных законом оснований для оглашения показаний свидетеля У. в судебном заседании не имелось, а поэтому они подлежат исключению из приговора. Вместе с тем Судебная коллегия указала в апелляционном определении, что исключение названных показаний не свидетельствует о незаконности и необоснованности приговора в целом, постановленного на достаточной совокупности иных исследованных в судебном заседании

Апелляционное определение № 205-АПУ17-4

“

Большая тема. Согласно ст. 281 УПК РФ оглашение показаний свидетеля ранее данных при производстве предварительного расследования допускается в случае неявки свидетеля по уважительным причинам. Суд самостоятельно принимает решение об оглашении показаний отсутствующего свидетеля исходя из анализа объективности причины невозможности его участия в данном судебном заседании. На практике часто имеют место злоупотребления со стороны следственных органов, когда свидетели (как правило жители далеких южных республик или маргинальные личности без определенного места жительства) не могут быть доставлены в судебное заседание по причине невозможности установления их места нахождения. В результате огромного количества рассмотренных жалоб, осужденных и их адвокатов в 2016 году были внесены изменения в ст. 281 УПК РФ, по мнению законодателя облегчающие оспаривание оглашаемых судом показаний. Однако и здесь обнаруживается процессуальная ловушка для обвиняемого, в особенности по экономическим делам.

Так согласно новой редакции, решение об оглашении показаний потерпевшего или свидетеля и о воспроизведении видеозаписи или кино съемки следственных действий, производимых с их участием, может быть принято судом при условии предоставления обвиняемому (подсудимому) в

предыдущих стадиях производства по делу возможности оспорить эти доказательства предусмотренными законом способами. На практике эта возможность выражается в представлении обвиняемому возможности оспорить показания свидетеля в ходе очной ставки. В случае, когда обвиняемый согласен давать показания, очная ставка, проведенная на стадии предварительного расследования, действительно является возможностью опровергнуть показания свидетеля, которые оглашаются судом. Однако, как быть, когда подозреваемый/обвиняемый отказывается от дачи показаний на стадии следствия в соответствии с ст. 51 Конституции Российской Федерации? Следовательно, не смотря на то, что подозреваемый/обвиняемый воспользовался 51-й статьей, все равно назначает очную ставку, в ходе которой свидетель излагает свою версию совершения преступления, а подозреваемый/обвиняемый в виду того, что он отказался от дачи показаний не может оспорить показания свидетеля. В дальнейшем, в ходе судебного заседания, если обвиняемый заявляет о том, что он был лишен возможности оспорить показания свидетеля, суд указывает, что ему ничто в этом не препятствовало и он сам отказался от дачи показаний на очной ставке. Все конечно логично в выводах суда, но надо заметить, что, отказ от дачи показаний – это принципиальная позиция обвиняемого, результатом которой в ходе судебного заседания по уголовному делу им предполагается, в том числе, и представление новых доказательств, которые не были представлены следственному органу из-за опасения в отсутствии беспристрастности у последнего. Таким образом, оглашенные показания отсутствующего свидетеля вновь оказываются непреодолимым препятствием для доказывания невиновности подсудимого, принявшего решение воспользоваться ст. 51 Конституции.

В данном деле все несколько проще – отсутствие тяжкого заболевания у свидетеля и непредставление подсудимому возможности оспорить показания свидетеля на предыдущих стадиях производства по уголовному делу.

К сожалению Верховный Суд в определении не раскрывает свой взгляд на полный список предусмотренных законом способов, дающих возможности оспорить эти доказательства.